

«ст тытти(ж)» («шс'тедам *isiwp!»)

А. МАЦЕЙНА

**ТАЙНА
БЕЗЗАКОНИЯ**

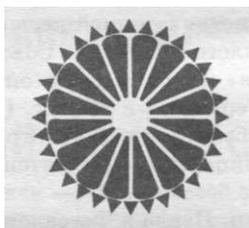
СССР ОХ И СЗ ОЧО СЛ КЧ

*Антанас Мацейна
(1908-1987)*

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ

А. Мацейна

ТАЙНА БЕЗЗАКОНИЯ

Перевод с литовского Т. Ф. Корнеевой-Мацейнене

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
1999

ББК 1130 (Лит.)

А. Мацейна 98 (2)

«Тайна беззакония» Антанаса Мацейны (1908-1987), выдающегося литовского католического философа, представляет собой оригинальную интерпретацию «Краткой повести об антихристе» крупнейшего русского философа и публициста прошлого века Вл. С. Соловьева (1853-1900). «Тайна беззакония» впервые была опубликована на немецком языке в Германии в 1955 г. (на литовском — в 1964 г.)- «Тайна беззакония» — второй том трилогии А. Мацейны «*Cog inquietum*» («Смятенное сердце»). Само название — «Тайна беззакония» — взято А. Мацейной из 2-го Послания св. ап. Павла к Фессалоникийцам (гл. 2, 7): «Ибо **тайна беззакония** уже в действии, только *не совершится* до тех пор, пока не будет *взят* от среды удерживающиййся теперь».

Посвященная самым жгучим проблемам человеческого существования, книга будет интересна и полезна самому широкому кругу читателей.

Перевод с литовского.

*Книга издана при содействии Фонда
«Открытая Литва» (г. Вильнюс)*

© Издательство «Алетейя» (г. СПб) — 1999 г.

© Т. Ф. Корнеева-Мацейнене, перевод с литовского и комментарии — 1999 г.

ВВЕДЕНИЕ

ПЕРЕЛОМНЫЙ ПЕРИОД СОЛОВЬЕВА

1. УТОПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ИСТОРИИ

«Краткая повесть об антихристе» Владимира Соловьева, как и легенда Ф. Достоевского «Великий инквизитор», не является самостоятельным произведением. Достоевский включил свою легенду в роман «Братья Карамазовы», повестью же об антихристе было завершено последнее произведение долгой и плодотворной жизни Вл. Соловьева «Три разговора...». Это была лебединая песнь Соловьева. В предисловии к «Трем разговорам...» он писал, что не нашел возможным откладывать напечатание этой книги на неопределенные и необеспеченные сроки, ибо ощутительный и не такой уж далекий образ бледной смерти тихо советует ему этого не делать Предчувствие

близкой смерти действительно вскоре оправдалось. Написав эти слова в Светлое Воскресенье 1900 года, Соловьев умер в этом же году, 12 августа. Книга посвящена исследованию вопроса зла. В ней Соловьев признается, что произошедшая в нем около двух лет тому назад «особая душевная перемена» вызвала его на размышления, какова роль зла в мире, и желание найти для воплощения своих мыслей «удобную» форму. Он долго искал соответствующую для выражения своих мыслей «удобную» форму, пока, наконец, не установился, как в древности Платон², на диалоге.

В саду красивой виллы, которая расположилась на берегу Средиземного моря, сошлись пятеро русских: закаленный в боях **генерал**; опытный и трудолюбивый **политик**; молодой, но интересующийся общественными и нравственными вопросами **князь**; средних лет **дама** и еще один господин — **господин Z**, человек неопределенных занятий, представляющий самого Соловьева. Все они встречаются каждый вечер на протяжении трех дней и разговаривают. Общая тема их разговоров — **что есть зло**: только ли врожденная недостаточность, только ли несовершенство, которое само по себе исчезает при нарастании добра, или это действительная сила, которая своими соблазнами завладевает миром? Если зло лишь врожденный недостаток, тогда достаточно спокойно творить добро и зло само по себе исчезнет, как исчезает тьма при зажигании лампы. Естественное развитие мира и всеобщая творческая потенция являются способами устранения зла. И зло преодолевается уже в этой, сюсторонней действительности. Победа над злом — плод природной

эволюции и человеческих усилий. Но если все-таки зло есть действительная злая сила, которая своим неистовством разрушает наше бытие, тогда обычного спокойного развития и творческого потенциала недостаточно, ибо эта сила впиталась во всю нашу жизнь и неистовствует повсюду — не только в находящейся рядом с нами природе, но и во всей нашей истории. Тогда этой силе зла надо противопоставить силу добра, дабы последняя уравновесила ее, оттеснила и, наконец, преодолела бы ее. Однако в этом случае успех возможен только в результате упорной и постоянной борьбы. Сила зла вступает в борьбу с силой добра, и эта последняя должна быть сильнее, дабы побороть силу зла и изгнать ее из бытия.

Но так как вся наша жизнь — как природная и историческая, так и личная и общественная — насыщена силой зла, то **один человек** не в состоянии найти в себе достаточно сил, чтобы успешно бороться со злом и победить его. Поэтому наша жизнь призывает другую, **высшую силу**, и только при ее помощи может преодолеть зло. В этом случае победа добра уже не вмещается в природную деятельность. Она разрушает границы как природы, так и истории и переходит по ту сторону. Эта победа — плод не только развития мира и творческого потенциала человека, но вместе и божественного Провидения. Для преодоления зла, как злой действительной силы, объединяются природа, человек и Бог.

Таким образом, концепция зла определяет наши воззрения на жизненный процесс или на историю. Для кого зло только обычный недостаток, для того

и история только поток жизни по сю сторону, спокойно идущий в русле постоянного развития и совершенствования. Однажды она достигнет вершины этого совершенствования и войдет в море бесконечного добра. Однако для кого зло есть злая сила, для того история постоянная борьба, объемлющая и землю и небо, ибо в ней участвует не только человек, но и Бог. Однажды эта борьба станет решающей. Однажды напряжение между силами зла и добра станет настолько сильным, что взорвет весь охваченный злом мир. Тогда добро победит, но эта победа как раз и завершит земную историю. В своем произведении Соловьев справедливо отмечает, что Господь, устанавливающий порядок исторической жизни человечества, это не тот господин, который загоняет наемников в свой виноградник, а сам живет где-то за границей³. Нет, Господин живет вместе со своими работниками, вместе с ними вступает в великую битву и сам в конце концов ее выигрывает. Устами господина Z Соловьев говорит, что верит в добро и его силу: «...я верю в Добро и в его собственную силу, и в самом понятии этой доброй силы утверждается ее существенное и **безусловное** превосходство...». Однако зло тоже великая сила. И в зримых формах действительности оно, по мнению Соловьева, всегда побеждает. «Поверхностно глядя, зло кажется сильнее, нежели добро». Таким образом, если мы эту нашу зримую действительность будем считать единственной, то должны будем признать «мир делом злого начала». Но мы знаем, что есть другая действительность, где преобладает добро, и это знание придает нам силы для борьбы со злом.

Борьба со злом идет постоянно и повсюду. Она охватывает все бытие. «Мы знаем, — говорит Соловьев, — что борьба добра со злом ведется не в душе только и в обществе, а глубже, в мире физическом». Все бытие отмечено клеймом зла, поэтому эта злая сила должна быть полностью преодолена во всем бытии. Своим воскресением из мертвых Христос начал преодоление этого зла. **Воскресение есть залог победы добра.** «В этом вся сила и все дело Христа». Вторым своим пришествием Христос завершит эту борьбу со злом, воскрешая всех людей и освобождая все бытие от силы зла. Однако до этого благословенного момента история есть постоянная борьба. Она идет, по мнению Соловьева, между **Христом**, который есть «индивидуальное, единственное в своем роде и, следовательно, ни на что другое не похожее воплощение своей сущности — добра», и **антихристом**, который — «такое же индивидуальное, единственное по законченности и полноте воплощение зла». Борьба добра и зла это не есть борьба абстрактных сущностей, но действительных воплощений — **Христа и антихриста.**

В чем проявляется эта борьба? Какие формы она принимает в процессе истории? Чем закончится эта борьба? Это те вопросы, на которые отвечает Соловьев на последних страницах «Трех разговоров». Первоначально он хотел облечь всю свою книгу в форму диалога. Однако замечания друзей убедили его в том, что форма диалога неудобна для передачи апокалиптических образов. Поэтому он изменил свой первоначальный замысел и третий разговор закончил повестью об антихристе. «Повесть об антихристе» — поэтическое

произведение, однако порожденное не одним только воображением Соловьева, которое уже не раз пыталось облечь в образы его глубочайшие предвидения, но и его мировоззрением, опорой которого был разум и Откровение. Поэтому сам Соловьев утверждает, что «это сочинение дает нам, на мой взгляд, все то, что по Священному Писанию, церковному преданию и здравому разуму можно сказать наиболее вероятного об этом предмете». Для Соловьева было важно, как он сам в этом признается, изобразить «не всеобщую катастрофу мироздания», «а лишь развязку нашего исторического процесса, состоявшую в явлении, прославлении и крушении антихриста». Антихрист завершает земную историю. Будучи, как уже говорилось, безусловным воплощением зла, он доводит силу зла до высочайшей степени, пронизывает ею весь природный порядок и, таким образом, губит его. **Наша история завершается величайшим триумфом зла на земле, но вместе — и окончательной его гибелью.** Антихрист побеждается и низвергается. Но вместе с ним низвергается и вся наша история. Победа добра открывает **надысторический** образ жизни. Явление Христа и снисхождение Его на землю есть начало другой экзистенции, которая уже не есть земная история.

Это и есть ответ на поставленный Соловьевым вопрос об «историческом исходе нравственной борьбы». И этот ответ необычайно значителен. Он раскрывает перед нами не только характер процесса истории и ее завершения, но вместе и глубокую драму человеческого бытия, развертывающуюся на пространствах истории. Более того, эта повесть раскрывает и драму самого

Соловьева: пережитая им «особая перемена в душевном настроении» изменила его и вызвала к жизни «Три разговора» с этим поразительным образом антихриста. В продолжении почти всего своего недолгого, но весьма плодотворного жизненного пути Соловьев был заморожен утопическим образом истории. В своем мистическом прозрении он постоянно видел свечение сверхъестественного Фавора и именно поэтому попытался построить кущи еще в этой действительности. Однако когда стоящая рядом смерть уже готовилась наложить печать на еще не полностью раскрытую книгу его жизни, Соловьев понял, что **судьба отдельного человека — это копспект судьбы всего человечества**; что то, что случается с личностью, должно случиться и с обществом; что победа зла в части есть указание на такую же победу и в целом. Тогда он сел писать «Три разговора» и закончил их повестью об антихристе. Эта легенда — сошествие Соловьева с **Фавора**, с которого он сошел для того, чтобы самому идти и указать всему человечеству путь на **Голгофу**.

Образ истории, который мы назвали утопическим, в мировоззрении Соловьева весьма несложен. Используя гегелевские тезис, антитезис и синтез, Соловьев разделяет всю жизнь человечества на три основных периода: **внешнего единства, обособления и внутреннего единства**. В первом периоде все находится в единстве, однако это все словно незрелые и неразвитые начатки, в которых скрыта внутренняя сила к раскрытию. И эта сила в процессе истории как раз и взрывает первоначальное единство. Начинается обособление, во время которого каждое начало заботится только

о себе, каждое предполагает, что только оно и есть центр всего бытия, а потому начинает отрицать и разрушать другие начала. Развивающиеся начатки отделяются друг от друга и идут своими путями. Поэтому для второго периода истории свойственны хаос, неразбериха. Но смысл этого хаоса в том, чтобы дать созреть в себе каждому отдельному жизненному началу. А когда эти начала созреют, они вновь захотят слиться в единстве, но уже не во внешнем, как тогда, когда они были начатками, но во внутреннем, как свободные и самостоятельные части высшей совокупности. Если в период обособления каждое начало подчеркивает то, что его отличает от других, то в периоде внутреннего единства отличия игнорируются и идет поиск того, что их соединяет. Внутренний мир, свободно принятый и осуществленный, есть естественный результат третьего, и последнего, исторического периода.

Эти общие свои наброски Соловьев приспособливает к отдельным областям человеческой жизни, пытается обосновать достоверность своей историофилософии раскладом исторических периодов и событий.

Теоретическую область человечество начало, по Соловьеву, с наивного единства познания, в котором естественный опыт, человеческое осмысление и божественное откровение были лишь эмбрионами начал, составляя — отчасти человеческое, отчасти божественное — знание. Из этого единства во втором периоде отделились естественные науки, философия и теология; они отделились, борясь друг с другом и отрицая одна другую. Однако, созрев и развившись, эти три

области вновь сходятся в более высоком единстве, которое Соловьев называет **свободной теософией**.

В практической области с самого начала существовало патриархальное единство, в котором глава семьи был не только обеспечителем материальных вещей, но и законодателем и вместе — представителем Бога. Он содержал первобытную общину, управлял ею и жертвовал за нее. Он был хозяином, царем и священником. Во втором периоде это единство раскололось на экономическую, политическую и религиозную общины. Хозяйство, государство и церковь, борющиеся между собой, стали действительным выражением этого раскола. Однако и эти три общины, достигнув окончательной своей зрелости, вновь сходятся во внутреннем единстве, которое Соловьев называет **свободной теократией**.

В эстетической области первобытный человек в одно и то же время управлял природой, осуществлял красоту и исполнял мистический божественный культ. Магия, творчество и мистика здесь составляли единство или, точнее говоря, они еще не проявились самостоятельно, не вышли из того первичного единства, из которого позже отделились техника, искусство и мистическое видение; они настолько отчетливо обособились, что в этих областях даже появились специалисты. Но и эти области в третьем историческом периоде сливаются в высшем единстве, которому Соловьев дает название **свободной теургии**.

Следовательно, свободная теософия в познании, свободная теократия в деятельности и свободная теургия в творчестве являются основными целями мировой

истории. К ним направлено всякое развитие человечества, и для их достижения трудится каждый человек. Бог, о чем свидетельствуют сами названия, есть **соединяющее** их всех начало, но не потому, что Он есть основа бытия, а потому, что Он участник отношений человека с Ним, свободно признанный, свободно принятый и свободно почитаемый. В третьем периоде мировой истории человек ощущает себя сотрудником Бога, близким Ему и тесно с Ним связанным. Человеческие и божественные вещи здесь сливаются воедино и создают полную и совершенную жизнь. Свободная теософия становится единством человеческого мышления и божественного откровения, свободная теократия — гармонией человеческой власти и божественного порядка, свободная теургия — синтезом человеческого творчества и сакраментального действия. Человек, будучи творением рук Божиих и потому трепеща перед ликом Его, через удаление от Бога и даже через борьбу с Ним вновь возвращается назад и завязывает новые отношения с Господом, отношения не творения с его причиной, но — двух **свободных личностей**, для которых обоюдная любовь и свободный выбор являются основой их встречи. Третий период истории, по Соловьеву, как раз и будет периодом такого всестороннего согласия между человеком и Богом, высшего **богочеловеческого единства**. Сам Соловьев чувствует себя призванным делать все, чтобы это единство как можно скорее осуществилось. Своей философией он подготавливает путь для свободной теософии, своей практической деятельностью пытается указать пути свободной теократии, своей поэзией пробует зажечь первые лучи

свободной теургии. Долгие годы жизнь Соловьева была не чем иным, как экзистенцией в рассвете этого третьего периода. Он видел его свет и поэтому возвещал его скорый приход. **Соловьев был глашатаем всеобщего согласия.** Будучи по своим склонностям мыслителем, деятелем и творцом, он ощущал себя предтечей нового века, призванным возвестить человечеству его сущность и прокладывать путь для его действительности.

И все же этот образ истории был **утопическим.** Согласимся, что по своей сути он был христианским. Христианство тоже провозглашает, что человек будет полностью согласован с Богом, что всеобщий нынешний распад, разрозненность будут преодолены, что Бог станет носителем и соединителем всего, создающим из человечества одну овчарню и принимающим на Себя обязанности Пастыря. Тогда человек будет черпать от Него всякое знание, ибо увидит Его таким «как Он есть» (1-е Иоанна, 3, 2); на Нем будут основываться общественные отношения, ибо люди «будут Его народом и Сам Бог с ними будет Богом их» (Откр., 21, 3); от Него будут исходить очищающие силы, ибо светильник усовершенного бытия — Агнец (Откр., 21, 23). Поэтому можно спокойно утверждать, что усовершенствованная жизнь человечества действительно будет проявляться в виде свободной теософии, свободной теократии и свободной теургии. В этом отношении изображенный Соловьевым образ процесса и завершения истории есть не что иное, как перевод христианского Откровения на философский язык.

Однако в своем осуществлении этот образ все-таки **обманчив.** Христианством усовершенное бытие и свя-

занные с ним надежды Соловьева находились на разных уровнях. По Соловьеву, последний усовершенствованный период истории приходит путем естественного развития. Он осуществляется уже в этой действительности. Он — последовательное завершение истории. Между тем для Христианства этот усовершенствованный период наступает при вмешательстве Бога и Его могущества. Он осуществляется уже по ту сторону. Он есть милость Господня. Таким образом, если по существу соловьевский образ истории и согласуется с христианским, то сама **мечта о его осуществлении** далека от Откровения и превращается в жажду человеческого сердца возвести постоянные кущи в подножьи Фавора, не пройдя через Голгофу. Долгие годы своей жизни Соловьев был увлечен этой утопией. Он провозглашал ее в своих сочинениях и прилагал немало усилий для ее осуществления. Однако в конце своей жизни он понял невозможность ее осуществления, увидел крушение этого красивого образа истории и потому заменил его другим образом, сущность которого выразил в своей повести об антихристе. В этом и заключалась «та особая перемена в душевном настроении», о которой он упоминает в предисловии к «Трем разговорам».

2. ХРИСТИАНСКИЙ ОБРАЗ ИСТОРИИ

Та «особая перемена», которая произошла в душевном настроении Соловьева, была вызвана двумя

причинами. Прежде всего — достижением духовной **зрелости**. Еще лелея свои утопические надежды и работая над своим французским произведением «Russie et L' Eglise universelle» («Россия и Вселенская Церковь»⁴), в котором идея теократии была изложена весьма конкретно, Соловьев в 1888 году в письме к Eug. Tevernier писал, что все события он освещает **sub spiece antichristi venturi** — в свете грядущего антихриста. Вл. Шилкарский⁵, исследуя это письмо, справедливо замечает, что образ грядущего антихриста не согласуется с его видением грядущего Царства Божия. Ведь антихрист — разрушитель этого царства. Таким образом, если Соловьев все события подает в его свете, тогда он не смеет надеяться на то, что им любимая идея теократии когда-нибудь утвердится на земле, ибо появление антихриста как раз и противоречит этой теократии. Замечание Соловьева о грядущем антихристе показывает, что образ истории в душе этого великого мыслителя начал меняться уже тогда, когда его ум все еще был очарован юношескими мечтами. Немалую роль в этой «перемене» сыграл и начавшийся в России в 1891 году голод, который подорвал веру Соловьева в свою страну и в ее мессианское предназначение. В осуществлении теоретической идеи Соловьев особую роль предназначал России, именно здесь должны были быть согласованы священнические, царские и пророческие служения. Но разве может годиться для такой возвышенной цели страна, которая не в состоянии организовать материальную жизнь своих сограждан? Разве может объединить в единстве экономическое, политическое и религиозное общества

страна, жители которой умирают от голода? А если Россия не есть инструмент Бога для создания Царства Божия на земле, то кто тогда им будет? Разочарование Соловьева было огромным и болезненным.

Для окончательного прихода Соловьева к христианскому пониманию истории имело значение и **формальное соединение** Соловьева с католической Церковью. По своему мировоззрению Соловьев уже давно был католиком. Преодолев в себе юношеский, навеянный скорее модой, нежели бывший плодом глубоких убеждений, атеизм, Соловьев всю свою жизнь оставался глубоко верующим. Однако более глубокое осознание Церкви как Тела Христова, как искупленного космоса, страстное желание единения церковей приводило его все ближе и к формальному соединению с католичеством, пока наконец в 1896 году в московской часовне Лурда он не произнес католическое «Credo» и не принял коммунию из рук католического ксендза униата Н. Толстого. Это был последовательный результат всего духовного пути Соловьева. И этот путь закончился не только его включением в зримое тело католичества, но и **принятием переданного Откровением образа истории**, который Соловьев отобразил в своей «Повести об антихристе». Для того чтобы понять, насколько глубоким был переворот, который произошел в душе Соловьева, сравним его утопические мечты, о которых уже говорилось, с тем апокалиптическим образом, который он рисует в своей повести.

«Повесть об антихристе» есть не что иное, как символический образ последнего периода земной истории. Эта повесть — ответ Соловьева на вопрос, чем

закончится в нашей действительности нравственная борьба, которую человек ведет не только в своей личной жизни, но и в исторической жизни мира. Соловьев, как уже отмечалось, совершенно не был озабочен изображением **природного** краха этой действительности, когда затмится солнце, а луна не будет давать света и силы небесные придут в движение. Здесь его интересует только зарождение самой истории. Поэтому природные события в его повести занимают немного места и не имеют большого значения. Правда, Соловьев говорит о землетрясении, об извержении вулкана на побережье Мертвого моря, об извержениях лавы, которая поглотила антихриста и его сторонников. Но все эти природные катастрофы здесь второстепенны в сравнении с теми событиями духовного порядка, которые происходят, когда история приближается к концу. Именно этим событиям Соловьев и уделяет все свое внимание, стараясь описать их до мельчайших подробностей. Однако образ истории, созданный из этих событий, как раз и не имеет ничего общего с прежде провозглашаемым им идеалом свободной теософии, свободной теократии и свободной теургии. **Напротив, образ, созданный в повести, является отрицанием прежнего идеала в плане его осуществления.**

Свободной теософией Соловьев называет, как уже говорилось, внутреннее согласование естественных наук, философии и теологии, иначе говоря, согласование человеческого знания и божественного Откровения. Такой синтез как раз и должен осуществиться в третьем периоде исторического развития. Человечество, по мнению Соловьева, к нему идет, и задача

христианских мыслителей — вести человечество по этому пути. Однако в «Повести об антихристе» человечество в конце своей истории такого синтеза как раз и не достигает. Правда, Соловьев упоминает, что когда монголы заволокли Европу, восточные идеи смешались с западными. Однако это смешение идей он отнюдь не воспринимает как внутреннее единство, но только как синкретизм, похожий на древний синкретизм Александрии. С другой стороны, божественное Откровение во время появления антихриста не только не было включено во всеобщее знание, но просто было изгнано из области этого знания. Антихрист Соловьева пишет гениальное произведение, в котором все согласовано: традиция с прогрессом, свобода мысли с мистицизмом, индивидуализм с чувством общности. Однако **Имени Христа** в этом сочинении нет. Книга антихриста, как выражение земного исторического синтеза, является всего лишь порождением человеческого таланта и демонического вдохновения. Божественное Откровение, насколько оно живо в Священном Писании и в церковной традиции, здесь начисто отменяется и опровергается. Так где же это осуществление свободной теософии, о которой раньше мечтал Соловьев? К концу истории Бог не только не стал основой человеческого знания и внутренней связью, но совершенно откровенно был изгнан из этого знания. Его место заняло демоническое вдохновение. Земная история закончилась **сатанософией**.

Именем свободной теократии Соловьев называет согласование между экономическим, политическим и религиозным обществами, или согласование хозяй-

ства, государства и Церкви. В этот идеал Соловьев особенно верил и для его осуществления много работал. Под эгидой единой Церкви он предполагал увидеть согласование всех властей. Однако в «Повести об антихристе» этот идеал полностью разрушается. В конце времен Церковь не только не становится объединительницей всего человечества и властительницей мира, но сама изгоняется в пустыню, теряя своих членов и руководителей. Она остается крепкой благодаря только молитве, посту и вере. Правда, Соловьев рисует соединение религии и политики в образе Аполлония, когда тот был избран папой. Но это соединение происходит уже по желанию **антихриста**, находящегося у власти. Автор этого единства не Христос, но Его вековечный противник. Теократия здесь превращается в **сатанократию**.

То же самое происходит и со свободной теургией, именем которой Соловьев называет согласование творческих сил человека с сакраментальным действием благодати Божией, или соединение техники, искусства и мистики. Но никакого единения подобного рода в конце истории не происходит. Правда, Аполлония при желании можно считать «теургом», ибо он овладевает и природой, и сверхъестественными силами, при помощи которых творит знамения перед лицом присутствующих. Из его рук исходят некие неземные создания в виде света, цветов и звуков. Но сакраментальной Божией благодати в них как раз и нет. Аполлоний — пособник не божественного действия, но демонического. Знамения, которыми он удивляет и радуется толпы, — творения дьявольской силы.

Поэтому все эти действия не теургические, но сатаноургические.

Таким образом, эти короткие сравнения ясно указывают на то, что последний период истории, каким его изображает Соловьев в своей «Повести об антихристе», не только не оправдывает его прежних надежд, но выдвигает совершенно противоположные идеалы: теософия здесь превращается в сатанософию, теократия — в сатанократию, а теургия — в сатаноургию. Вместо Христа в мире утверждается антихрист. Вместо Бога восхваляется дьявол. В Иерусалиме недалеко от Голгофы возвышается императорский храм «единства всех культов» как зримый знак этой публичной сатанократии. Этот образ исторического конца человечества свидетельствует о переходе Соловьева от утопии к действительности, которую провозглашает и о которой свидетельствует св. Иоанн в своих видениях. То всеобщее согласие, в котором сам Бог будет связующей нитью всех начал, Соловьев переносит в надъисторическое господство верующих, вместе с Христом победивших антихриста, но тем самым он и завершает процесс развития этой действительности. Таким образом, свою историософию Соловьев совмещает с христианским пониманием истории. Повесть об антихристе становится, с одной стороны — победой ранних утопических чаяний, с другой — окончательным принятием христианского образа истории. В «Повести об антихристе» соловьевская философия истории и его теология становятся подлинно христианскими — не только в своем существе, но и по своему способу осуществления.

Однако если бы возник вопрос, в чем же ошибался Соловьев, лелея свои прежние мечты, мы были бы вынуждены признать, что **прежние мечты Соловьева были утопическими именно потому, что в них не было надлежащей оценки исторической роли зла.** Мы уже говорили о том, что в предисловии к «Трем разговорам» Соловьев задает вопрос: что есть зло? — Только ли «естественный недостаток» или оно — действительная злая сила? Во всем произведении «Три разговора» и, в частности, в «Повести об антихристе», которой он заканчивает свое произведение, Соловьев отстаивает последнюю установку — **зло есть злая сила,** которой надо противопоставить силу добра. Это сущностная установка Христианства, ибо и оно считает, что зло есть сила, для победы над которой потребовалась жертва Сына Божия. Грех, как источник всяческого зла, может выправить только божественная сила. Грех в Христианстве не есть всего лишь пассивная слабость, лишь прирожденная недостаточность знания и действия, но в первую очередь — это **активная злая воля,** носителями которой являются сам дьявол и греховный человек, сознательно разрушающие бытие и наносящие ущерб деяниям Бога. Этой злой воле Христианство как раз и противопоставляет добрую волю, которая внутренне соединяется с Божией волей, черпая из последней силы для преодоления зла и в себе, и в рядом находящемся мире. Однако эта победа достигается не обычным путем естественного развития, но способом великой борьбы и напряженных схваток, когда умирает и прежний человек, и прежний мир. О зле как о естественном недостатке можно

говорить, имея в виду только область несознательной природы. Но в области духа зло превращается в действительную силу, разрушающую и природу, и самое себя. **Здесь зло есть выбор против Бога.** И этот выбор влечет за собой целый ряд злых действий, которые превращают духовную область в сплошное поле постоянной непрекращающейся борьбы. Соловьев, создавая утопические образы свободной теософии, свободной теократии и свободной теургии, не обратил внимания на **активный** характер зла. Он, возможно бессознательно, считал зло всего лишь обычным недостатком, обычной недостаточностью, слабостью и эту — особую **метафизическую** — концепцию зла положил в основу своих исторических идеалов. Если исходить из этой его установки, то он правильно замечает, что вполне достаточно творить добро, постоянно совершенствовать человеческое знание, деятельность и творчество, чтобы эти идеалы сами по себе осуществились и стали не переменным плодом всего исторического процесса. Соловьев долгие годы мыслил и работал именно в этом направлении. Его утопический образ истории как раз и был порождением именно такого мышления и деятельности. Этот образ сформировался из понимания зла как естественного недостатка.

Однако внутренне развиваясь, Соловьев все глубже осознавал, что наряду с метафизическим понятием зла как естественного недостатка существует еще и **религиозная** концепция зла как **злой силы**. Эта его прозорливость, как мы заметили, усиливалась по мере того, как формировалось его мышление; ее обострило и

столкновение с бедами человечества, и постоянное сближение и окончательное соединение с католичеством. Под влиянием всех этих факторов его переживание зла стало меняться. Соловьев все больше убеждался в том, что проклятие запретного плода угнетает не только каждого отдельного человека, но и всех вместе; что ошибка рассматривать смерть как победу зла в личности и не видеть ее в человечестве; что обман — разрушаться самому, лелея надежду о совершенстве других. Он все больше осознавал, что им проповедуемые идеалы встречаются в мире не только непонимание, несовершенство, бессилие, но и злую волю, сознательное сопротивление и неприятие. Прежде он был уверен, что его великий синтез сам собой падет перед человечеством как созревший плод своего естественного развития. Теперь же он увидел, что этому процессу созревания постоянно препятствуют злые силы, бродящие в мире. Раньше Соловьев, как те три апостола на горе Фавор, видел только светящийся лик преображенного Христа и потому предлагал сделать кущи здесь и навеки здесь остаться. Теперь же он услышал, что Иисус во время своего преображения говорил с Моисеем и Илией «об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме» (Лука, 9, 31). Крест, возведенный на Голгофе, стал символом не только Христа, но и всего искупленного человечества. Этот символ Соловьев положил в основу своего последнего произведения и поэтически выразил его своей «Повестью об антихристе». Это не было **сущностным** отрицанием его прежних идеалов. Ведь великое согласие, носителем которого является сам

Бог, провозглашает и Христианство устами всех своих пророков. Своей повестью Соловьев отказался только от мечты **осуществления**; он отказался от надежд установления Царства Божия **в этой** непреобразенной, неочищенной **действительности**; он отказался от провозглашения прихода этого Царства путем **естественного** исторического развития. Образ борьбы и катастрофы завладел мыслями Соловьева и был отображен в заключительной части «Трех разговоров» в форме прекрасной легенды.

Таким образом, задачей книги является исследование этой легенды, раскрытие глубокого смысла ее образов и символов и через это раскрытие изображение процесса исторической борьбы человечества во имя добра и ее завершения.

I. АНТИХРИСТОВ ДУХ В ИСТОРИИ

1. РЕЛИГИОЗНЫЙ ХАРАКТЕР ИСТОРИИ

Чем является история в свете христианского вероучения? Боссюэ¹ назвал ее «gesta Dei per Frankos» («Деяния Бога через франков»). Литовский философ и теолог А. Дамбраускас-Якштас² расширил определение этого понятия, назвав историю «gesta Dei per homines» («Деяния Бога через людей»). Причем в любом случае, вне зависимости от того, будем ли мы историю воспринимать в узком смысле или как историю всего человечества, она в сущности является **общей деятельностью Бога и человека во времени**. Для христианина история никогда не является процессом только по сю сторону, ибо ее подлинный источник, откуда она берет свое начало, не здесь. **Пролог истории в небесах**. Драма Иова в Ветхом Завете совершенно определенно указывает на это. Иов был «непорочен, справедлив и богобоязнен, и удалялся от зла» (Иов, 1, 1). Он добросовестно заботился о своей

семье, «вставая рано утром, возносил всесожжения по числу их всех» (Иов, 1, 5). И все же однажды пришел сатана, этот вековечный «клеветник братий наших» (Откр., 12, 10), встал перед ликом Яхве и обвинил Иова в рабском угодничестве: «разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его, и дом его, и все, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле. Но прости руку Твою, и коснись всего, что у него, — благословит ли он Тебя?» (Иов, 1, 9-11). Результат этого обвинения всем известен. Господь Бог позволил сатане уничтожить сначала его имущество, его сыновей и дочерей, а затем сатана коснулся «кости и плоти его» (Иов, 2, 5).

Итак, пролог в небесах выявляется как сущностная составная часть судьбы человека на земле. Он свидетельствует о том, что здесь мы никогда не бываем сами по себе, что наша экзистенция в своем существе открыта и потому доступна. Она есть совместная деятельность человека и Бога, человека и сатаны. **Человеческая экзистенция всегда находится во взаимоотношении с кем-то.** Человек, обращенный ко всему, — наблюдатель; более того — он делатель и исполнитель вместе (с кем-то).

Прежде всего — не в смысле времени, но логики (*natura prius*) — человек взаимодействует с окружающим его миром природы. Он это делает не стремясь к власти, не по своей «Wille zur Macht» («воля к власти» — Ницше), но следуя ясному предназначению Творца: «плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт., 1, 28). Используя свои способности, человек может участвовать

в устройении мира Всевышним, он может быть Его представителем на земле и продолжать Его творчество. Именно благодаря этому он и становится «божком Вселенной», как его называет Мефистофель Гёте. Однако среда, в которую этот «божок» помещен, не предоставляет ему никаких совершенных условий для экзистенции. Природа вряд ли в состоянии сохранить человека живым, а тем более развить его дух изначальным и естественным способом. Своим чисто природным существованием человек не может состязаться в борьбе за свое существование ни с каким зверем. И все же он смог сохраниться на земле и даже овладеть ею, но только потому, что он создал **новую среду**, которая более соответствовала требованиям его плоти и духа и сделала возможной его земную экзистенцию.

Эту новую среду, это действительно человеческое пространство существования мы называем **культурой**. **Культура есть творчество человека**. Она — творение человека в подлинном и в прямом смысле этого слова: его воплотившаяся надежда и его победа над силами природы. Поэтому процесс возникновения и развития культуры является **первой** основной формой исторического существования. Человеческая жизнь прежде всего проявляется как культура. Учитывая это, историю можно назвать **процессом культурного становления**; процессом все большего овладения землей, открытия тайников природы и усиленного включения природных сил в область человеческого существования. **В этом смысле история есть осознание человеком себя в мире.**

Однако процесс культурного становления не исчерпывает всей истории в целом. Человек не призван экзистировать только по сю сторону; поэтому как земля не является единственным пространством его существования, так и ее преобразование не является единственной формой его жизни и деятельности. Человеку открыто и другое пространство существования — **надприродное**. Не теряя отношений с природным миром и не подавляя своих творческих сил, человек устремляет свой взор ввысь и осознает себя не только творящим гением, но вместе и творением, призванным волей Абсолюта быть. Наряду со взаимоотношением со всем, что «положил под ноги его» (Пс., 8, 7), он обнаруживает **другую** связь, которая указывает на Подателя всех даров, на Того, кто «божка» «славой и честью увенчал» и наделил властью над творениями рук своих (Пс., 9, 6-9). Если занимаясь культурной деятельностью, человек преисполнен чувства, что здесь он единственный господин и в своей области господствует достаточно независимо, то в этом новом взаимоотношении он ощущает свою полную зависимость и видит свое существование под властью другого, он видит себя перед более могущественным бытием и переживает его как личностную силу, которая является ему, ему говорит и призывает его.

Это новое отношение, это высшее пространство человеческого существования мы называем **религией**. Религия приходит к человеку так же, как и культура — естественным путем. Корни их обеих в глубокой сущности человека, обе они — основные формы его экзистенции. Как не существует ни одного народа

без культуры, так не существует и ни одного народа без религии. Везде, где только появляется человек, курятся не только очаги, но и жертвенники; поднимаются не только жилища, но и башни храмов; звучат не только свадебные песни, но и псалмы священнослужителей. Таким образом, религиозная жизнь — это **вторая** основная форма истории человечества. Религиозные идеи, религиозные переживания, деятельность, институции, общества глубоко и значительно влияют на исторический процесс, оставляя неизгладимые следы в его развитии и формировании. Историческое существование человека на земле находится в процессе не только культурного, но и религиозного развития. В этом смысле историю можно и даже нужно назвать **процессом религиозного становления**, когда человеку становятся понятнее его отношения с Богом, когда он все глубже осознает свое земное существование, а свою веру облакает в более четкие общественные формы. В этом отношении **история есть осознание человеком (в вопросах, которые он задает) своего происхождения, призвания и своей цели**.

Историю не исчерпывают ни преобразование природы, ни отношения со сверхприродой. Она охватывает обе области. **Она есть проявление человечности и божественности в их взаимодействии**.

Если история отражает судьбу человека, то роль религии здесь более значительна, нежели роль культуры. Без культуры человек не смог бы удержаться в мире и овладеть природой. В этом отношении культура — основа истории. Без религии он не смог бы разрешить проблему судьбы, ибо она зависит не от него

одного. **Действующий участник судьбы человека есть сам Бог.** «Ибо без Меня не можете делать ничего» (Иоанн, 15, 5) — эти слова Христа ясно указывают на исторический путь, по которому человек должен идти, чтобы прийти к разрешению своего загадочного существования. Отношение к Богу проявляется как судьбоносный принцип, в котором кроется окончательное решение, касающееся экзистенции человека. В этом смысле религия есть **завершение истории.** Она есть сила, поворачивающая мировой процесс ко всеобщему исходу.

Природный мир стоит перед глазами немой и пассивный. Мы его преобразовываем в соответствии со своей волей и являемся, как говорится, единственными властителями в области культуры. В религии, напротив — мы не одни и не самостоятельны. В религиозном акте мы **как личности** стоим перед Богом тоже как перед **Личностью**, чье слово и действие здесь важнее, чем наше. **Религия в своей сущности есть отношения двух личностей.** По своей собственной воле человек может создавать культуру, но не религию. Вопрос бытия человека, который по существу может быть поднят только в религии, требует ответа Бога, чтобы вообще быть ответченным. Вопрос требует Откровения, спасения, благодати. Любая так называемая человеческая или гуманистическая религия, которая озабочена только отношениями с неличностными человеческими или культурными ценностями, в сущности есть искажение религии. Процесс мировой религии — это непрерывный диалог между Богом и человеком, постоянное взаимодействие между Небом и землей.

Именно потому что религия есть **диалог** и **взаимодействие**, она находится под постоянной угрозой быть прерванной человеком. И хотя человек от природы религиозен, ибо отношение со сверхприродным отвечает его внутренней сущности, он все-таки может — ибо он свободен — замолчать в этом диалоге и находящуюся в его власти землю исключить из взаимодействия с Небом. Нет и не может быть никакого **онтологического атеизма**, но есть психологическая безрелигиозность, сознательное отвращение от Бога, упорное молчание в пребывании. Отвержение Бога есть явление жизни и отдельного человека в обществе. Хор океанид в «Прометее» Эсхила³ поет о том, что никогда замыслы смертных не перестроят Божий порядок: «Нет, не смогут замыслы их мир перестроить, Зевсу подвластный!» Божий порядок есть порядок бытия. Смочь его переступить означает переступить через себя, иначе говоря, за свое существование благодарить самого себя, то есть быть творцом самого себя, а это уже нелепость. Поэтому любое отрицание порядка Божия в глубинном смысле есть разрушение бытия, а вместе и разрушение своей собственной экзистенции. Океаниды Эсхила свое утверждение дополняют еще одной значимой фразой: «Это скажу, о Прометей, в злую вникая участь твою!»* **Бунт человека против Бога означает уничтожение себя самого**. И все же смертные никогда не прекращают бунтовать против Бога. Вавилонская башня осталась недостроенной, и такой она

* Античная литература. Греция. Антология. Ч. 1. С. 241.

останется до конца времен. Но что такое культура, если не постоянные усилия человечества закончить строительство этой башни? История не только религиозный процесс; она вместе и процесс обезбоживания человечества. Фактор свободы здесь имеет решающее значение и превращает историю в подлинную судьбу человека и мира: судьбу, в которой религия, то есть определение человека по отношению к Богу, имеет решающее значение. **Религия, а не культура, хранит ключ от тайны истории.** В процессе религии, а не в процессе культуры время идет к своему завершению: *adesse festinant tempora*. История — это объективация нашего определения по отношению к Богу. И именно в этом ее благодатность, но вместе и опасность, ибо определение по отношению к Богу неизбежно.

Так что же такое история в свете Христианства? Не что иное, как время, дарованное нам Богом. Философия истории уже давно пришла к важному заключению, а именно: время только тогда становится историей, когда человек осознает его течение. Сознание времени и история сущностно взаимодействуют. Все же это сознание яснее всего проявляется не в философии истории, как предполагают некоторые (напр., К. Joel), но именно **в религии**. Философия истории исследует время только как объект нашего познания, как нечто наполняющее нас, но не обязывающее. Поэтому осознание времени в философии истории всегда только логическое, но не нравственное. Чисто логическое осознание не может быть ни таким ясным, ни таким обостренным, как нравственное. Последнее мы можем обрести только в религии, ибо в своем отношении

с Богом мы время переживаем как дар, как дарованные нам таланты, за один из которых нам придется отчитаться. Философское время — это абстрактный и общий ход вещей; между тем, религиозное время есть **наше время**, нам доверенное, нам дарованное, а потому личное и конкретное. **Религиозное время** есть **предназначение и возложение обязанностей**, от которых зависит наша судьба. Для того чтобы мы смогли придать своей экзистенции тот или иной смысл, нам необходимо не что другое, но только время. Таким образом, в свете христианской религии время выступает как самый ценный дар из всех естественных даров Божиих. Оно — инструмент нашей свободы, оно — поле нашей деятельности. До тех пор пока у нас есть время, наша судьба в наших собственных руках.

2. ХРИСТОС В ЦЕНТРЕ ИСТОРИИ

Отношение человека с Богом осуществляется только во времени, то есть исторически. Чтобы признать истинность того, что происходит рядом с историей, в тихом «уголке души», время должно быть исследовано по историческим нормам религии. История — единственное действительное пространство, в котором осуществляется подлинный диалог между Богом и человеком.

Такой смысл заложен в истории Явления Богочеловека, то есть эта история есть внутреннее соединение божественности с человечностью, настоящее Бога

во времени. Бог как причина бытия и творец человека экзистировал по ту сторону истории. Он есть скрытый Бог — *Deus absconditus*, недоступный никакому творению и непостижимый никаким умом. Но Бог как участник религиозного отношения, как искупитель и совершенствователь человека снисходит со своей недостижимой трансцендентности и приходит во время, то есть в историю. Он становится явленным Богом, живущим в нашем существовании и разделяющим с нами нашу повседневность. Истинное отношение с Богом действительно проявляется во времени и в нем остается, ибо только тогда мы с Ним находимся на одном и том же **общем** уровне существования. Время — единственное «место», где мы можем встретить Бога. Если бы Бог не пришел во время, то наши отношения с Ним остались бы односторонними, а потому абстрактными и даже не подлинными. Если бы Он экзистировал только как скрытый Бог, тогда мы действительно могли бы повторить жалобу Иова: «Но вот, я иду вперед, и нет Его, назад, и не нахожу Его; Делает ли Он что на левой стороне, я не вижу; скрывается ли на правой, не усматриваю» (Иов, 23, 8-9). **Явленность Бога во времени есть основное условие для подлинной религии.** Задача истории подготовить это явление. Глубочайший смысл этой задачи в том, чтобы сделать возможной встречу Бога и человека, создав предпосылки для того, чтобы эта встреча стала **личным** и потому — неразрывным **союзом**.

Но, возможно, это только мечта? Может ли настать такое время, когда истинный Бог встретится с истинным человеком, человеком без греха и пятна, таким,

каков он в вечном первообразе Творца? Может ли история когда-нибудь стать полем личностного соединения Абсолюта и релятивного существования, и, таким образом, может ли богочеловечество явиться в своем совершенном образе? На этот вопрос Христианство дает однозначный ответ: **это время уже пришло**. Личностное соединение Бога и человека уже произошло в богочеловеческой личности Христа, родившегося от Девы Марии и распятого во времена Понтия Пилата, умершего и на третий день воскресшего, вступившего на Небеси, откуда Он вновь приидет, дабы судить живых и мертвых. Христос есть эта, с тоской ожидаемая, полнота, это неразрывное единство Бога и человека, этот идеальный отклик человечества на божественный призыв. Он есть осуществление истории и подлинная судьба человека. Христос тройственно связан с историей — как обетование, как осуществление и как завершение.

Разве воплощение вечного Логоса было вызвано тем, что Бог, принимая человеческую природу, возжелал все сотворенное соединить с собой и таким образом довершить творческий акт, как это объясняет Дунс Скот ⁴? Разве вочеловечение было откликом божественной любви на грех человека и, таким образом, стало средством спасения, как это предполагает Фома Аквинский? Однако в любом случае оно — это воплощение — было предназначено и предвидено от веков Святой Троицей. Христос — не только как Сын Божий, но и как Сын Человеческий — предстает перед каждым творением как его первообраз, как его изначальная и конечная цель. «Ибо Им создано все, что на

небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, — все Им и для Него создано; И Он есть прежде всего, и все Им стоит» (Кол., 1, 16-17). Когда человечество по своей вине оказалось в экзистенции вне рая, оно стало носить в себе Христа как великую надежду, которая однажды в земном времени должна была исполниться. Рожденный от женщины должен был поразить голову змея (Быт., 3, 15) и убрать «пламенный меч», который заслонил путь к древу жизни.

Но если Христос есть **божественное обетование** греховному человечеству, то вся дохристианская история — это **человеческая тоска** по исполнению этого обетования. Сотни тысячелетий до Христа двигались к исполнению этого обетования, и их последнее мгновение должно было зачать в чреве Девы Марии божественный Логос. В свете явления Мессии дохристианская история была, в сущности, долгим временем Рождественского поста, когда все сотворенное вместе с Исайей вопило: «Кропите, небеса, свыше, и облака да проливают правду; да раскроется земля и приносит спасение, и да произрастает вместе правда» (Исайя, 45, 8). **Спаситель должен был явиться не только как дух с небес, но и как рожденный на земле.** Человечество само должно было выносить его в своем чреве и родить его от своей непорочной представительницы. Христос как обетование повернул всю историю в направлении своего вочеловечения и, таким образом, предопределил весь ее путь. Он был подлинным **отцом будущего** — *pater futuri saeculi*, как его глубокомысленно называет литания ⁵. **Истинной целью**

дохристианской истории было — чтобы Слово Божие стало плотью. Не только Авраам, но и весь род человеческий ждал дня рождения Спасителя (Иоанн, 8, 56). Обетование Бога наконец было исполнено. «И Слово стало плотью и обитало с нами» (Иоанн, 1, 14). Вечный Логос сошел во время, принял нашу природу и способы существования, став человеком во всем, включая и пограничные ситуации человеческого существования — страдание и смерть. Творец и творение соединились в гипостатическом союзе, ибо Богу угодно было через Христа и в Нем «примирить с Собою все» (Кол., 1, 20).

Таким образом, в Христе содержится вся божественная, но также и человеческая полнота. Он есть истинный Бог и истинный человек: **богочеловек** в самом совершенном смысле этого слова. Но если история, как было сказано, есть явление богочеловечности, то это явление находит в Христе свое **осуществленное** выражение. Если история есть отклик человека на божественный призыв, то этот отклик на призыв Христа является позитивным, совершенным признанием божественной воли. Все, что в истории относится к ее сущностным знакам, в Христе стало высшим личностным единством. **Христос есть полнота истории.** Богом дарованное человеку время во Христе достигло своей полноты: самосознание Христа Мессии осветило его временное сознание до основания и, таким образом, история достигла своей вершины. Поэтому Христос — это **не одна** из многих исторических личностей, но **Он** — историческая личность, ибо не Он жил в истории, но история — в Нем, в Его совершенном вре-

менном сознании, и мы исторически существуем только во Христе и через Христа, то есть существуем настолько, насколько мы участвуем во временном сознании Христа как в осуществлении божественной воли. Историчность Христа как выражение совершенного соединения Бога и человека, Неба и земли поддерживает всякую другую историчность и придает времени глубочайший смысл. Христос есть центр всего космического развития.

И в то же время Он есть и завершение этого развития. Со дня, в который Он пообещал нам вернуться «на облаках небесных с силою и славою великой» (Матф., 24, 30), собрать все народы земные перед своим престолом и их судить, жизнь человечества превратилась в постоянное бодрствование и ожидание. Предрекаемый Христом конец мира будет не случайной природной катастрофой, но — **прямым вмешательством Бога в ход времени**. К своему пророчеству Христос добавил: «О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные» (Матф., 24, 36). Таинственная тьма покрыла дату второго пришествия Христа и поэтому наше существование идет по обычной колее. Как во времена Ноя люди ели и пили, женились и выходили замуж, пока волны потопа не истребили всех, «так будет и пришествие Сына Человеческого» (Матф., 24, 39). Он возникнет как молния и придет как вор, никем не ожидаемый и никем не встречаемый. **Он придет в ночь величайшего беспамятства**. Ибо чем дольше длится история, тем менее вероятным становится Его возвращение. Более того, чем дольше длится история, тем больше оснований для глумителей,

приходящих и вопрошающих человечество: «где обетование пришествия Его? ибо с тех пор, как стали умирать отцы, от начала творения, все остается так же» (2-е Петра, 3, 4). Черета столетий, кажущаяся бесконечной, ослабляет веру в осуществление обетования Христа, и человечество начинает чувствовать себя на земле спокойно и защищено.

Однако предупреждение Христа исполнено угрожающей серьезностью для тех, кто пытается принять языческую концепцию истории как вечного возвращения: «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут» (Матф., 24, 35). В свете Откровения конец истории настолько определен и однозначен, как никакая другая истина. «И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются» (Матф., 24, 29): это **разрушение космологического порядка**. «Тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силой и славой великой» (Матф., 24, 30): это **разрушение человеческого порядка**. «Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, И соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов» (Матф., 25, 31-32): это **осуществление божественного порядка**. История, начавшись с Христа как обетования Святой Троицы, Им и завершается как главным Судией времен. В этом отношении вся история после Христа есть подготовка ко второму пришествию Сына Человеческого.

До своего вочеловечения Христос жил в истории как божественное обетование и направлял ее течение к своему рождению. За короткое, но полнотой насыщенное время в Палестине Он своей богочеловеческой личностью осуществил историю. В эпоху после своего восхождения на Небеси Он живет как грядущий исход, который Он осуществит своим личным вмешательством и судом.

Таким образом, в отношении времени Христос есть **истинный Бог истории**. Он есть «Альфа и Омега, начало и конец, первый и последний» (Откр., 22, 13). Никакой период истории не проходит мимо Него, ни один — вне зависимости от Него. **История как религиозный процесс лично осуществляется во Христе**. Рожденный от женщины, будучи сыном человеческим в глубочайшем смысле этого слова, Он направляет человеческую природу в истинное отношение с Богом и, таким образом, создает истинную религию. Христианство только потому истинно и вечно, что гипостатический союз человека с Богом во Христе истинен и вечен. И этим религиозный элемент истории настолько укреплен, что она уже не может стать вторым преступлением — отпадом от Бога. Христос сделал невозможным второе отпадение рода человеческого от Бога. Даже если бы все человеческие **личности** отступились от Творца, **природа** человеческая как таковая навечно осталась бы с Богом, ибо ее поддерживает, как составную часть своей богочеловеческой полноты, Логос. Своей крестной жертвой Христос спас историю от этой ужасной возможности (отпадения от Бога. — Т. М.), предоставив своему божественному Отцу **осуществлен-**

ные и в существе своем Им освящаемые **времена**. **Жертва на Голгофе была величайшей исторической жертвой:** это было спасение истории от ее движения в небытие. Божий Агнец, который был убит и который живет «во веки веков» (Откр., 10, 6), повернул ход истории назад, повернул его к Богу и, таким образом, стал Господом и руководителем времен.

Следовательно, история в своей сущности **христочентрическая**. Возвращаясь к высказываниям Боссюэ и Дамбраускаса-Якштаса, которые были упомянуты в начале раздела, мы могли бы сказать: история есть *gesta Christi per homines* (деяния Христа через людей). Христос призывает человечество в Царство Божие, и в своем историческом развитии оно должно дать ответ на этот призыв. Оно должно окончательно решить, останется ли оно на пути ветхого Адама и продолжит его существование или же оно добровольно вступит на путь нового Адама и тем самым примет участие в начатом Христом новом созидании. Следовательно, в своих конкретных проявлениях история есть **свободный ответ человечества на искупительный подвиг Христа**.

Христос есть центр истории, но не в смысле механизма, вокруг которого спокойно вращаются века, но в смысле поддерживающей силы, которая направляет и побуждает. Свою роль в историческом существовании человека Христос определяет следующим образом: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Матф., 10, 34). «Ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться: трое против двух, и двое против трех; Отец

будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери»(Лука, 12, 52-53). Это пророчество Христа осуществится не в последнюю эпоху исторической экзистенции человечества. Оно осуществляется всегда и везде, где только встает вопрос выбора за или против Бога и Сына Человеческого. Где только произносится имя Иисуса Христа, оно всегда падает, как меч, и разделяет семьи, племена, народы, и, наконец, все человечество. Христос — величайший знак разделения исторических сил и форм.

Известно, что выбор Христа или отказ от Него прежде всего происходит в сердце человека. Но этот выбор никогда не остается скрытым в душе: **он объективируется**. Установка по отношению к Христу есть зримый знак человеческой экзистенции. Этот знак ложится печатью на все существование — и историческое и личное. Если человек делает выбор в пользу Христа, он запечатлевается знаком Божиим на челе (Откр., 7, 3; 9, 4); если же он определяется против Христа, ему дается имя зверя или число имени его также на челе или на правой руке (Откр., 13, 16). Число и рука здесь символы, которыми Откровение выражает **зримость** решения человека. Разрушая границы внутреннего мира, выбор сплачивает тех людей, которые отмечены одними и теми же знаками, и объединяет их в закрытое общество. **Установка по отношению к Христу влияет и на общественное существование**. Откровение рассказывает нам о двенадцати тысячах от каждого «колена», имеющих печать Бога живого; о великом множестве людей, «которого никто не мог перечесать, из всех племен и колен, и народов и языков» (Откр.,

7, 9); о воинствах небесных, которые за Словом Божиим следуют «на конях белых, облаченные в виссон белый и чистый» (Откр., 19, 14) Все эти образы выражают одно: **выбор Христа — это фактор, созидающий общество, и тем самым — историческая сила.** Никакое различие между расами, народами, языками, призваниями, семьями здесь не имеет ни малейшего значения; остается только один-единственный знак — **верность Христу;** знак, который превращает эти достаточно пестрые толпы в общество единого сердца и единого духа.

Но обществу Агнца в мировом процессе противостоит общество зверя. Зверь, как символ противника Христа, тоже обладает властью «над всяким коленом и народом, и языком и племенем. И поклоняются ему все живущие на земле» (Откр., 13, 7-8). Он собирает воинства и царей земных, чтобы сражаться против «Сидящего на коне» и Имя Которого — Слово Божие (Откр., 19, 13. 19). Он обольщает народы, «находящиеся на четырех углах земли», собирает их в могучую армию, число которой «как песок морской» и окружает «стан святых» (Откр., 20, 7—8). Общество зверя также сплачивается только под одним единственным знаком — **отпадения от Христа.** Кто знака этого не имеет, тот не может ни покупать, ни продавать (Откр., 13, 17), то есть тот выброшен из общества, бесправен, поруган и преследуем. Иначе говоря, **отпадение от Христа также является фактором, созидающим общество,** и этот фактор тоже становится исторической силой. Общество зверя так же всеобщее, как и общество Агнца. И оно действует от имени всего человечества

и прославляет и поклоняется «образу зверя» (Откр., 13, 14). Оно преобразовывается, как мы увидим позже, в «церковь», оно возводит свои храмы, создает свой культ и даже избирает пророка зверя своим «папой».

Таким образом, история является временем разделения, в котором выявляется окончательный ответ человечества на спасительный подвиг Христа. Разделение происходит не мирным путем развития, но в упорной борьбе. Откровение разворачивает перед нами целый ряд картин борьбы, которая ведется между Христом и Его противником, между драконом и Ангелом. Рядом с изображением жатвы часто встречается изображение борьбы. Зверю, вышедшему из моря, даны были не только «уста, говорящие гордо и богохульно», но «и дано было ему вести войну со святыми и победить их» (Откр., 13, 5, 7). Но поскольку дракон не смог поймать жену, убежавшую от него в пустыню (символ Церкви), он расสวิрепел «на жену и пошел, чтобы вступить в брань с прочими от семени ее, сохраняющими заповеди Божии и имеющими свидетельство Иисуса Христа» (Откр., 12, 17). «Зверь, выходящий из бездны», также борется с двумя свидетелями Божиими и побеждает, и убивает их (Откр., 2, 7). Но с другой стороны, Откровение рисует нам образ Христа — **борца**, который сидит на белом коне, облеченный «в одежду, обогренную кровью» (Откр., 19, 13). «Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы» (19, 15). «И схвачен был зверь и с ним лжепророк», «а прочие убиты мечом Сидящего на коне» (Откр., 19, 20, 21).

Нет необходимости эти символические образы и высказывания объяснять **физической** борьбой, но они означают **борьбу**. История развивается не так, как развивается организм или ядро клетки по внутренним законам природы. **История — это пространство борьбы трансцендентных сил через людей**. Она по существу не что иное, как продолжение той антихристовой борьбы, которую рисует нам Откровение: «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них. Но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (Откр., 12, 7-9). Таким образом, земное существование превратилось в арену дальнейших нападений сатаны, который продолжает свой первый бунт против Всевышнего и сам стремится стать творцом. В ходе истории эта борьба усиливается и наращается, ибо возрастает число сторонников зверя и их общественная идея распространяется и укрепляется. Ограниченность времени истории, это — «не много времени» в Откровении превращает всю историческую экзистенцию человечества в существование бодрствования и «трезвения» (1-е Петра, 5, 8). Если небеса радуются, что «ныне настало спасение и сила и царство Бога нашего и власть Христа его» (Откр., 12, 10), то Откровение выражает сочувствие живущим на земле и на море, «потому что к вам сошел диавол в сильной ярости» (Откр., 12, 12). Осуществление спасения в земной истории всегда опасно, и на пути его тернии.

История как время разделения и как пространство борьбы раскрывает перед нами главную истину, сущностную для понимания земного существования: **в природном порядке побеждает зло, в надприродном — добро. Напряжение между ними и есть причина разрушения природного порядка.** Конец мира — это не результат некоего внешнего действия, но — капитуляция перед злом, неуклонное движение истории в рабство злу. В сущности, конец мира — это не некая природная катастрофа, но — **тотальное засилие сатаны на земле.** Физическое разрушение — это всего лишь следствие духовной испорченности. Не мир природы приближается к концу, но история. Не мир природы созрел для жатвы, но дух человеческий. Ангел Откровения, держащий острый серп и обрезающий «грозды винограда на земле» (Откр., 14, 15-19), — это не некая вырвавшаяся на свободу сила природы, но — **Ангел истории,** который не прощает грехов человечества так же, как и наш личный ангел не прощает нам наши прегрешения. Не природные плоды космического развития вбрасываются «в великое точило гнева Божия» (Откр., 14, 19), но наши исторические деяния. Мы представляем себе конец мира в виде какой-то огромной космической катастрофы, и мы слишком часто забываем о том, что Христос вмешался не в невинное само по себе движение звезд и планет, но — в ход истории человечества, ибо эта история уже наполнилась числом «убиенных за слово Божие» (Откр., 6, 9). В этом смысле история всегда есть постоянная **утрата** здесь — по сию сторону, поэтому она и идет ко всеобщему разрушению, но в то же время

она — и постоянное **приобретение**, но не здесь, а по ту сторону, и потому действительное движение к окончательной победе, которая произойдет не в природном, но только в надприродном уровне существования и будет означать конец природного хода вещей.

Если подходить к истории с христианской точки зрения, то она именно по этим причинам представляется пессимистичной, но вместе — и оптимистичной. В христианской концепции истории настроение гибели более глубокое, нежели в фаталистической философии культуры Ибн Хальдуна ⁶, Джамбаттисты Вико ⁷, Освальда Шпенглера ⁸. Эти мыслители гибель определенного типа культуры обосновывали органической связью с ландшафтом, с истощением его природных сил. Закон старения, действующий во всей природе, по этой теории распространяется и на культуру. Поэтому процесс культуры совершенно не зависит от воли человека. Этот процесс близится к концу, как и всякий организм приближается к своей неизбежной естественной смерти. Между тем Христианство понимает ход истории как процесс, сущностно осуществляемый духом, в котором нет ни увядания, ни старения. Но если все же история приходит к концу, то этот конец не есть иссякание внутренних сил, то есть не имманентное иссякание, а отягощенность преступлением, которое человек совершает, но не уничтожает раскаянием и покаянием. **В свете Христианства исторический процесс есть общий акт человеческой свободы и божественного Провидения.** Если однажды этот процесс разлагивается, разрушается, то тогда часть людей окончательно отворачивается от

Бога только потому, что человеческая воля сделала выбор против Бога, и этот выбор пытается объективироваться в истории. **Драма истории — это драма человеческой свободы.** Развязка этой драмы пессимистична, но не потому, что человек не может избежать надвигающегося конца, но потому, что человек сам его подготавливает своим свободным и сознательным выбором. Историю нельзя объяснять оптимистично и понимать ее движение как постоянное движение в совершенное существование, как это делалось в век Просвещения.

Но в то же время Христианство провозглашает и окончательную, вечную победу надприродного добра над злыми силами земли: «и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет» (Откр., 21, 4). «И ничего уже не будет проклятого» (Откр., 22, 3). Не будет прежней земли и прежнего неба, но все будет заново преобразовано, преобразовано, и тогда возникнет «великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога» (Откр., 21, 10), которому не нужны ни солнце, ни луна для освещения своего, «ибо слава Божия осветила его» (Откр., 21, 23). В этом смысле христианская концепция истории значительно оптимистичнее теории прогресса века Просвещения, которая может пробудить прекрасные надежды, но не может их ни оправдать, ни тем более осуществить; это та теория, которую Бердяев обоснованно называет «обожествлением будущего за счет прошлого и настоящего». Согласно этой теории, вся история становится жертвой будущего момента благодати. Бердяев замечает, что все поколения служат только средством

осуществления этой благодатной жизни для того счастливого поколения избранных, которые должны будут вступить в неизвестное и чужое для нас будущее. Все, что происходило раньше, в этой философии истории не имеет собственной ценности и самостоятельного значения: все это только лишь средство и инструмент для приходящих. Если считать теорию прогресса спасением исторического процесса от бессмысленности, которая так ясно выражена в древнем языческом колесе движения времени, то она спасет только одну часть человечества, только то будущее поколение и ту культуру, которая стоит в самом конце. Между тем все прошлое неизбежно погибнет. Если Христианство обещает нам отереть «всякую слезу» (Откр., 21, 4), то теория прогресса заботится только о последнем поколении. Всеобщему спасению, о котором говорит Христианство, противостоит спасение части, о которой заботится век Просвещения. Бердяев говорит, что нет никакого внутреннего оправдания судьбы того поколения, которое должно оказаться на вершине и для которого должны быть подготовлены и спасение и счастье, судьба которого должна стать более счастливой, нежели судьбы других поколений, на долю которых достались лишь боль, страдание и несовершенство. Никакое будущее совершенство не может искупить всех страданий прошлых поколений. Сама теория прогресса развивается как обманчивая надежда, которая не может привести все живое к целям вечной жизни. А без этого всякий оптимизм становится тщетным. С другой стороны, как утверждает Бердяев, философия прогресса не может разрешить проблему времени.

Чтобы спастись от преходящности — а это сущность времени,— Христианство побеждает само время и переносит человечество в вечность, которая есть продолжение — длительность (*duratio*), но не преходящность. Однако каким образом теория прогресса смогла бы уберечь свое благословенное поколение от преходящности, если она совершенство понимает как существование по сю сторону? Человеческое существование на земле — сама временность. Именно об этом и говорит Христианство. В жизни по ту сторону, изображаемой в Откровении, вечная **сущность** человека находит также вечное выражение **в существовании**.

И в этом смысле христианская концепция истории в основе своей **оптимистична, ибо она провозглашает жизнь**. Она не хранит верность земле, но не хранит только этой непретворенной, преходящей и злой земле. Она провозглашает **новую землю** (2-е Петра, 3, 13), которая появляется не как конечный результат природного развития и совершенствования, но как дар свыше, как творение Божие, как благо. Оптимизм христианской концепции истории основывается не только на творческой мощи человеческого гения, по существу он основывается на Боге, Творце, который удивительно сотворил человека во всем его величии и еще более удивительно его преобразит. Языческий прометеизм, который вновь появился во времена Просвещения, в Христианстве заменяется **религиозной** установкой по отношению к будущему. Таким образом, история становится всеобщим религиозным актом, исповедью сотворенного человека и вместе — *goaige*, призывом к окончательному экзистенциальному спасению.

3. ПОНЯТИЕ АНТИХРИСТА

Поскольку история является временем разделения, она в своем движении выявляет не только роль Христа, но вместе и роль Его противника, имя которому в Священном Писании и в христианской традиции антихрист. Антихрист противопоставит Христу как историческая сила, которая Его отвергает, неустанно борется против Него и постоянно увечит Его исторические деяния. Два зверя, о которых упоминает загадочное Откровение, великая блудница, «сидящая на водах многих» (Откр., 17, 1), великий Вавилон (Откр., 18, 2), дракон и змей древний (Откр., 20, 2) есть не что иное, как символы исторических форм и образов, которые в ходе времен принял антихрист и при помощи которых влиял на историческую жизнь. Морской зверь «отверз уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его и жилище Его и живущих на небе» (Откр., 13, 6). Земной зверь «творил великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю пред людьми» (Откр., 13, 13). Образ первого зверя становится настолько живым, что он говорит и действует так, «чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя» (Откр., 13, 15). С великой блудницей «блудодействовали цари земные», одаряли ее «золотом, драгоценными камнями и жемчугом» и поили кровью святых и кровью свидетелей Иисусовых (Откр., 17, 2-6). Купцы великого Вавилона, этого роскошного города, богатеют и становятся «вельможами земли» (Откр., 18, 23); сам город своим волшебством отравляет все народы и пачкает кровью «пророков и святых и всех убитых на

земле» (Откр., 18, 21). История наполнена делами и трудами антихриста. Она — настоящее поле действия не только для Христа, но и для Его противника.

Определенный антибожеский характер мы можем проследить уже в мире природы. Та мировая гармония и та удивительная согласованность, которой мы все изумляемся, особенно в живом мире, то здесь, то там искалечена и исковеркана словно некой черной рукой. Некий злой план прорывается из некоторых мировых законов. Некая издевка и смех звучит время от времени в симфонии космоса. В природе имеются вещи, которые словно намеренно спроектированы и сделаны так, чтобы высмеять творчество Бога, то творчество, о котором некогда было сказано, что оно даже «слишком хорошо». Разум человеческий не находит на это ответа. Но в свете Откровения эти неудачные порождения и неудачные формы, эти карикатуры и насмешки, существующие в природе, совершенно понятны. Сатана был низвержен на землю, «и ангелы его низвержены с ним» (Откр., 12, 9). И если они и на небесах поднимали голос против Бога, то и на земле они продолжают свой бунт и нападают на все, что отмечено знаком божественного. Непорочная первобытная природа была их первой жертвой. Она была изуродована и исковеркана, ее непорочность была отнята у нее, и напоена она была злобой. Откровение грозит уничтожением для «губивших землю» (Откр., 11, 18). Если история, как уже говорилось, — это прежде всего становление культуры, то есть все возрастающее овладение природой силой творческого духа, то человек сферу своей деятельности находит уже оскверненной

и поэтому должен бороться с сатанинским элементом уже в своих собственных творениях. Антихрист скрывается на самых низких уровнях земного существования и сам грызет физическую часть истории.

Но природа нема и пассивна. Она не может принимать решений. Она лишь в состоянии терпеть неистовства дракона и, стеноя, ждать до тех пор, пока не будет спасена из рабства переходящего и вознесена в первоначало, «в свободу детей Божиих». Природа — только объект ударов дьявола. Она защищается только своим упорным умением терпеть. Этим история дает прямой и активный ответ на домогательства древнего змия. Человек как истинный носитель исторической экзистенции не является пассивным объектом, но одним из действующих лиц: другом или противником. Он противопоставляет усилиям дракона и его ангелов не только свою природу, но и свой свободный и сознающий дух. Но этот свободный дух делает выбор — и не всегда этот выбор в пользу Бога и Христа. Природа никогда не может отпасть от Бога и потерять надежду на спасение. В конкретных проявлениях своей зримой божественности она может быть только ограблена кем-то другим, но никто и никогда не может ее обезбожить. Между тем перед духом стоят две возможности: **положительная**, или выбор Бога и Христа, и **отрицательная**, — не выбор Бога и Христа. **Отрицательная возможность — именно тот путь, на котором антихрист находит вход в историю.** Дракон, нарушив природу и таким образом совершив надругательство над творчеством Бога, пытается в истории после Христа глумиться над искуплением и сделать его бессмысленным.

В своем процессе история становится не только явлением богочеловечества, распространением Плоти Христовой во времени и пространстве, но вместе и проявлением безбожия в острейшей форме, объективацией *civitas diaboli*⁹ на земле. Против воплотившегося и постоянно действующего через Церковь Логоса поднимается Его противник, Его отрицатель от самого начала и пытается историческое существование всего человечества втянуть в пространство своего отрицания. История — это не только *gesta Christi per homines*, но и ***gesta diaboli per homines*** (дела дьявола через людей). Антихрист обнаруживается не как случайное явление исторического процесса, но как его составная часть, как осуществленная возможность отрицательного выбора духа, как обезбоженный образ исторических объективаций во всех сферах жизни. Бердяев обоснованно утверждает, что антихрист — проблема метафизики истории, точнее говоря, **теологии истории**, ибо ни наука истории, ни философия истории ничего не могут сказать об антихристе. **Только появление Иисуса Христа на земле выявило Его противника.** И чем зримее Его проявление в Церкви, тем зримее становится и антихрист. И когда настанет второе исполнение времен и будет провозглашено второе пришествие Христа, тогда появится и антихрист в своей величайшей злобе. «Как первое пришествие нашего Господа имело своего предтечу, — говорит Д. Г. Ньюмен¹⁰, — так и второе будет иметь. Первый был "больше чем пророк" — святой Креститель. Второй будет больше чем только противник Христа: он будет образом самого сатаны — страшным и полным ненависти антихристом».

Так кто же он — этот антихрист? Какова его сущность? На эти вопросы со всей прямоотой и определенностью нам отвечает св. Иоанн: «Кто лжец, если не тот, кто отвергает, что Иисус есть Христос? Это антихрист, отвергающий Отца и Сына» (1-е Иоанна, 2, 22), и в другом месте — «А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста» (1-е Иоанна, 4, 3). Указания пророков мы также находим и во втором письме святого: «Ибо многие обольстители, — пишет он, — вошли в мир, не исповедующие Иисуса Христа, пришедшего во плоти: такой человек есть обольститель и антихрист» (2-е Петра, 7). Слова св. Иоанна совершенно определенно свидетельствуют о том, что **сущность антихристового духа — отрицание полноты богочеловека Христа**. Христос есть истинный Бог и истинный человек. Он есть гипостатическая совокупность. И тот, кто отрицает хоть одну часть этой совокупности — «А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа» (1-е Иоанна, 4, 3), — разрушает свою личность и таким образом становится антихристом. **Антихрист обнаруживается везде, где только Христос хоть сколько-нибудь искажен**. И не имеет никакого значения то, где находит выражение это искажение — в философии ли, в искусстве, в общественной жизни или только в установке отдельного человека. Повсюду, где только оно проявляется, там — антихрист. **Антихрист — объективация искаженного Христа**. Он — «тайна беззакония», которая действует против Христа (2-е Фесс., 2, 7). В этом смысле антихрист так же стар, как и сама история. Более того, он был включен уже в пролог

исторического процесса на небе. Если Люцифер отказался почитать божественный Логос и служить Ему потому, что последнему было предназначено вочеловечиться, то, как учит Дуне Скот, Люцифер естественно, от самого начала стал противником Христа. Всякое историческое отрицание Сына Человеческого в сущности есть не что иное, как продолжение и развитие того изначального отрицания, которое осуществилось на небесах.

Возможно также, что в конце истории, когда божественные и демонические силы полностью проявятся, эта общая отрицательная установка по отношению к Христу приобретет **личностное** выражение. Священное Писание дает основание такому предположению. Когда св. Павел предупреждал фессалоникийцев по поводу веры в скорое пришествие Христа, он указал именно на антихриста как на знамение приближающегося конца истории: «Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносившийся свыше всего, называемого Богом и святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога» (2-е Фесс., 2, 3-4).

Если земная история, как уже говорилось, есть постоянное возрастание зла, то нет ничего невероятного в том, что эта злая сила сможет сконцентрироваться в одной точке и как человеческая личность торжествовать свою **особенную** победу, получив, таким образом, определенное «воплощение», как подражание воплощению Божьему. Такое подражание Христу и тем

самым в определенном смысле сходство с Христом здесь усматривает и Соловьев, проводя аналогию между Христом и антихристом, как между двумя **личностями**. Христос, по Соловьеву, личностное, в своем роде единственное, воплощение добра. Антихрист тоже личностей в своей полноте как завершенности зла, он есть воплощение этого зла. Он выступает как носитель ненависти Люцифера, направленной против божественного Логоса и вместе с тем против всего, в чем только проявляется Логос. Если история до Христа была временем длительной подготовки к появлению **Богочеловека**, то история после Христа является подготовкой к выступлению против **дьяволочеловека**. **Появление антихриста в образе личности стало бы издевательским ответом Люцифера на некогда ему явленное воплощение божественного Логоса**. С теологической точки зрения здесь содержатся предупреждения, которые мы находим в христианской литературе и которые всегда нас наводят на мысль, что антихрист как личность займет престол этого мира. И так как антихрист, как вскоре увидим, во всем и всегда подражает Христу, эти предупреждения становятся все более обоснованными.

Однако было бы ошибкой воспринимать опасность антихриста только как проявление зла в образе **личности** и его борьбу, направленную против Христа, видеть только в нападках этой удивительной личности. Было бы ошибкой думать и предпринимать какие-то действия, воспринимая антихриста только как явление последней эпохи, словно вся история была свободна от его влияния. И если Откровение дает основание для

трактовки антихриста **тоже** как личности, то Откровение также указывает и на то, что **антихрист — постоянное явление истории**. Св. Павел говорит об этом совершенно определенно: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь, — и тогда откроется беззаконник» (2-е Фесс., 2, 7—8). Иначе говоря, антихрист удерживается по велению Бога. В конце истории он явится как безбожник, но в этом его появлении не будет ничего нового: он явится как сосредоточение, скопление давно известных и постоянно действующих в истории сил зла. **Антихрист как личность будет только наиболее зрелым плодом вечного антихристового духа**. Кажется, что св. Иоанн утверждает то же самое: «...и как вы слышали, что придет антихрист, и теперь появилось много антихристов» (1-е Иоанна, 2, 18), а несколько дальше: «...много лжепророков появилось в мире», и дух, который не исповедует Иисуса Христа, «есть уже в мире» (1-е Иоанна, 4, 2-4). Правда, св. Иоанн утешает христиан тем, что Христос, который живет в нас, есть «больше того, кто в мире» (1-е Иоанна, 4, 4). Но этими словами он совершенно определенно признает, что **противник уже действует в мире**.

Удивительнее всего то, что и св. Иоанн эту постоянно действующую антихристову силу считает знаменем «последнего времени» мировой истории. Он пишет: «Дети! последнее время. И как вы слышали, что придет антихрист, и теперь появилось много антихристов, то мы и познаем из того, что последнее время» (1-е Иоанна, 2, 18). Таким образом, как уже отмечалось, появление Христа на земле проявилось в конкрет-

ном существовании человека и Его противника. Так история повернула свой путь к своему концу. Если века до Христа могли гордиться тем, что они торопились к центру земного времени, к воплощению Логоса, то столетиям после Христа не остается ничего другого, как приближаться ко второму пришествию Христа, то есть к **завершению. Последний час истории** начался **со вступления Христа на небеси**. Появление множества антихристов, лжепророков, душ, отрицающих Христа, есть как раз знамение того, что, в сущности, немного осталось времени до полного проявления добра и зла. Поэтому и деятельность антихристовых сил стала значительно интенсивнее и зримее, нежели во времена до Христа. В языческой истории драконы пытались управлять человеком через его физическую природу. Вселение в плоть было основной формой этого управления. Древний антихрист проявлялся в основном как сила, управляющая природой без Бога. В истории Христианства змей нападает прежде всего на духовную область человеческого существования, ибо она через таинство крещения становится местом пребывания Святой Троицы. Новый антихрист принимает духовный образ и тем самым становится исторической силой. Он покидает пустыню и идет в культуру, в философию, в искусство, государство, хозяйство и вселяется в эти области так же прочно, как некогда вселился в плоть человеческую. И теперь, как и прежде, дьявол совершает удивительные вещи. Если раньше он совершал удивительные вещи через физическую природу человека, то теперь он совершает «великие знамения и чудеса» (Матф., 24, 24) в его духовном мире,

«чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (Матф., 4, 24). Человек-христианин не является человеком природы. И антихрист — не только сила природы, поэтому сегодня он действует не так, как действует медик или маг, но как философ, как художник, как политик, как государственный муж или руководитель хозяйства. Поэтому разделение душ — важнейшая, хотя и самая трудная задача периода истории после Христа.

В конце «Трех разговоров» участники беседы констатируют, что все будто бы затянато некоей тонкой неощутимой вуалью. Недостает полной ясности — и не только на небе, но и в душе. Повсюду таится некая тревога, и в воздухе — дурное предчувствие; и это знак не только того, что земля постарела и наша пронизательность ослабела, но также и того, что злая сила в действии. Хвост дьявола свел мглу на землю Божию. **Ощущение омраченности характерно для хода истории.** Безмерность зла обволакивает все некоей вуалью, и взгляд наш нигде не может найти истинных ценностей. Земля все больше приходит в негодность, человек все больше открывается для греха, тайна беззакония в действии. Антихрист проявляется «со всякой силой и знаменами и чудесами ложными. И со всяким неправедным обольщением» (2-е Фесс., 9-10). История, искупленная Христом, не примет «любви истинны», потому что «пошлет им Бог действия заблуждения, так что они будут верить лжи» (2-е Фесс., 2, 11). История идет путем, который неизбежно закончится вселенским разрушением. «Драма истории, — говорит Соловьев, — уже сыграна, остается лишь

эпilog. Конечно, ее можно растянуть на пять актов, как у Ибсена¹¹; на мировой сцене может быть сделано еще немало глупостей и болтовни, но драма уже давно написана, и ни зрители, ни актеры не в силах что-либо в ней изменить». Сущность антихриста Соловьев пытается выразить в одной-единственной и очень простой фразе: «не все то золото, что блестит». У антихриста достаточно блеска, но «никакой истинной силы». Этот блеск ослепляет взгляд и обольщает дух. В нем крепость антихристовой силы. Поэтому в соответствии с христианскими требованиями каждая эпоха должна как можно точнее и безошибочнее устанавливать и исследовать проявления антихристовой силы в историческом существовании человека. Задача последующих разделов данной работы — раскрыть обманчивый блеск и коварство антихриста во всех областях жизни.

II. ЗНАКИ АНТИХРИСТОВА ДУХА

1. СЕБЯЛЮБИЕ

Образ антихриста в повести Соловьева достаточно выразителен. Этот великий русский мыслитель и поэт попытался изобразить противника Христа, не упуская ни малейшей подробности, даже самой незначительной его черты. Среди них выступают существенные черты, отражающие все антихристово нутро. Исследование этих черт и их проявлений в жизни человека приведут нас к раскрытию структуры этого духа.

Антихрист Соловьева несколько не атеист. «Сознавая в самом себе великую силу духа, он был всегда убежденным спиритуалистом, и ясный ум всегда указывал ему истину того, во что должно верить: добро, Бога, Мессию». Но здесь же Соловьев отмечает, что «в это он верил, но любил он только одного себя». Иначе говоря, **вера антихриста и его любовь были разделены**. Разум и сердце в бытии этой твари шли

в разных направлениях. Обладая незаурядным про- ницательным умом, он не мог отрицать Бога, ибо толь- ко безумец говорит, что Бога нет (ср.: Пс., 13, 1). Для всякой разумной души существование Бога настолько очевидно, что она ни в каком случае не может Его отрицать. И чем значительнее ум, тем меньше опас- ность атеизма. Среди чистых душ склонности к атеизму нет совершенно, даже сами «бесы веруют, и трепещут» (Иак., 2, 19). Но одно дело найти Бога умом и совер- шенно другое — признать Его своим сердцем и полю- бить. Антихрист Соловьева Бога не отрицал. Он ве- рил. Верил даже в Посланника Божьего. Но любил он только себя. Соловьев замечает, что антихрист «верил в Бога, но в глубине души невольно и безотчетно пред- почитал Ему себя».

Замечание весьма существенное. Себялюбие отвле- кает взгляд от бытия и направляет на самого себя. Здесь все сосредоточено на любви к себе. Поэтому не- удивительно, что тварь, ведомая себялюбием, совер- шенно неощутимо поднимается на самые вершины бытия и пытается воздвигнуть свой престол над звез- дами. Вне сомнения, это возвышение только психоло- гическое. Оно — только настроение и только пережи- вание. У себялюбия нет онтологической силы, и из области сотворенного оно никого не высвобождает. Никто не становится Богом, любя самого себя. Но взор, отвращенный от бытия и направленный на себя, изме- няет всю человеческую жизнь. Себялюбивое дей- ствие — это серьезный поворот на пути бытия. Этот поворот вызывает желание считать себя выше Бога. И вместе с тем этот поворот изгоняет творение в ряды

чистых тварей. **Себялюбие — это поворот по направлению к небытию.**

Святая Тереза Авильская¹ сказала о дьяволе: «Бедный, он не любит!» Этим она выразила глубочайшую сущность дьявола. Дьявол — это тот, который не любит. Он не любит ни Бога, ни человека, ни вещи. И в этом его свойстве кроется самое существенное отрицание Бога. Святой Иоанн в своем Евангелии и в своих посланиях неустанно повторяет, что **Бог есть любовь** и что подобность Богу и участие в Его бытии проистекают только из любви. «Кто не любит, тот не познал Бога» (1-е Иоанна, 4, 8). И напротив, «пребывающий в любви пребывает и в Боге, и Бог в нем» (1-е Иоанна, 4, 16). Утрата любви есть утрата Бога, обладание любовью — знак живущего в человеке Бога.

Поэтому нелюбящее существо исключено из божеской жизни: Бог не живет в нем, и оно не живет в Боге. Оно может верить в Бога и даже трепетать перед Его могуществом, но, не имея в себе любви, оно не имеет экзистенциальной связи с Богом. Бог для него только причина его бытия, только абсолютная сила, действием которой оно возникло и по решению которой удерживается. Но Бог для него не та Личность, которая может заставить его говорить и которой оно могло бы ответить. **Утрата любви есть утрата личности Бога.** Это утрата связи с Богом. И это есть утрата **религии** в глубочайшем смысле этого слова, ибо религия — это **отношение между двумя личностями.** Нелюбящее существо с Богом не взаимодействует. Оно только «бывает» вместе с Богом, как тварь «бывает» вместе со своей причиной. И если дьявол не любит, то

тем самым он — самый величайший отрицатель Бога, даже если он своим умом верит в Бога и трепещет. Но почему дьявол не любит? Как и откуда возникла эта нелюбовь в демоническом бытии?

Дьявол не любит потому, что он любит только себя самого. Любовь и себялюбие исключают друг друга. Это две силы, которые идут в противоположных направлениях. Любовь всегда есть выход, извержение из себя. Кто любит, тот ставит себя рядом с другим, переносит себя в другого, жизнь кладет за другого. **Сущностью любовь есть сила, направленная к бытию.** Это есть взгляд, направленный далеко от себя. Это звук, ищущий отзвука. Основа любви есть кроющийся в нас образ Божий. Будучи созданными по образу и подобию Господа, мы сами склоняемся к другому, тянемся к своему Оригину. Бог влечет наше бытие. Самой сущностью своей структуры мы повернуты к Нему и отвращены от себя. Наше бытие всегда смотрит вперед. Ему предназначено не оставаться в себе, но переступить через себя, войти в другого и быть в другом, ибо в этом глубинном Другом как раз и кроется источник нашего бытия, его происхождение, его модель. Свою жизнь выигрывает тот, кто ее утрачивает, то есть отдает ее Другому, ибо именно в этом Другом он ее и осуществляет. Наше бытие осуществляется только тогда, когда мы «бываем» вместе; «бываем» не в себе, но в другом, и этого другого вбираем в себя. **Бытие, ставшее общим, есть основа творящего существования и его полнота.**

Однако вообразим себе, что свободная тварь по своей собственной воле закрывается в себе, отворачивается

от другого и свой взгляд направляет только на себя. Ту силу, которая вела ее к бытию, она поворачивает к себе. Любовь превращается в себялюбие. Что тогда происходит? Не что иное, как отрицание всего и вся. Такая тварь отрицает прежде всего то, что находится рядом с ней. Себялюбие превращается в абсолютную глухоту по отношению к окружающему. Себялюбец никого не призывает и отклика от других не ждет. Его существование становится закрытым. Он не «бывает» вместе. Он «бывает» один в своем одиночестве. Все, что находится рядом с ним, утрачивает для него глубинный смысл. **Себялюбие — сила, влекущая назад от бытия.** Это сила, направленная на себя. Но поскольку образ Господа уводит нас от самих себя, то себялюбие само по себе превращается в силу, разрушающую нашу подобность Богу. Обратив свой взор к себе, мы сталкиваемся с противоположным направлением образа Господня и должны сделать выбор: или возвратиться назад в бытие, или разрушить в себе подобность Богу. Тварь, ведомая себялюбием, выбирает второй путь. Она оставляет образ Божий, оставляет бытие и идет в себя. Она разрушает свою подобность Господу и таким образом превращается в противоположность Бога и становится полным Его отрицанием. Человек может быть настоящим и глубоким атеистом только тогда, когда он себялюбив, ибо себялюбие — самое серьезное отрицание Бога, это не теоретическое отрицание умом, но отрицание самой направленностью своего бытия. **Себялюбие — это полный атеизм.**

Именно с дьяволом и произошел такой серьезный поворот. Отказавшись служить Господу, возжелав

подняться выше звезд и там воздвигнуть свой престол, возжелав быть подобным Всевышнему, он тем самым опроверг любовь как силу, направленную к бытию, и выбрал себялюбие как силу, направленную на себя. Он отвернулся от Бога и от всех других Богом сотворенных существ. Себялюбие отрезало его от существования вместе с другими и в других и закрыло его в самом себе. Дьявол превратился в самое одинокое существо из всех Божиих тварей. Его собственное бытие сделалось для него тюрьмой. Его экзистенция стала полным молчанием по отношению к Творцу и Его творению. Дьявол своим существованием никого не зовет к разговору. Его существование не диалог, но глубокий, непрерывный монолог; это разговор только с самим собой. Себялюбие замкнуло уста его бытия для всякого звука извне. В этом кроется причина, почему дьявол не любит. Он не любит потому, что выбрал другое, противоположное Божию направление своего бытия, разрушил в себе образ Божий, отделился от других и замкнулся в себе. Его нелюбовь естественный результат его себялюбия. Он верит в Бога, ибо он тварь Божия. И он это хорошо знает. Само по себе существование Бога у него не вызывает сомнений. Но направленностью своего бытия он отвергает Бога так яростно, как вряд ли бы смог это сделать даже самый неистовый атеист. **Дьявол — полный безбожник именно потому, что он — полный себялюбец.** Он также знает, что **есть** и такие творения Господни, которых он ненавидит и борется с ними. Но своим отвращением от бытия он их тоже отрицает, что не под силу — в метафизическом смысле — ни одному

идеалисту. Дьявол — полный солипсист потому, что он — полный себялюбец. Себялюбие делает его и атеистом и солипсистом. Оно разрушает его взаимосвязь с Богом и с миром, замыкая его в его собственном одиноком бытии.

В этом отношении замечание Соловьева, что антихрист «любил только одного себя», имеет необычайно глубокий смысл. Оно объясняет, почему этот человек, верящий в добро, Бога и даже в Мессию, все же стал помощником дьявола. Его себялюбивый выбор отвернул его от Господа и направил к тому, кто тоже отвернулся от Бога. Между антихристом и дьяволом себялюбие создало общее пространство, в котором оба они встретились. Соловьев рассказывает, что хотя его антихрист и верил в добро, однако «всевидящее око Вечности знало, что этот человек преклонится перед злой силой». Верить в добро означает не что другое, как быть открытым своим умом для действительности. Но преклониться перед добром означает самому сделаться добрым. А сделаться добрым самому означает отдать себя другому, ибо добро есть *diffusivum sui*: оно распространяется, выходит из себя и себя предоставляет другому. Добро в человеке есть любовь. Преклониться перед добром в глубинном смысле означает любить. Это может сделать тот, кто повернут к бытию. Но этого не может сделать себялюбец, который повернулся к себе. Вот почему антихрист Соловьева хотя и верил в добро, в глубине своего бытия склонялся перед злом, ибо в нем он видел свой образ, в нем чувствовал крепнущую силу себялюбия, направленную на себя. Преклонение антихриста перед злой

силой было знаком не его слабости, не страсти, но знаком антибожеского направления его существования. Таким образом он приблизился к дьявольскому существованию; поэтому дьявол и выбрал его своим помощником в борьбе с Богом. Себялюбие стало дьявольскими воротами в человеческое бытие.

И это случилось не только с антихристом Соловьева, который является всего лишь символом всей антихристовой силы, действующей в истории. **Всякий антихрист вырастает из себялюбия, и всякое себялюбие — путь дьявола в историю.** Каждое себялюбие есть поворот от Бога, разрушение Его образа, отрицание Его творчества и тем самым безбожное действие. Оно усиливает деятельность противника Бога в мире. Оно ведет человека в общество зверя и делает его там своим. Поэтому борьба с себялюбием не только аскетическая задача, но и серьезная онтологическая задача. **Борьба с себялюбием действительно есть борьба с антихристом внутри нас.** Это борьба за образ Божий, за божественное направление нашего существования, проявленное любовью, которая ведет нас к бытию.

Здесь мы поймем, почему отречение от себя было первым требованием Христа, которое Он провозгласил миру. Вся Нагорная проповедь основана на мысли отречения. Обратитъ взор свой на другого — на Бога и на ближнего, забыть себя, не демонстрировать себя, не заботиться о делах своих, отдать себя на службу другим — основной мотив проповедей Христа. Чем является требование подставить другую щеку, когда тебя уже ударили по одной, если не требование не дать прорваться взывавшей злобе, то есть переступить

через себя. Чем является заповедь любить врагов и делать добро тем, кто ненавидит нас, если не указанием на то, что такая отдача себя другому делает нас детьми «Отца нашего небесного» (Матф., 5, 45), то есть обоживает наше бытие. Чем является требование не трубить о том, что подаешь милостыню, и, молясь, не стоять на углах улиц, чтобы показаться перед людьми, постясь, не удручаться — что это, если не заповедь скрыть себя от глаз людских и открыть себя только Богу? Чем еще является требование не собирать себе сокровищ на земле, не заботиться о пище и об одежде, если не радением отвратить взор человека от себя и направить его к Богу? Себялюбие — это величайший соблазн для человека. И его преодоление должно стать главной заботой человека.

Христос, обостряя взор человеческого духа, направляет внимание человека на преодоление этого искушения, дабы человек пристально следил за проявлениями себялюбия и не поддавался его соблазну. Себялюбие часто бывает похожим на любовь, как зверь похож на Агнца. Оно кроется под справедливостью, под добрыми делами, скрывается за постом, за заботой, за милостыней, даже за молитвой. Оно оправдывает себя необходимостью действовать, творить, воспитывать, опекать. Оно облачается в одежды религии, чтобы ему легче было похоронить саму религию. Ведь и антихрист Соловьева был непорочен, сдержан, добродетелен, ревностен в стремлении услужить и помочь другим. Он был человеком «незапятнанной нравственности». Скорее всего, он не нарушил ни одной из десяти заповедей Божьих. Но он не любил ни Бога, ни

ближнего и таким образом нарушил самую великую заповедь, на которой «утверждается весь закон и пророки» (Матф., 22, 40). Именно в Нагорной проповеди Христос раскрывает коварство себялюбия. Он хотел предостеречь человека от всех тех внешних форм, в которых любовь умерла и которые поэтому становятся ловушками на пути человеческого существования. Христианское самоотречение есть преодоление самолюбия и укрепление любви. Это есть укрепление божественного в человеке и тем самым главное средство борьбы с антихристовыми замыслами. Отречение от себя — сила, которая ведет человека к Богу и делает его членом общества Агнца. Это сущностно религиозная сила. Ее основа кроется в самом бытии человека. Отречься от себя означает быть для другого и в другом, **быть вместе**, то есть так, как определил человеку Бог.

Проявление самоотречения есть **любовь**. Она, как уже отмечалось, есть сила, направленная к бытию: сила из себя в другого. Поэтому человек, который отрывается от себя и направляет свой взор на другого, естественно склоняется к этому другому, опекает его, заботится о нем и помогает ему. Это и есть христианская **Caritas**. Но эта любовь не только внешнее поведение, не только внешняя помощь, но и глубокое переживание другого как осуществление самого себя. Ведь другому можно помочь не только из любви, но и из себялюбия. Антихрист Соловьева как раз и является таким себялюбивым другом и благодетелем людей. Он помогает людям не потому, что считает их своими братьями в Господе и переживает их как то

пространство, в котором он осуществляет свое бытие, проявляя в себе образ Божий, но потому, что люди для него только средство удовлетворения собственного себялюбия; он желает, чтобы люди, принявшие любую его помощь, почитали его, благодарили и признали бы его своим вождем и властелином. Творя добрые дела, антихрист чувствует, что он поднимается над людьми, что он властвует над ними, он видит их преклоненными перед собой. **Антихристова Caritas не только не преодолевает себялюбия, но возводит его в высочайшую степень, ибо ближнего превращает в раба благодетеля.** Только тогда, когда мы своего ближнего переживаем как стоящего выше нас, как наше внутреннее призвание, как носителя того же образа Божьего, только тогда наша внешняя помощь ему становится выражением христианской Caritas и отмечает нас знаком Бога. Только тогда осуществляется наше отречение от самих себя, как того требует Христос.

Именно такая внутренняя установка, такое переживание божественности человека и отличает христианскую Caritas от антихристовой помощи. В наше время помощь человеку стала почти модой. Многие и всякие международные и национальные общества соревнуются между собой в оказании такой помощи. Зверь украшает свои рога, чтобы быть, насколько это только возможно, похожим на Агнца. И многих обольщает эта похожесть. Многие верят, что какая-то часть этих обществ и в самом деле трудится во имя любви к ближнему. А между тем по сути своей их деятельность принадлежит к области антихристовой помощи, ибо им недостает переживания божественности

человека. Они смотрят на своих подопечных как на заключенных, как на купленных за кусок хлеба. Если смотреть поверхностно, то их благодеяния похожи на христианскую **Caritas**, и те, кто их совершает, иной раз материально делают значительно больше, нежели христиане. Однако дух, который поддерживает и заставляет совершать эти благодеяния, сущностно другой. Христос велит делать добро для того, чтобы человек смог выйти из себя, чтобы он поддерживал себя в направлении к бытию, чтобы, существуя в другом, выиграл самого себя. Между тем антихрист делает добро для того, чтобы поставить человека на колени перед собой, чтобы увидеть его униженным, презренным и поработанным. **Христианская Caritas есть служение ближнему, антихристово благодеяние — власть над ближним.** Именно поэтому сегодня все эти благодеяния так широко распространены в обществе зверя. Совет св. Иоанна верить не всякому духу, но прежде всего понять его, особенно важен и нужен нам при определении своего отношении к ближнему, ибо здесь себялюбие легче всего скрыть под покровом добрых дел. Поэтому Христианство и требует, чтобы эти дела осуществлялись именем Христа; чтобы человек не похвалялся ими и не гордился и не требовал за них благодарности, как это делают антихристовы благодетели. Соккрытие себя — указатель того, что помощь, **оказываемая** ближнему, действительно есть христианская **caritas**, а не помощь антихриста.

Однако последствия себялюбия этим не исчерпываются. Себялюбие не только уводит человека от Творца и Его творений, оно вызывает в нем ненависть

к Богу и к миру, за которой следует разрушение и уничтожение. Св. Иоанн в своем первом послании говорит, что «не любящий брата своего пребывает в смерти» (1-е Иоанна, 3, 14). Это высказывание наполнено глубоким смыслом. Нелюбовь и смерть сущностно связаны между собой. Тот, кто не любит, несет смерть и умирает сам. Отвращаясь от бытия и закрываясь в себе, человек отрицает любовь только психологически, ибо онтологически отрицать кроющиеся в нем силы, направленные к бытию, он не может. Любовь как божественное подобие остается в нем даже в периоды наивысшего себялюбия. Она звучит в нем голосом совести, она принуждает его вернуться назад в бытие и заново начать существование вместе с другими и в других. Каждое столкновение с людьми и вещами, каждое отношение с представителями мира и Бога напоминает себялюбцу отвергнутое им высшее направление существования и не позволяет ему полностью успокоиться в своем выборе. Себялюбец живет в постоянном напряжении между призывом любви и неприятием этого призыва со стороны себялюбия.

Это напряжение, это постоянное напоминание и призыв вызывают в человеке ненависть ко всему, которая не позволяет ему успокоиться в своей тюрьме. Себялюбие превращается в ненависть к бытию. И чем сильнее человек себя любит, тем острее ненавидит других. Это последовательно происходит из отвращения от бытия и поворота к себе. Себялюбие как сила, направленная на себя, хочет остаться единственной. Она желает сосредоточить человека на себе самом до такой степени, чтобы все остальное исчезло.

Солипсизм себялюбия пытается огнем ненависти сжечь все мосты, соединяющие человека с Богом, с миром и людьми. Но такое резкое прерывание всех связей происходит только тогда, когда бытие разрушается. Когда исчезают вещи и люди и себялюбец действительно остается один, тогда уже никто не мешает ему сосредоточиться только на себе и заботиться только о себе. Таким образом разрушение последовательно становится выражением ненависти к жизни. Насколько любовь созидает, настолько ненависть, вызванная себялюбием, разрушает. Она разрушает все: вещи, людей, их отношения; она посягает даже на самого Бога и на Его порядок. Вот почему св. Иоанн говорит, что «всякий, ненавидящий брата своего, есть **человекоубийца**» (1-е Иоанна, 3, 15). В физическом смысле такой человек может и не убить другого, как Каин убил Авеля, но в душе своей он жаждет для него небытия. Он жаждет, чтобы его ближний исчез! Поэтому мысль об убийстве пускает глубокие корни в каждом себялюбце. Такое духовное человекоубийство ведет к физическому уничтожению. «Не любящий брата пребывает в смерти» (1-е Иоанна, 3, 14) — и не только в том смысле, что он сам «не имеет жизни вечной, в нем пребывающей» (1-е Иоанна, 3, 15), но и в том, что он несет смерть другому, — уничтожение становится образом его действия. Себялюбец одной рукой сеет доброе, дабы быть почитаемым, другой — смерть, уничтожая тех, кто не преклонился перед ним и не признал его властелином.

Вот почему и антихрист Соловьева, обретя власть, насильственно сгоняет все народы в свою империю,

убивает папу Петра II и старца Иоанна, ссылает преданных Христу христиан в пустыню, запрещая им «обитать в городах и других населенных местах», и, наконец, организовывает массовую бойню не склонившихся перед ним христиан и иудеев. По этому пути антихристова сила идет во все времена. **От самого начала, еще со времен Каина, дух антихриста — человекоубийца.** Где только происходит уничтожение бытия, где брат ненавидит брата, где дети предают отцов своих, где человек человеку враг, там кроется антихрист, там он воздвигает свое царство, ибо дьявол «был человекоубийца от начала» (Иоанн, 8, 44). Он настоящий автор смерти, ибо «Бог не создал смерти и не радовался гибели живых» (Иоанн, 1, 13). Убиение жизни — самое яркое явление на испоганенной дьяволом земле. Это знак демонизма, кроющегося и в природе и в истории.

И все-таки это только логическое развитие себялюбия, которое через отвращение от бытия, через ненависть к нему ведет человека ко всестороннему его уничтожению. Всякий антихрист себялюбец и потому — человекоубийца. Достаточно себялюбие сделать основой жизни, и исполнители этой жизни будут брести по крови братьев своих. Дьявол — убийца от самого начала потому, что он от самого начала себялюбец. Себялюбие — источник всякого действия антихриста. Оно — **антропологический** знак антихриста, который сторонники зверя носят на правой руке или на своем челе (Откр., 13, 16), а следовательно, и в своих мыслях и делах. Их разум может верить в Бога и человека, они могут трепетать перед Богом и помогать человеку,

но себялюбие отвращает их от Бога, сосредоточивает на себе, разрушает в них образ Господа и таким образом делает их открытыми и доступными для вековечного врага Божьего. Себялюбие — знак антихриста, путь и средство его деятельности в истории.

2. ВОСПРИЯТИЕ ХРИСТА ПРЕДТЕЧЕЙ

Себялюбие определяет отношения антихриста не только с Богом, не только с миром и человеком, но также и с Христом. Антихрист, как уже говорилось, всей направленностью своего бытия отвращен от Бога. Однако если смотреть поверхностно, он кажется верующим, ибо верит в добро, Бога и Мессию. Он даже опекает религию: пытается объединить разделенные Церкви, предоставляет им права и привилегии, поддерживает их материально, держит при себе епископа Аполлония, которого впоследствии избирает даже папой. Внешние отношения антихриста с Богом и с религией кажутся вполне **положительными**.

Эта поверхностная положительность как раз и скрывает истинный дух антихриста. Многие, видя верующего в Бога антихриста, восхищаясь его удивительной щедростью к религии, не замечают крошечного в нем сущностного **безбожия** и поэтому обольщаются этими внешними проявлениями. Многие, пережив серьезное потрясение, переходят на его сторону, считая защитников Христа упрямыми, ограниченными,

не понимающими духа времени и потому проигрывающими людьми. Согласимся, что такие люди есть и в обществе Агнца, что они свою ограниченность пытаются скрыть под необходимостью сохранить в неприкосновенности наследие вероучения (ср.: 1-е Тимоф., 6, 20), они ничего не меняют в своей деятельности, искажая таким образом характер самой Церкви, ибо Церковь всегда в развитии, как то горчичное зерно. Она — не окаменевшая древность, но вечно живая сила. Однако действительная окаменелость этих людей нисколько не оправдывает их поверхностности, когда они, раскрыв объятия, встречают антихристову помощь религии и даже охотно им помогают, считая предоставляющих эту помощь сторонниками Агнца. Это прямо-таки трагическое недоразумение, словно красная нить, проходит через всю историю. Соблазн земных прав, возможностей, привилегий и благ настолько велик, что перед ним немногие могут устоять. Большинство поддается этому соблазну, поддаваясь таким образом и скрытой антихристовой воле.

Таким образом, Соловьев не без основания отпадение от Бога, о котором говорится в Священном Писании (ср.: 2-е Фесс., 2, 9), рисует в образе этого искушения. Его антихрист, сделавшись властителем мира, возвращает ссыльных пап в Рим и восстанавливает их во всех правах и привилегиях, которыми они обладали со времен Константина Великого². Действительно, этот его поступок явился значительной поддержкой Церкви. Правда, Церковь по существу не связана ни с каким пространством нашей земли, ни с какими в истории ей предоставленными людьми правами или

возможностями. Она есть в мире, но она не от мира. Поэтому любой дар мира не может обогатить ее сущности. **Церковь обогащает только Святой Дух, во истину распространяющий божественное Откровение и возносящий его вечные ценности, призывающий праведных людей в виноградники Христа, распространяющий Евангелие по всему миру, основывающий и наполняющий смыслом формы божественного культа.** Это истинные богатства Церкви и истинные ее ценности. Однако поскольку эти ценности должны распространяться в мире, то помощь мира в их осуществлении становится тоже значимой. В зависимости от этой помощи божественные ценности воспринимаются людьми по-разному — одни их воспринимают легче, другие с трудом, где-то их можно осуществить, а где-то — нет. Мирская помощь или способствует Царству Божьему, или мешает.

Зная об этом, антихрист Соловьева решается предложить Церкви свою помощь. Он избирает самую высокую форму этой помощи — права и привилегии, о восстановлении которых он заявляет на самом высоком месте Церкви, в самом ее центре — в институции папы. Так не заслуживает ли антихрист поддержки? Может, его самого следует признать таким же попечителем Церкви, каким был Константин Великий и целый ряд других святых и не святых царей? Большинство представителей Церкви так и делает. «И с радостными восклицаниями: "Gratius agimus! Domine, salvum fac magnum imperatorem!"³ — почти все князья католической церкви, кардиналы и епископы, большая часть верующих мирян и более половины монахов

взошли на эстраду и после низких поклонов по направлению к императору заняли свои кресла». Так же поступили представители и двух других конфессий: православные и протестанты. Первые соблазнились учрежденным императором музеем христианской археологии, вторые — Всемирным институтом свободного исследования Священного Писания. Поэтому большинство первых и вторых взошли на эстраду вместе со своими епископами и руководителями и заняли скамьи у трона императора.

Это удивительно глубокий по смыслу символ жизни Церкви. **Усестья в тени земных престолов и преклониться перед земными властителями — самая значительная и постоянно существующая угроза для Церкви.** Под воздействием этой угрозы легче всего отпасть от Бога, ибо это, как говорит св. Павел, поддерживает «вид благочестия», но «силы же его не отрекшиеся» (2-е Тимоф., 3, 5). Такие христиане поддерживают внешнее в религии, но совершают надругательство внутри ее: вместо Царя Христа они возводят на престол земного царя, вместо милостей Божиих принимают дары властителя. Вера в Дух Святой и кровь святых здесь оборачивается доверием к лукавству и в поддержку князей. Антихрист прекрасно знает эту слабость христиан и поэтому всегда предлагает свои дары. Он постоянно призывает христиан к себе — сесть в тени его престола и таким способом защититься от солнечного жара борьбы. Он обещает уничтожить своей могущественной рукой всех непослушных. В ходе столетий он возносит христиан на высокую гору, показывает им все царства мира, их

славу и мощь, обещая все это отдать им, если только они, пав перед ним на колени, восславят его. И многие восславляют его. Многие взбираются на эстраду, склоняются перед ним и усаживаются в тени его трона, даже не чувствуя, что это тень смерти.

Но есть и другие — они не поддаются этому искушению. Есть в Церкви Христовой люди, которые не верят в помощь земных императоров религии, поэтому они не отзываются на их призыв и не садятся у подножья их престолов. Они предпочитают оставаться внизу вместе с истинными и старшими своими наставниками. Когда соловьевский антихрист провозгласил восстановление прав и привилегий пап и когда восхищенные князья Церкви и наставники двинулись к императору, «посредине собора, прямой и неподвижный, как мраморная статуя, сидел на своем месте папа Петр II. Все, что его окружало, было на эстраде. Но оставшаяся внизу поредевшая толпа монахов и мирян сдвинулась к нему и сомкнулась тесным кольцом». Так же поступили и члены других конфессий. Из православных не сдвинулся с места епископ старец Иоанн и его сторонники, они только «пересели ближе к папе Петру и его кружку». Из протестантов внизу остался профессор Паули и его группа. Он тоже пересел ближе к папе Петру и к старцу Иоанну.

Этим **пространственным** сближением христианских конфессий Соловьев хочет показать, что во всех Церквях есть люди, которые понимают искушения антихриста и им противостоят; они в этих соблазнах усматривают подготовку к борьбе с Церковью и поэтому сплачиваются. Это христианское ясновидение

раскрывает суть обещаний антихриста, оно основывается на той общей мере, которой истинные христиане измеряют все посулы антихриста, находя их неприемлемыми. Поэтому они и не двигаются со своих мест и на призывы антихриста не отзываются; напротив, они сплачиваются и готовятся к борьбе, ибо знают, что противостояние искушениям антихриста есть его разоблачение, за которым последуют кровавые гонения.

Но что есть эта мера? На чем и чем держатся эти люди, оставшиеся внизу и, как замечает сам император, «покинутые большинством своих братьев и вождей, осужденные народным чувством»? Этот вопрос возникает не только у нас. Его поднимает и сам антихрист, спрашивая сидящих внизу: «Что всего дороже для вас в христианстве?»

На этот вопрос от имени всех оставшихся внизу христиан отвечает ему старец епископ православных Иоанн: **«Всего дороже для нас в христианстве сам Христос»**. И этот ответ предназначается не только императору легенды Соловьева. Это ответ, который во все века дается всем земным властителям, которые пытаются обойти основу Христианства, которые предлагают все что угодно, но обходят молчанием Христа. Христос есть та мера, которой измеряются земные посулы и дары царей. Те три небольшие группы в легенде Соловьева остаются внизу потому, что они там, на той стороне, где находятся сторонники восстановления прав и привилегий папы, музей христианской археологии, институт свободного исследования Священного Писания, не чувствуют присутствия Христа. Они не взбираются на эстраду императора, ибо ступени к

этому возвышению они не считают ступенями к Царству Христову. Они не усаживаются у трона императора, потому что этот престол для них не означает престола Христа. Они не отвергают подарков властителя как не отвергают и его самого. Старец Иоанн ясно замечает: «Но и от тебя, государь, мы готовы принять всякое благо, если только в щедрой руке твоей опознаем святую руку Христову». Но они должны **видеть** эту руку. Они должны чувствовать, что земные властители говорят и действуют не от своего имени, а именем Того, Который есть Царь царей и властвующих Властелин. И если эти земные властители такие, если в их словах и делах мы видим Христа, тогда они символизируют Царя Христа, тогда они Его предтечи, подготавливающие Его славное пришествие, которое утвердит вечное и вселенское Царство истины, любви и святости.

Поэтому верные Христу христиане требуют, чтобы был подан знак, который подтвердил бы христоцентрическую направленность земных правителей, подтвердил бы соединенность их власти и могущества с источником этой власти и могущества. Устами старца епископа Иоанна они требуют публично исповедовать Иисуса Христа, воплотившегося, родившегося, страдавшего, умершего, воскресшего и вновь грядущего. Если будет подан знак исповедования, он будет свидетельством чистой совести властителей и их незапятнанной жертвы религии. Тогда их дары будут приняты с любовью. Тогда те оставшиеся внизу небольшие группы поднимутся со своих скамей и взойдут на ступени, ибо будут уверены, что они вступили на ступени, ведущие в Царство Христово. Но если земные

властители не подадут такого знака, если всенародно не исповедуют Христа, тогда христиане не поднимутся со своих скамей, ибо поймут, что за всей земной помощью религии скрывается антихристов дух. Тогда они отвергнут эту помощь и скорее примут гнев земных царей, нежели, приняв дары их, отринут Христа.

Антихрист Соловьева не прислушался к требованиям старца Иоанна и не исповедал Христа. Таким образом он разоблачил себя как противника Христа, как представителя дьявола и исполнителя его воли. Старец Иоанн заявил об этом публично, а папа Петр предал императора анафеме, дабы тот не вводил в заблуждение людей. С антихриста была сорвана религиозная маска.

Христос — меч, который разделяет души. Христос — мера, позволяющая понять, кто от Бога, а кто — нет. «Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога» (1-е Иоанна, 4, 2). Иначе говоря, **кто признает и исповедует богочеловеческую полноту Христа, есть от Бога; и напротив, кто не признает и не исповедует Христа как Бога и Человека, тот — антихрист.** Такой человек может верить в Бога и Мессию, как верит антихрист Соловьева и множество его представителей в мире; он может предоставлять религии значительные права и еще более значительную помощь; он даже может объявить себя попечителем Церкви и ее руководителем; однако непризнание Христа перемещает его в ряды сторонников зверя, и все его труды служат только прикрытием его борьбы с Агнцем. Исключить из Христианства

Христа означает исключить из него его онтологическое содержание, превратив его в чисто моральные нормы отношений с беспредельным Высшим Бытием. Всякий антихрист охотно признает нравственные ценности Христианства. Более того, всякий антихрист считает Христианство **самой ценной** религией, ибо эта религия способствует поддержанию нравственности человечества, улучшению социальных отношений, осуществлению мира и демократии, повышению культуры. Однако ни один антихрист не признает **онтологической** основы Христианства, которая есть Иисус Христос. Ни один антихрист не исповедует сверхприродного содержания Христианства.

Эта и есть тот показатель, который раскрывает, что действительно кроется под так называемыми земными правами, дарами, привилегиями и устремлениями антихриста. Это сверхприродное содержание, эта онтологическая основа и есть та мера, которой должны измеряться все земные посулы и дела самих христиан. Не теоретическое признание Бога или добра есть знак Агнца, не правовая или материальная помощь религии суть проявления Духа Божьего, но сам Христос: Его признание и исповедание, утверждение сверхприродного характера Христианства, почитание Его божественной миссии. Чтобы раскрыть подлинное лицо земных целей и дел, их надо мерить самим Христом. **В отношении к Христу раскрывается дух не только отдельной личности, но и целого периода истории.** Поэтому мы и спрашиваем сейчас: как переживает Христа антихристов дух? Каковы его отношения с богочеловеческой Его полнотой? Ответ на эти вопросы

позволит точнее оценить земную жизнь и вместе с тем глубже понять наш век.

Исторического существования Христа антихристов дух сегодня не отрицает. Поднятая Ренаном ⁴ и Штраусом ⁵ буря завершилась полным поражением: историческая личность Христа не только не была разрушена, но стала еще более отчетливой, она словно прояснилась, как проясняется небо после длительного дождя. Глубокая прозорливость Соловьева вполне смогла охарактеризовать антихриста как антихриста, у которого «не было первоначально вражды и к Иисусу. Он признавал Его мессианское значение и достоинства». Соловьеву было присуще глубокое предчувствие того, что отрицание исторического существования Христа недолговечно и что оно не оставит глубоких следов в человечестве. Поэтому он своего антихриста сделал верующим в Христа как в историческую личность и даже как в посланника Божьего. Таким образом Соловьев хотел отметить, что отрицание историчности Христа, свойственное его времени, не может удовлетворить людей незаурядного ума; что это отрицание наивно, не заслуживает внимания и даже безвредно. Его антихрист, человек незаурядных способностей и всестороннего образования, не мог включиться в ряды последователей Ренана или Штрауса. Он должен был до конца оставаться вполне определившейся личностью — даже в своей установке по отношению к Христу. И Соловьев не ошибся. Полвека прошло, и историчность Христа была признана всеми. Поэтому сегодня отрицается другое, а именно: сегодня Христос отрицается как Первый и Последний.

Разъяснение того, что под этим подразумевается, содержится в последующей характеристике антихриста. Антихрист, как уже отмечалось, признавал Христа. Он не считал Его легендой, но считал реальным историческим человеком. «Он искренне видел в нем лишь своего величайшего предшественника, — нравственный подвиг Христа и Его абсолютная единственность были непонятны для этого омраченного самолюбием ума. Он рассуждал так: "Христос пришел раньше меня: я являюсь вторым; но ведь то, что в порядке времени является после, то по существу первое. Я прихожу последним, в конце истории именно потому, что я совершенный, окончательный спаситель. Тот Христос — мой предтеча. Его призвание было — предварить и подготовить мое явление"». Иначе говоря, **антихристов дух, даже и признавая историчность Христа, пытается увидеть в нем всего лишь своего предтечу.** И здесь излишен вопрос, **чьим** предтечей считается Христос. Антихрист Соловьева считал Его **своим** предтечей; и так как он был человеком большого ума и высокой нравственности, то благодаря именно этим свойствам он убедил себя в том, что является «единственным в своем роде сыном Божиим». Наш век все больше склоняется к тому, чтобы считать Христа предтечей **нравственного порядка**, предтечей, который заложил основы современной нравственности человечества, социального устройства, демократии и даже мира в мире. То, что человечество усвоило за две тысячи лет, все, что развило, усовершенствовало, все это было начато Христом. Христос — предтеча современного развития.

Поэтому сегодня многие охотно обращаются к Евангелию и ищут в нем всевозможных подсказок, которые в наше время указали бы человечеству путь. Многие говорят о том, что в основах европейской культуры, а через нее и в основах культур других материков, кроется дух греков, римлян и дух Христа. Греки дали Европе философию, римляне — право, Христос — нравственность и религию. И эта слаженная троица в ходе веков развилась в современную удивительную культуру. Христос — составная часть нашей культуры. Он — ее предтеча: правда, не единственный, но один из главных. Эта мысль о Христе как о предтече сегодня все больше овладевает сознанием. Сегодня почти все, исключая коммунистов, признают, что Христос был предтечей и нравственных, и общественных, и национальных, и даже международных отношений. Он указал, что человек должен «быть» для человека. Провозглашенные французской революцией «свобода, равенство, братство» были всего лишь действительным выражением и законченной формулировкой любви к ближнему. Сегодня закон любви к ближнему вписан во все конституции. Начатая Христом борьба за человека осуществлена. В этом отношении Соловьев был действительно прозорливо дальновиден, ибо отношение своего антихриста к Христу обосновал **идеей предтечи**. Дух антихриста перешел от Христа-легенды к Христу как к предтече. Установка антихриста Соловьева по отношению к Христу стала установкой нашего века.

Однако в чем же заключается сущность идеи предтечи? Почему эта идея так охотно принимается и про-

возглашается даже властителями мира? Неужели мир уже действительно понял, что Христос есть Первый, как говорит о Нем Откровение (ср.: Откр., 22, 12)? Так думать означало бы быть оболещенным антихристовым камуфляжем, под которым кроется один из способов отрицания Христа. **Идея предтечи есть отрицание Христа как Последнего и тем самым как Бога.** Кто такой предтеча и какова его роль, объясняет нам св. Иоанн Креститель, определяя свои отношения с Христом: «Идет за мной Сильнейший меня» (Марк, 1, 7), «Ему должно расти, а мне умяляться» (Иоанн, 3, 30). В этих словах как раз и заключается сущность всякого предтечи. **Предтеча — глашатай будущей действительности и ее знамение, но сам он не есть эта действительность.** Он ее сам не творит. Он только провозглашает, что она будет сотворена другим, Сильнейшим, нежели он. Он подготавливает для нее путь, но сам по этому пути не идет. Он символизирует ее, но **реально** в себе он ее не имеет. Он крестит только водой, следовательно, началом, которое очищает, но само не остается. **Задача предтечи исчезнуть, растворившись в им провозглашаемой и грядущей за ним действительности.**

Когда Христос, приняв крещение Иоанна, начал свою посланническую миссию, люди тут же отвернулись от Иоанна и пошли за Ним. И опечалились ученики Иоанна, видя конец деяний своего учителя и не понимая роли предтечи. Они пришли к Иоанну и сказали: «Равви! Тот, Который был с тобой при Иордане и о котором ты свидетельствовал, вот, Он крестит, и все идут к Нему» (Иоанн, 3, 26). Тогда Иоанн ответил,

что это вызывает в нем не печаль, но радость, ибо он видит, что его предназначение осуществлено. Он был послан Богом прежде Христа, чтобы проложить Ему путь. Если люди идут к Иисусу из Назарета, это означает, что путь к Нему уже проложен и что миссия Иоанна завершена. Как друг жениха радуется счастьем жениха, так и предтеча радуется успеху пришедшего после него. «Сия-то радость моя исполнилась», — сказал Иоанн своим ученикам, прибавив: «Ему должно расти, а мне умяляться» (Иоанн, 3, 29-30). Необходимо, чтобы предтеча исчез, растворился в им самим провозглашенном и указанном будущем. В этом его смысл и завершение его деятельности. Предтеча никогда не самостоятелен. Он живет жизнью будущей действительности и сияет ее светом.

Именно такое переживание содержится в понимании Христа как предтечи. Если Христос — предтеча нашей культуры, тогда Он погружен в нее и растворен в ней. Что с того, что Он был ее глашатаем, но сам Он ее не сотворил? Он был только ее знамением и символом. Он провозглашал приход нового века. Однако сам Он не был этим новым веком. Сам Он не ввел ни христианской нравственности, ни демократического строя, ни социальных отношений, основанных на любви. Поэтому и свет свой Он получает не от себя, но с высот современной культуры. Христос как предтеча может быть понят и оценен только в связи со всем процессом истории. Исторический процесс перегнал Христа: он вырос, а Христос умялился. В связи с современной культурой мы вспоминаем Христа так же, как и св. Иоанна Крестителя в связи с Христом. Таким

образом Христос превращается в одну только клетку нашего исторического развития.

Поэтому антихрист Соловьева справедливо полагает, что если Христос предтеча, то смысл Его заключается в подготовительной работе. Он не завершает исторического процесса, он его только опровергает. **Завершение никогда не содержится в руках предтечи.** Для завершения истории появляются другие движущие силы, более могущественные, нежели предтеча. Антихрист Соловьева таким завершителем считает себя. Благодаря ему современный мир поддерживает развитие культуры, которая все больше обостряет нравственное сознание человечества, все чаще поднимает вопросы единства и мира, все властнее направляет землю к вселенскому согласию. В любом случае завершение мира не в руках Христа. Христос был всего лишь предтечей. Развивающаяся история перегнала Его и оставила далеко позади — за две тысячи лет, как оставила она и римское право, и медицину Гиппократова, и арабскую математику, и стратегию Ганнибала. Правда, идеи всех этих предтеч живут и сегодня. Но сегодня они уже включены в высшую действительность, в высшую совокупность, которая есть плод всего исторического развития, а не предтеч. Идеи Христа сегодня тоже живы. Но и они уже включены в высшие единства, в более могущественные действительности, нежели та, которую Он сам провозглашал и, возможно, в которую даже верил. Если Христос — предтеча современной истории, то эта история как раз и была тем сильнейшим, более могущественным, нежели Он, началом, которое должно было прийти. Поэтому история возростала, а Христос умался.

Такие выводы **обязательно** последуют, если Христа считать предтечей. Они возникают потому, что в понимании Христа как предтечи Христос исключается как **Последний**, как конец всего, как Омега (ср.: Откр., 22, 13). Христос — не предтеча, но Первый и Последний, начало и конец. Он не глашатай и не предзнаменование новой действительности, но — **сама эта действительность**, ее начало, ее развитие и конец. Его подвиг распространяется в истории. Он и сам это провозглашал, сравнивая свое Царство с горчичным зерном, «которое, хотя меньше всех семян», но «становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его» (Матф., 13, 22). Однако это распространение происходит не по закону исторического развития, но могуществом самого Христа через Дух Святой. Как зерно, посеянное в землю, растет и живет жизнью не земли, а своей собственной, так и Церковь Христова. Земля дает зерну лишь вещества, лишь условия для действия внутренней силы зерна. Так и история в соотношении с Церковью. История — только сцена, на которой происходит драма Христа. Мир — только почва Церкви. Она может быть плодородной и каменистой. Семя Христа может упасть на утрамбованную дорогу, на места каменистые, «в терние», а может упасть и на «добрую землю» (ср.: Матф., 13, 4-8). Но в любом случае это семя падает **сверху**. В любом случае это семя — продукт не дороги, не скалы, не шиповника и не удобренной почвы. В каждом случае в нем содержится **все** будущее дерево. Семя не является предтечей дерева. Оно есть **само** дерево: его начало и его конец. Тот, кто его поливает и удоб-

ряет, не выше его. Он не является той будущей действительностью, для которой семя только глашатай и возбудитель. **Семя** есть действительность, **вся** действительность, более высокая, нежели вода, которой оно поливается, и более высокая, нежели удобрения, которые питают ее.

Христос не сравнил свое Царство с Римской империей, начало которой было положено Ромулом ⁶, воздвигнувшим город, который в ходе веков развился в огромное и сложное государство. Он сравнил свой подвиг с горчичным зерном, с закваской, то есть с такими началами, которые развиваются благодаря своей собственной внутренней силе. Это закон **природного** развития. Произведения культуры не растут подобно семени, ибо каждое из них завершено в себе. Произведения культуры развиваются постоянным их воссозданием заново. Созданные раньше служат образцом, который в процессе культуры преступается и сохраняется как историческая редкость. **В процессе культуры нет онтологического тождества.** Оно есть только в природе и в сверхприроде. Поэтому и Царство Христа возрастает не как культура, то есть оно не воссоздается постоянно заново в процессе истории, но возрастает естественно, как семя при постоянном воздействии той самой внутренней силы. Царство Христово неотделимо от Христа, как отделима от Ромула Римская империя, как отделима она и от Цезаря ⁷, и от Августа ⁸, и от Юлиана ⁹, которые развивали ее, заботились о ее процветании и защищали ее. **Царство Христово есть сам Христос.** Оно достигает зрелости не под солнцем мировой истории, но в жаре Святого Духа. Его не

продолжают ни Петр, ни Павел, ни Тит ¹⁰, ни Григорий, или Пий ¹¹, но **сам Христос**. Правда, папы и епископы являются представителями Христа на земле. Однако они — **представители**, а не новые деятели; они сознательные и добровольные инструменты, но не самостоятельные творцы. Вся религия Христа наполнена присутствием Его самого: наполнена в своей иерархии, в своих таинствах и в своем учении. Христос учит, Христос правит, Христос посвящает.

Именно в этом и заключается главное отличие Церкви от всякого творения человека, в котором нет и не может быть личного присутствия автора. Всякое творение выражает его творца только символически, в образе знака. Произведение культуры всего лишь обозначает творца, но оно не является самим творцом. Между тем **Церковь есть действительность Христа**. Церковь — не символ Христа, или фигура, не внешняя форма, как, скажем, арка Ноя — форма Крещения. **Церковь есть экзистенция Христа в истории**. Поэтому никто не может развивать эту экзистенцию без Него Самого. Никто не может быть выше ее, никто не может ее вобрать и погрузить в себя. Сам Христос начинает Церковь, ведет ее и завершает. Он — не предтеча ее, но Он Сам есть Церковь, сама церковная историческая действительность, сам Космос, соединенный с Богом и искупляющий. Между Христом и Церковью нет различия, как нет различия между жизнью семени и жизнью дерева. Христос есть **Церковь**, сосредоточенная в личной действительности, а Церковь есть Христос, раскрывшийся в исторической действительности.

Таким образом, считать Христа предтечей означает включить Церковь в исторический процесс, воспринимать ее распространение не как распространение Духа Святого, но как некий результат деятельности земных веков. Это означает поставить ее на уровень всех других творений человека, иначе говоря, придать ей чисто человеческий культурный характер. Вот в каком смысле идея предтечи опровергает божественность Христа. **Быть предтечей — сущностное призвание человека.** Бог никогда не предтеча. Бог есть всегда весь сразу. Под мыслью о предтече кроется исключение Божества. Тот, кто считает Христа предтечей, отрицает Его как Бога. Христос как предтеча есть Христос только как человек: гениальный человек, человек великого сердца, глубокой прозорливости, прекрасно знающий жизнь, но все-таки **только** человек. Он действительно существовал в истории, действительно претерпел от иудеев и умер. Однако на этом и закончилась вся Его личная деятельность. В истории Он живет всего лишь своим творением, как и все другие люди. А это Его творение, называемое Церковью, тоже человеческое, следовательно, подчиняющееся всем историческим законам и всем историческим условиям. Это творение развивается так же, как и всякое человеческое творение. История выше его. История преобразовывает его, дополняет, исправляет, совершенствует и приспособливает.

И вдруг здесь нам становится понятным, почему идея предтечи так охотно принимается в современном мире и почему она сегодня так охотно провозглашается. Мир, как это кажется, поворачивается к Христу,

к Нему обращаются даже те, которые не считают себя христианами. Но они поворачиваются **к Христу — человеку**. Они поворачиваются к Церкви как к культурному порождению исторического развития. Они видят в ней только естественное средоточие здоровых возможностей человека. Божественность Христа и надприродность Церкви в их сознании утрачены. Ни один из мировых властителей, говоривших в последнее время о Христианстве, не исповедует Христа — Бога, воплотившегося, страдавшего, умершего, воскресшего и вновь грядущего. Ни один из них не признает Церковь божественной институцией, самим Христом. Но самое удивительное, что мы посчитали бы **бестактностью** требование такого исповедания. Мы посчитали бы выскочкой того, кто, скажем, на конференции по правам человека потребовал бы — по примеру старца епископа Иоанна — исповедать носителя и основу этих прав — **Иисуса Христа**, поскольку эти права формулируются словами Евангелия. Поступив так, мы действительно доказали бы, что лишены критерия оценки земных усилий, даров, возможностей, что у нас нет меры для различения душ и мы не чувствуем, как раздробляется Христос и как разрушается Его богочеловеческая полнота. Сегодня разделение Христа идеей предтечи осуществляется исключительно строго. Отрицание Его божественности становится очень явным. Вовлечение Его самого и Его подвига в область человеческой культуры неоспоримо. И все же мы часто этим восхищаемся и радуемся, что мир теперь так много и так часто говорит о Христе. Антихристов дух пользуется этой омраченностью нашего взора. Он

постоянно говорит о Христианстве, о его ценности и значении для нравственности, общества, для демократии, науки, искусства, но он говорит, обходя молчанием самого Христа или провозглашая Его предтечей, но отнюдь не как Первого и Последнего, не как Альфу и Омегу. Поэтому по существу, все его речи — это речи дракона, и **идея предтечи — это современная антихристова идея**. Соловьев прекрасно понимал глубинную сущность этой идеи, поэтому и внес ее в общую установку антихриста по отношению к Христу.

3. ОТРИЦАНИЕ ВОСКРЕСЕНИЯ

С утверждением Христа как предтечи сущностно связано отрицание Его воскресения. Антихрист Соловьева, до конца развив мысль, что он есть последний и потому стоящий выше Христа, а Христос всего лишь его предтеча, все же не мог полностью успокоиться на этой мысли и полностью в ней утвердиться. Логическое рассуждение, что «то, что в порядке времени является после, то по существу первое», его не удовлетворило. Его все еще мучило сомнение: «А если?.. А вдруг не я, а тот галилеянин... Вдруг он не предтеча мой, а настоящий, первый и последний». Однако в каком же случае Христос может быть началом и концом, Альфой и Омегой? Только в том, если Он **жив**, если смерть Его на кресте была не окончательной, но только временной, если она была преодолена; иначе говоря,

если Христос воскрес. Об умершем и не воскресшем Христе можно говорить только как о предтече, который был и прошел, но **личной экзистенции** которого в настоящем нет. Он живет в исторической памяти, в писаниях, в им провозглашенной религии, но только символически, не реально, а как всякий другой творец в своем творении. **Невоскрешение опровергает личную экзистенцию Христа в Церкви и исключает Его из исторической действительности.** И наоборот, если Христос преодолел смерть, если Он воскрес, то тогда Он живет во веки веков: тогда Он живет в своей религии не символически, но своей личностью; тогда Его деятельность в истории не воспоминание, но постоянное настоящее. Воскрешение есть знак, дающий возможность понять, кто есть Христос: только ли прошедший предтеча или всегда сущий Первый и Последний.

Потому антихрист Соловьева и сомневается — а вдруг Христос есть нечто большее, нежели только предтеча, и делает весьма логический вывод: «Но ведь тогда он должен быть жив». И вдруг здесь ему становится понятным, как окончательно устранить это сомнение. Антихрист вскричал в своей ненависти: «Нет Его в живых, нет и не будет. Не воскрес, не воскрес, не воскрес! Сгнил, сгнил в гробнице, сгнил, как последняя...». Сгнивший Христос, вне сомнения, может только символически называться началом и концом. Включенный в судьбу ничтожнейшей твари и не преодолев этой судьбы, Он может быть только **глашатаем** всеобщего спасения, но не самим Спасителем. В этом случае всякий пришедший после Христа обоснованно

может думать о себе, что, может, и он является этим наивысшим и последним. Отрицание действительности воскресения есть самое серьезное отрицание божественности Христа и вытеснение Его в ряды предтеч. Вот почему антихрист Соловьева и хватается за это последнее и очень удачное средство. Этим он нисколько не опровергает своей веры в то, что Христос — Мессия. Ведь Мессия — это не кто другой, как посланник Бога. Так почему Христос не может быть таким посланником Господа? Ведь Бог посылал в мир не одного пророка и не одного святого. Почему Христос не может быть одним из этого длинного ряда посланников Божиих? Однако быть одним из посланников Бога — это одно, и совершенно другое быть самим Богом. Антихрист Соловьева не отрицает, что Христос есть Мессия; он только отрицает, что этот Мессия есть вместе и Сын Божий. А то, что он не является Сыном Божиим, удостоверяется тем, что Он не воскрес, что сгнил в могиле, как все пророки и святые. Вера в то, что Христос есть Мессия, в сущности, то же самое, что и восприятие Его предтечей. Поэтому эта вера в антихристовом сознании прекрасно сочетается со строгим отрицанием Христа через отрицание Его воскресения. Поэтому антихрист и не боится верить в Мессию, не отказываясь при этом ни от своего себялюбия, ни от своих стремлений возвыситься над Христом. Ведь всякого Мессию можно перегнать. В любое время Бог может послать другого, более могущественного, нежели предшествующий. Нельзя перегнать только того, Который есть всегда, Который есть Первый и Последний, Который есть Бог.

Следовательно, не вера в Христа — Мессию отличительная черта христианского сознания, но **вера в воскресение Христа**. И наоборот, отрицание воскресения Христа есть неоспоримый знак антихристового духа. Если мыслить религиозно, вековечный враг Бога прекрасно знает, что Христос воскрес. Но этого он никогда не признает и не провозгласит миру. Он может признавать историчность Христа, Его мессианство, Его беспредельное влияние на мировую историю, но он никогда не признает Его воскресения. Антихрист может принять участие в нашем Рождестве и стоять подле яслей; он может петь вместе с нами «Восплачьте, ангель» в Великую Пятницу; однако он никогда не примет участия в Пасхальной процессии и никогда не возрадуется с нами при звуках «Радостного дня». Признать воскресшего Христа — означает признать Его тем Единственным, Который есть и Который должен прийти; это значит восславить Его и перед Ним преклониться. Это может сделать даже самый грешный христианин. Но этого не может сделать «незапятнанной нравственности» антихрист. Идея воскресения — меч, разделяющий души.

Характерно, что, внимательно вглядываясь в происходящее вокруг нас, мы замечаем, как эта идея в наши дни угасает. В сущности, сегодня повторяется та же самая сцена, которая происходила в греческом ареопаге две тысячи лет тому назад. Придя в Афины, св. апостол Павел вступил на городской площади в спор с эпикурейцами и стойками. Одни считали его лишь болтуном, однако другие пожелали, чтобы он изложил свое учение уважаемым гражданам Афин.

Поэтому «взявши его, привели в ареопаг и говорили: можем ли мы знать, что это за новое учение, проповедуемое тобой?» (Деян., 1, 19). Заметив жертвенник, на котором было написано «неведомому Богу», он сказал, что Бог «не в рукотворенных храмах живет и не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду» (Деян., 17, 24-25). Человек ничего не может дать Богу, напротив, Бог сам дает «всему жизнь и дыхание и все» (там же). Он создал род человеческий; Он определил ход истории; Он зажег в человеке страстное желание искать Его. Он объемлет все: «Ибо Им живем и движемся и существуем» (Деян., 17, 8). Таким образом, человек божественен: «Мы Его и род» (там же). Но, «будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого» (Деян., 17, 29).

Где же здесь новое учение, вызвавшее интерес греков? Действительно, до этого времени святой Павел не провозгласил им ничего сущностно нового, чего бы они раньше не знали. То, что Бог есть творец мира, учил уже Платон. То, что Господь не живет «в рукотворенных храмах», провозгласил еще Сократ, указывая на внутренний характер божества, а также и Аристотель, перенеся Бога в недоступные потусторонние сферы. То, что Бог перенасыщает наше бытие, — старая мысль, которая привела восточных мыслителей даже к пантеизму. То, что мы род Божий, — мысль греческих поэтов: это признавал и сам Павел (ср.: Деян. 17, 28). Таким образом, Павлом выдвинутые идеи Бога Творца, Его трансцендентности, Его при-

сутствия во всем, подобность человека Богу были грекам в большей или меньшей степени известны. В этих идеях еще не было той Благой Вести, которой преданно служил Павел и провозгласить которую он и прибыл в Афины, за что позже сложил голову.

Но именно потому, что он, в сущности, не провозгласил ничего нового, греки охотно его слушали. В повседневной жизни они привыкли видеть божество в виде статуй в храмах, они привыкли отделять его от своей жизни, разделять человека и Бога. Поэтому им было интересно еще раз послушать то, о чем раньше говорили им самые великие их мудрецы. Павел казался им одним из длинного ряда философов, благодаря которым Греция стала бессмертной в мировой истории. Эти философы как раз и пытались найти высшую связь человека с Богом, дать более духовную концепцию Бога. В речах Павла звучала давняя древнегреческая мудрость. Теология Павла была им интересна, ибо она стала воспоминанием тоски по прошлому. Поэтому они его и слушали.

Но вот наконец Павел подходит к самой Вести. Все то, о чем он до сих пор говорил грекам, было лишь введением и подготовкой. Еще в споре на городской площади он упомянул об этой Вести, «потому что он благовествовал им Иисуса и воскресение» (Деян., 17, 18). Когда его привели в ареопаг, он, изложив свои взгляды на Бога, подошел к самому существу своего учения. Он предложил всем покаяться, ибо настает время «в которое (Господь) будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых» (Деян., 17, 31).

В этих словах греки вдруг услышали то, что было для них **совершенно новым**. Они услышали, что Бог назначил Мужа судить мир и что этот Муж умер и воскрес. **Воскресение для греков и было той великой, никогда еще не слыханной Вестью**. Но именно эту Весть они и не смогли вынести. «Услышавши о воскресении мертвых, одни насмеялись, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время» (Деян., 17, 32). Речь Павла оборвалась. Ничего не добившись, «Павел вышел из среды их» (Деян., 17, 33). Отвлеченные мысли о Боге для греков были привычны, но умерший и воскресший Иисус им казался нелепостью.

Эта сцена как раз и отражает всю современную установку по отношению к воскресению. Современный мир охотно выслушивает наши абстрактные рассуждения о Боге и о Его Провидении, о необходимости одухотворить понятие Бога и не связывать Его с преходящими земными формами, о нашей внутренней связи с Божеством, о божественном начале, живущем в человеке... Но как только речь заходит о том, что эта связь, неразрывная и неопровержимая, есть в Иисусе Христе; что божественное начало нигде и ни в чем так не пронизывает человека, как в Иисусе Христе; что не кто другой, но Иисус Христос являет нам Бога; более того, как только слышится утверждение, что Иисус из Назарета есть истинный Бог и истинный человек, что Он воплотился, родился, умер, воскрес и снова придет, но на этот раз, чтобы судить мир; когда все это кто-нибудь из нас начинает провозглашать, современный мир начинает либо издеваться, либо вежливо замечает, что в настоящее время у него нет времени

выслушивать такие сами по себе интересные вещи... Идея воскресения в современном сознании не играет никакой значительной роли.

Поразительно то, что даже среди христиан эта идея стирается и блекнет. Современные христиане не живут страстной верой в идею воскресения, как это было в прежние века. Для них несколько странно звучит утверждение святого Павла: «Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша» (1-е Кор., 15, 14). Им представляется, что это изречение несколько жестковато. Они склонны думать, что Христианство можно было бы спасти и в том случае, если бы Христос сгнил. Между тем для ранних христиан эта истина — воскресение — была самой основой их религии. Они совершенно ясно чувствовали, что действительность воскресения открывает новый период истории, что Воскресное утро есть начало новой жизни.

Воскресение Христа сделало Его не только всегда современным, но вместе придало новый смысл всему нашему земному пути. До Христа смерть была окончательной. Правда, и прежний человек предчувствовал, что восстановление плоти в конце времен возможно. Однако это его предчувствие не имело под собой основы. Оно было лишено гарантии того, что это действительно произойдет. Воскресение Христа как раз и предоставило человечеству эту гарантию. Христос не только провозглашал, что мертвые воскреснут, но сам воскрес. Таким образом Он подтвердил и сделал нерушимым свое обетование. Смерть после Христа — не окончательная, но только временная, только преходящая.

Это изменение характера смерти изменило вместе и весь смысл истории. Человеческую жизнь во всей ее совокупности должна была постичь гибель. Это совершенно определенно провозгласил Христос в своем пророчестве о конце мира. И все же эта гибель в свете воскресения превратилась в очищающее средство, а не в гибель в прямом смысле этого слова. Разрушение мира перед лицом воскресения утратило тень тяжелой безнадежности, которая неотступно преследовала древнего человека. Это нашло яркое отражение в греческой философии и поэзии, насыщенной со времен Гомера глубокой печалью из-за сокрытого тенью потустороннего существования. Даже Иов, не имевший никакого понятия о воскресении, тяжело вздыхает по поводу того, что в скором времени должен отправляться «в страну тьмы и сени смертной. В страну мрака, каков есть мрак тени смертной, где нет устройства, где темно, как самая тьма» (Иов, 10, 21-22). Это отчаяние древних в глубинном смысле как раз и является отсутствием идеи воскресения. Св. Павел справедливо заметил, что без воскресения «мы несчастнее всех людей» (1-й Кор., 15, 19). Никакой подвиг и никакая жертва не имеют глубокого смысла, «если мертвые совсем не воскресают» (1-й Кор., 15, 29). Поэтому «станем есть и пить, ибо завтра умрем» (1-й Кор., 15, 32). Поэтому и конец мира только вселенское завершение бессмысленной жизни. И тогда призыв «станем есть и пить» отвечает всему историческому процессу. **Перед лицом окончательной смерти история становится чисто посясторонней.** Взгляд человека направлен на эту землю, но не находя в ней смысла и видя конец всего, он омрачается

и выражает болезненную безнадежность. Древнее отчаяние отражается в глазах всякого не верующего в воскресение человека. Поэтому совершенно понятно, почему первые христиане так крепко держались за истину воскресения Христа. В ней они видели вселенское спасение от бессмысленности. Они чувствовали, что воскресение сущностно связано с бессмертием человека. Если человек бессмертен, он воскреснет; если он не воскреснет, он не бессмертен; а если он не бессмертен, тогда все его существование — чудовищная бессмыслица. Воскресение Христа было залогом воскресения всех и тем самым основой веры человека в бессмертие. Поэтому первые христиане были отмечены знаком радости. Земная жизнь для них не была отчаянием и безнадежностью, но только подготовкой к будущему вселенскому обновлению. Эта жизнь имела смысл, ибо она была соединена с вечностью.

Поэтому всякий раз, когда в истории ослабевает вера в воскресение, оживает древнее отчаяние, ибо вместе с этой верой исчезает и смысл земного существования. Оглянувшись на современный мир, мы должны признать, что отчаяние — характернейшая черта современного человека. А вспомнив, что этот человек, как тот грек из ареопага, не желает ничего слышать о воскресении, мы поймем происхождение и сущность этой особенности. Абстрактное признание Бога и Мессии не спасает современного человека, как не спасло оно и древнего. Бессмысленность все больше сжирает его сердце. Жизнь все больше становится сюрсторонней. Земля превращается в единственную и последнюю родину. Поэтому вокруг нее и сосредото-

точиваются все усилия человека. Христианство тоже подключается к служению земле. И от Христианства начинают ожидать счастья уже в этой действительности: воспитания человека и общества, упорядочения социальных отношений, осуществления демократии, появления многодетных семей, совершенного здоровья, успеха в своем ремесле и т. д. Сверхприродность Христианства или забывается, или замалчивается. Идея воскресения считается почти нелепостью, о которой никто не осмеливается говорить публично. Именно тогда и появляется антихрист со своей концепцией Христа как предтечи и подсовывает ее человеку, который весь обращен к земле. Тот принимает ее, распространяет, повсюду о ней говорит, а наивные христиане радуются тому, что настает время расцвета Христианства. **Омрачение идеи воскресения — победа антихриста как в сознании отдельного человека, так и в сознании исторических периодов.** И напротив, отчетливость, яркая обозначенность идеи воскресения, глубокая вера в воскресение Христа, сосредоточенность собственных переживаний на этой вере есть знак крепости Христианства, несмотря даже на насмешки и нежелание многих слушать об этом. Провозглашенная в ареопаге Весть об «Иисусе и воскресении» есть Весть на все времена и для всех народов. И этой Вестью жива наша вера.

Установка антихриста по отношению к Христу — Богу, как видим, строго отрицательна. Этот дух всевозможными способами и средствами пытается расчлнить Иисуса и стереть Его как образ Божий из сознания человечества. Божественность Христа просто

нестерпима ни для одного антихриста. Поэтому всевозможные нападки на Богочеловека в ходе веков повторяются, они разнообразны и проявляются в различных идеях. Вначале они проявляются в мягких научных сомнениях, а заканчиваются жестокой ненавистью и кровавыми гонениями. Эти нападки продолжаются во все времена мировой истории, и так будет до самого конца истории, ибо только в конце времен антихрист будет пойман на лжи и изгнан, дабы больше не вводил людей в заблуждение. Сегодня эти нападки умело скрываются. Иногда даже кажется, что борьба против Христа прекратилась. Антихрист пытается уверить всех, что она прекращена, ибо добиться успеха легче всего тогда, когда нападение не воспринимается как нападение. Однако мы видели, что восприятие Христа предтечей и непризнание Его воскресения — это идеи, в существо которых кроется отрицание божественности Христа в самой насторожайшей форме. Но сегодня эти идеи скрываются. Сегодня антихрист пытается сосредоточить внимание мира на Христе — **человеке**, чтобы таким образом скрыть Христа — **Бога**. Он не скупится на похвалы и восславление Христа — человека, Христа — Мессии, Христа — предтечи. Он, как и антихрист Соловьева, признает Его посланническую миссию и Его ценность, но только для того, чтобы опровергнуть Его как Единственного, как Первого и Последнего, как истинного Бога истории. **Сегодня усилия антихриста идут в направлении секуляризации истории, исключая Христа из ее процесса и делая Его всего лишь объектом истории, но не ее началом, центром и завершением.** Древняя

судьба, более высокая, нежели человек и Бог, начинает все ярче вырисовываться в переживаниях современности. Нечто темное и мрачное стоит за всеми нашими историческими событиями. Упоминаемое Соловьевым «дурное предчувствие» становится весьма ощутимым. Тютчевский прилив действительно уносит нас в свою темную бесконечность¹². Поэтому христианское бдение сегодня становится не только аскетическим, но и **историческим** требованием. Мы живем в сочельник истории.

4. КОНФИРМАЦИЯ¹³ ДЬЯВОЛА

Возможно, самым удивительным из всех свойств антихриста является его своеобразное призвание. Еще св. Иоанн обратил наше внимание на двойственный характер антихристового духа, сказав: «Теперь появилось много антихристов... Они вышли от нас, но не были наши» (1-е Иоанна, 2, 18-19). Этими словами св. Иоанн напоминает нам о молитве Христа на пути в Гефсиманский сад, в которой Он молит Отца своего за апостолов, которые в мире, но не от мира (ср.: Иоанн, 17). Апостолы как представители Христа остаются в мире, принимая на себя все его тяготы так же, как и Христос их принял. Они действуют в мире уча, руководя, посвящая, страдая и умирая, ибо и Христос так поступал. Однако по своему апостольскому призванию и силе своей они не от мира. Апостолов

Христу дал небесный Отец Его (ср.: Иоанн, 17, 9). Поэтому и молится Христос: «Отче Святой! соблюди их во имя Твое: тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы» (Иоанн, 17, 11). Этим Христос хочет сказать, что апостольская Миссия была дана свыше; что она есть благо, что она исходит не от природы человека, что она не является общественной обязанностью, но дается Отцом Небесным. Правда, это благо и дар должны быть использованы в мире; они должны быть продолжением посланнической миссии Христа. Но по своему происхождению и по своей сущности они не от мира сего. Двойственность апостольского характера — деяния в мире и сила не от мира — составляет характернейшее свойство их личности и жизни.

Такой же двойственный характер свойствен и апостолам антихриста: «Они вышли от нас, но не были наши» (1-е Иоанна, 2, 19). Здесь речь идет не о пространственном выходе от нас, здесь св. Иоанн указывает на источник антихристового духа. Антихристы не покидают общества Христа. Они не уходят из него. Напротив, они в нем существуют и действуют. Христово Царство на земле — это поле деятельности антихристов. Они происходят из него и в нем трудятся, ведя свою разрушительную работу. Но по своему призванию они не от него. Они призваны не Христом, но Его противником. Как есть апостолы в мире, но не от мира, так и антихристы есть в Царстве Христовом, но не от Царства Христова. Но и те и другие призваны. И те и другие действуют в среде, противной их сущности: мир противен апостольскому духу, Царство Христово противно антихристову духу. И те и другие

обладают силой, происходящей не от той среды, в которую они поставлены. Противоположность и происхождения и миссий ярко выражена и в представителях Христа, и в сторонниках антихриста.

В более глубоком смысле антихристов дух — это своеобразное священническое служение дьяволу. Антихристы, действующие в виноградниках Христа, не просто оступившиеся людишки или слабые грешники. Они — помазанники дьявола: его посланники и апостолы, получившие его дух и укрепленные его дарами. Дьявол и в этом, как и во всем другом, подражает Христу, поэтому он отбирает для себя священнослужителей, вдохновляет и посылает их сеять в почву Христову плевелы (ср.: Матф., 13, 25). Эту священническую черту антихриста Соловьев отображает в одном из эпизодов своей повести, который несет в себе глубокий смысл. Когда его антихриста вдруг осеняет мысль, что Христос все же, возможно, и не предтеча, но Первый и Последний, что Он может быть живым и поэтому действовать в истории через века, в нем вспыхивает глубокая ненависть к Христу и в то же время величайшее отчаяние, которое ведет его в темной ночи к отвесному обрыву, с которого он бросается в пропасть, желая покончить жизнь самоубийством. «Но что-то упругое, как водяной столб, удержало его в воздухе, он почувствовал сотрясение, как от электрического удара, и какая-то сила отбросила его назад. На миг он потерял сознание и очнулся стоящим на коленях в нескольких шагах от обрыва. Перед ним обрисовывалась какая-то светящаяся фосфорическим туманным сиянием фигура, и из нее два глаза

нестерпимым и острым блеском пронизывали его душу... Видит он эти два пронзительных глаза и слышит не то внутри себя, не то снаружи какой-то странный голос, глухой, точно сдавленный... И этот голос говорит ему: "Сын мой возлюбленный, в тебе все мое благоволение. Затем ты не взыскал меня? Зачем почитал того, дурного и отца его? Я бог и отец твой. А тот нищий, распятый — мне и тебе чужой. У меня нет другого сына, кроме тебя. Ты единственный, единокровный, равный со мной. Я люблю тебя и ничего от тебя не требую. Я ничего от тебя не требую, и я помогу тебе... Прими дух мой. Как прежде мой дух родил тебя в **красоте**, так теперь он рождает тебя в **силе**".

Эта демоническая формула таинства преобразила антихриста. «... И он почувствовал, как острая ледяная струя вошла в него и наполнила все существо его. И с тем вместе он почувствовал небывалую силу, бодрость, легкость и восторг». Разве эта сцена не напоминает снисхождение Духа Святого на апостолов? Вполне может быть, что Соловьев сознательно сделал ее такой. И это сходство имеет глубокий смысл. Оно раскрывает перед нами истинную силу антихриста, не человеческую, но дьявольскую. Оно нам указывает на то, что **в борьбе Христа и антихриста человек всегда только участник**. Человек в этой борьбе никогда не бывает самостоятельным борцом. Он никогда в этой борьбе не пользуется собственной силой. Если он решает встать на сторону антихриста, он получает дьявольский дух. Таинство конфирмации всегда накладывает на него отпечаток, придает ему новое свойство, которым до этого он не обладал; оно придает ему силу и смелость,

которых он до этого не ощущал в себе; оно вызывает в нем радость от своей миссии, которая до этого была для него не ясна. Человека может коснуться или язык пламени Троицына дня, или холодное фосфорическое пламя. И это преобразит все его существо. Тогда он становится носителем нового начета, его глашатаем. Он становится апостолом либо Христа, либо антихриста.

В этом призвании и в этом укреплении, в этом дьявольском священстве как раз и кроется источник ответственности антихриста. Мы часто удивляемся тому, что сторонники антихриста нередко выказывают больше отваги, готовности к жертве, нежели воины Христа. И мы спрашиваем: неужели, служа злу, человек может быть таким деятельным? Сам по себе, вне сомнения, не может. Но отмеченный в своем духе фосфорическим светом и знаком дьявола, он возрождается **в силе** и начинает действовать прямо-таки сверхъестественно. Вложенная Соловьевым в уста дьявола формула таинства имеет важнейший смысл. Антихрист действительно сын дьявола. Его зачатие, как вскоре увидим, тоже демоническое. Но, посылая антихриста в мир, дьявол породил его **в красоте**. Соловьев подчеркивает, что его антихрист «будучи исключительной гениальности, красоты и благородства», был «выбран почти единогласно в пожизненные президенты Европейских Соединенных Штатов», явившись «во всем блеске своей сверхчеловеческой юной красоты и силы». Давая эту характеристику Соловьев указывает на то, что красота — это та одежда, в которую дьявол облачает своих сторонников и их дела, дабы привлечь к себе членов Царства Христова.

Красота в своей глубинной сущности есть проявление Бога. Находя выражение в творчестве Бога или человека, она раскрывает внутреннее совершенство бытия. И в то же время она является указанием на будущее преобразование мира и на особенности воскресшей благословенной плоти. Однако в любом случае красота есть ценность вещи. Красота, как сияние совершенства бытия, проявляется в формах, доступных нашим ощущениям и тем самым может содержаться только в вещи. Только вещь — конкретная, материальная вещь — может быть красивой. Поэтому красота никогда не является ценностью личности, ибо личность не доступна ощущениям. Ценность личности не красота, но святость. Человеческая личность не измеряется и не может быть измерена красотой. Поэтому дьявол, родив антихриста в красоте, именно ею хочет прикрыть отсутствие святости. Он хочет обратить глаза людей на эту блестящую предметную форму, на эту молодую силу и благородную осанку, чтобы таким образом настоящая цена личности, отмеченной такими предметными свойствами, стала бы недоступна взгляду. Красота в руках дьявола служит для сокрытия отсутствия святости. Дьявольские твари могут быть очень красивы, но они никогда не могут быть святыми.

Здесь антихрист как раз и выявляет свою необычайно глубокую противоположность Христу, противоположность незамечаемую и недооцененную. Евангелия нигде не упоминают о том, что Христос красив. О красоте Христа они не говорят. Это не означает, что Христос был безобразен. Но это упоминание в Еван-

гелиях указывает, что Христос, приняв на себя судьбу человека до ее пограничных ситуаций — страдания и смерти, ничем не отличался строением своего тела от обычного среднего уровня, и поэтому Его плотское начало никому особенно не бросалось в глаза. Он предстал перед человеком не как красавец, но как Агнец Божий, как полнота святости. Он привлек к себе не глаз человека — «pulchrum est quod visum placet», как глубокомысленно замечает св. Фома Аквинский ", но его сердце и душу. Правда, однажды Христос действительно сделался красивым. Тогда «просияло лице Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет» (Матф., 17, 2). Это произошло на Фаворской горе во время Преображения. Но Он запретил апостолам рассказывать об этом своем кратком преобразении, «доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых» (Матф., 17, 9). Преображение Христа было отблеском того вселенского очищения, когда всякий предмет станет красивым. Но постоянной эта красота, даже и в самом Христе, могла стать только после воскресения, только после вселенского преобразования, только в другой сверхприродной действительности. Земля, не прошедшая через страдание и смерть, не может вынести форм совершенной красоты. Поэтому дьявол, возводя красоту на самую вершину ценностей и ею отмечая своих избранников, пытается опровергнуть необходимость вселенского преобразования и свой Фавор воздвигнуть в нашей действительности. Антихрист — красавец. Он стоит перед человеком как нечто изумляющее, как произведение искусства; следовательно, как предметная, но не как личностная

ценность, ибо реально своей личности он не имеет. Он — творение дьявола, изваянное в человеческой природе.

Но красота не действительна. Красота сама по себе — для восхищения. Она — покой в себе; она — гармоничное сочетание частей; она отделяет от себя всякую борьбу. Красота — знак совершенного и потому совершенного в себе бытия. Тварь, отмеченная этим знаком, не действительна, не отважна и не жертвует собой. Поэтому рождение антихриста в красоте не является достаточным для общества зверя. Антихрист является в мир не для того, чтобы вызвать восхищение людей, но для того, чтобы разделить их с Христом и отдать в рабство дьяволу. Для того чтобы выполнить эту задачу, необходимы действительность, отвага и самопожертвование. Этого красота не может дать человеку. Поэтому наряду с красотой дьявол наделяет своих избранников **силой**. Однажды родив их в красоте, он возрождает их еще и в силе. И это возрождение делает антихриста настоящим священнослужителем дьявола. Вначале антихрист Соловьева наслаждался своими «сверхчеловеческими добродетелями и дарованиями», в прекрасном настроении он ожидал «какого-нибудь ясного призыва Божия», этого он ожидал три года. В своей красоте он не нашел достаточно силы, чтобы начать свою деятельность. Между тем возрожденный в силе, получив укрепляющий дух дьявола, он сразу же начинает действовать, а позднее и бороться. На следующий день после ночного таинства обретения силы все «были изумлены его особенным, каким-то вдохновенным видом. Но они были бы еще больше

изумлены, если бы могли видеть, с какой сверхъестественной быстротой и легкостью писал он, запершись в своем кабинете, свое знаменитое сочинение под названием: "Открытый путь к вселенскому миру и благоденствию"».

Это произведение как раз и было началом его антихристовой деятельности. И этот человек больше не успокоился. Он действовал и боролся до тех пор, пока его не поглотила земля. О его деятельности мы будем говорить позже. Здесь хочется указать только ее источник, который кроется в перерождении антихриста через демоническую силу. Рожденный в красоте, антихрист привлекает людей, удивляет и ослепляет их, дабы они не увидели подлинной его личности. Перерожденный в силу, он начинает людей принуждать. Насилие становится одним из основных способов его господства. Красотой он восхищает людей, силой он их подчиняет. Вначале они шли за ним, очарованные его обаянием, позже они идут за ним влекомые страхом. Молнией убив папу Петра и старца епископа Иоанна, антихрист торжественно провозглашает, что «так от руки отца моего погибнут все враги мои». И князья церкви, дрожа от страха, вскричали, соглашаясь: «Pereant! Pereant!» — «Да погибнут! Да погибнут!» В этом их возгласе как раз и был слышен стон поработенной, дрожащей от страха твари. Это был крик рабов. Это был крик человека, запутавшегося в антихристовых замыслах и не находящего пути назад, ибо путь этот для него был закрыт смертью. А умереть эта тварь боится. Поэтому она дрожит и кричит, соглашаясь с антихристом. Она благо-

словляет смерть другого только потому, чтобы самой не умереть. Христос умер, чтобы мы были живы. И не один из Его соратников умер в ходе истории за других. Это самая высокая любовь, ибо «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоанн, 15, 13). Между тем люди, поработанные антихристом, вопят «Pereant!», надеясь таким образом выкупить себе жизнь. Себялюбие завело их настолько далеко, что на смерти другого они строят свое существование. Но это всего лишь логический результат себялюбивой направленности жизни и всего пути антихриста. **Антихрист завладевает человеком не любовью, но силой, вселяя в него страх смерти.**

Соловьев считает антихриста религиозным захватчиком, ибо тот захватывает место Христа в сердцах и жизни людей, он подчиняет себе людей не любовью, не духовными делами, не святостью, но **насилием**. Характерно, что такого же мнения придерживается и Достоевский. Иван Карамазов после своего продолжительного кошмара, во время которого ему представлялось, что он беседует с чертом, разрешает своему брату Алеше навестить его и рассказывает ему о своем переживании. Рассказывая, он восклицает: «Но он не сатана, это он лжет. Он самозванец... Он ужасно глуп, но он этим **берет**». **Он — захватчик**. Здесь Иван имеет в виду только самого себя: черт захватил его мысли и его чувства, он говорит так же, как и Иван, высказывает мысли и переживания самого Ивана. Дьявол, как и его сторонники, действительно захватчик. Такой он во всей истории. Антихрист никогда не несет

в мир новую действительность, как это сделал Христос. Он только захватывает эту земную действительность силой и насилием, а потом ее же, ту же самую, предлагает людям, требуя за это преклонения и признания себя их вождем. Что нового совершил антихрист Соловьева, возвратив пап в Рим? Папы жили в Риме веками. Но за это восстановление **прежней** действительности антихрист потребовал сесть в тени своего трона. **Не давать ничего нового, но поступать так, словно жизнь сущностно изменена, — истинный знак антихриста.** Антихрист — ничуть не творец. Он всего лишь подражатель. Поэтому он всегда приспосабливается к тому, что уже есть. Он захватывает пространства Царства Христова и объявляет их своими. Землю он не преображает, но провозглашает, что создает на ней рай. Человека он не воскрешает, но объявляет, что гарантирует ему вечность. Ближнего он не любит, но провозглашает, что создает общество единой мысли и единого сердца. **Казаться, вместо того чтобы быть, — одно из глубочайших свойств антихристового захватчика.** Возрождение в силе как раз и дает сторонникам антихриста энергию и желание фальсифицировать действительность, вместо бытия предлагать небытие. **Сила антихристового — это могущество, разрушающее действительность.** Антихристово упрочение в силе есть пробуждение разрушительной силы в человеке. Если при Христовом таинстве конфирмации на человека снисходит животворящий Дух — Spiritus Creator, то после дьявольского укрепления в силе человеком овладевает разрушительный дух, дух отрицания и смерти.

5. ПРОИЗОШЕДШИЙ ОТ БЛУДА

Просто поразительно, что антихрист происходит от нас, как это утверждает св. Иоанн: «Они вышли от нас» (1-е Иоанна, 2, 19). Разве Царство Христово не есть царство любви, творчества и святости? Разве в нем господствует насилие? Разве в нем человек возрождается через силу? Разве в нем красота является ценностью человека? Так как же из него могут выходить антихристы? Как оно может взрастить предателей? И все-таки так оно и есть. Слова Откровения неопровержимы: **антихристы вышли от нас**. Это утверждает не только св. Иоанн. Это утверждает и Соловьев своей повестью. Его антихрист произошел от верующих спиритуалистов, которых в то время было уже немного. Человечество в последнем столетии уже отпало от Бога. «Большинство мыслящих людей были неверующими». Но антихрист как раз принадлежал к меньшинству. Он, как говорилось, верил в добро, Бога и Мессию. Следовательно, он не пришел со стороны, из атеистического большинства, из общества неверующих. Он вышел от нас. Он был взят на служение дьяволу из христианского общества.

В образе помощника антихриста Аполлония Соловьев еще более отчетливо показывает происхождение антихристового духа из самого Царства Христова. Священное Писание рассказывает, что зверь, этот символ дьявола, имеющий «власть над всяким коленом и народом» (Откр., 13, 7), в конце концов был пойман, а вместе с ним и «лжепророк», производящий чудеса

перед ним, которыми он обольстил принявших «начертание зверя» (Откр., 19, 20). Основываясь на этом рассказе Священного Писания, Соловьев своему антихристу тоже дает лжепророка Аполлония. Аполлоний был «человек несомненно гениальный, полуазиат и полуввропеец». В своих знаниях он сочетал «обладание последними выводами и техническими приложениями западной науки с знанием и умением пользоваться всем тем, что есть действительно солидного и значительно в традиционной мистике Востока. Результаты такого сочетания будут поразительны. Аполлоний достиг, между прочим, до полунатурного, полумагического искусства притягивать и направлять по своей воле атмосферическое электричество». Таким образом, этот человек пришел с Востока в Рим «к великому императору, поклониться ему как истинному сыну Божию... и предложить ему на службу себя и все свое искусство». Император, разумеется, охотно примет его «как дар свыше и, украсив его пышными титулами, не будет уже больше с ним разлучаться». При помощи своей волшебной технической силы Аполлоний совершал перед людьми разнообразные чудеса, и во дворце императора происходило то, что некогда в старину и в средневековье происходило во дворцах властителей.

Шутовскую роль Аполлония мы рассмотрим несколько позже, сейчас нас интересуют не столько его способности, не столько его деятельность на службе императора, сколько его прежняя роль в Царстве Христовом. Соловьев говорит, что прежде Аполлоний был «католический епископ *in partibus infidelium*», то есть он был католическим епископом в языческих странах.

Зная, что Соловьев не только всем своим сердцем, но и формально был католиком, трудно допустить мысль, что, рисуя образ Аполлония, он хотел хоть как-то задеть католическую Церковь, как это сделал Достоевский образом своего инквизитора-кардинала. Связь лжепророка с Царством Христовым здесь имеет более глубокий смысл. Делая Аполлония католическим епископом, Соловьев хотел выразить тот постоянный трагизм общества Агнца, который не исчезает со времен Иуды и который исчезнет только тогда, когда будет пойман последний лжепророк. Помощники антихриста всегда выходят от нас и уходят на службу зверю. Они выходят не из окраин Царства Христова, они не из числа не определившихся и еще сомневающихся его членов, но — **из самого центра**, из среды самих его руководителей. Разве первый предатель Христа не был Им же самым избранным апостолом? Разве не апостолом был тот, кто первым отрекся от Него перед людьми во дворе Каиафы? Правда, Петр искренне раскаялся. Он искупил вину своим последующим усердием и мученической смертью. Но сколько в истории предавших Христа, сколько отрекшихся от Него апостолов, которые о раскаянии и не помышляют! Сколько таких отрекшихся от Христа и утвердившихся в своем отречении! На примере Аполлония — католического епископа — Соловьев заставляет нас задуматься.

Эта же мысль кроется и в изображенной Соловьевым сцене отлучения антихриста от Церкви. Убив старца епископа Иоанна, римский император начал диктовать своим секретарям акт соединения церквей, по которому он должен быть признан «верховным вождем

и владыкой». Тогда вдруг поднялся папа Петр и «извергнул» антихриста, носящего маску римского императора, как «гносного пса, из ограды Божией» — из Церкви, трижды произнеся «анафема». Это отлучение указывает также и на то, что антихрист Соловьева был членом Церкви; что он пришел не со стороны, но вышел из христианского общества; он в нем находился, пока, наконец, не раскрыл свое подлинное лицо и не был изгнан из него. И в Откровении, и у Соловьева прослеживается одна и та же мысль: антихристов дух и его носители и выразители вышли от нас самих. Царство Христово не только поле их деятельности, но и их **родина**; они нам не чужие, но близкие — наши братья. Чем же объяснить это происхождение антихриста? Где кроется подлинный источник антихристового духа? Св. Иоанн замечает, что хотя антихристы вышли от нас, «но они не были наши» (1-е Иоанна, 2, 19), следовательно, в них нет духа Христа. Тогда, какой же дух членов Царства Божьего их порождает?

В решении этого важного вопроса многое проясняет замечание самого Соловьева о **происхождении антихриста от блуда**. Когда этого красавца избирали в президенты Европейских Соединенных Штатов, вспомнили и о его происхождении, которое «было покрыто глубоким мраком неизвестности. Мать его, особа снисходительного поведения, была отлично известна обоим земным полушариям, но слишком много разных лиц имели одинаковый повод считаться его отцами». Вне сомнения, это обстоятельство на выборы никак не повлияло, особенно в этом столетии: «эти обстоятельства, конечно, не могли иметь никакого значения

для века столь передового, что ему даже пришлось быть последним». Этим своим замечанием Соловьев, безусловно, хотел подчеркнуть противоположность Христа и антихриста. Христос рожден от непорочной Девы Марии действием Духа Святого, и потому ни один мужчина не может считать себя Его Отцом. Антихрист рожден блудницей и отца своего не знал, однако не потому, что его не было, но потому, что **слишком много** мужчин могли претендовать на честь быть отцом антихриста. Смысл этого сопоставления кроется не в поверхностном различии или сходстве, но значительно глубже, нежели только — «рождение без отца». **В греховном происхождении антихриста кроется подлинный источник его духа.** Антихристы вышли от нас — из Царства Христа. Но вынашивает их блудливое чрево. Поэтому они и не наши. Их происхождение не равнозначно происхождению сторонников Христа.

Блуд в существе своем есть ложь: ложь не словом, но плотью, а через нее и всей личностью. Это ложь в превосходной степени и в своем подлинном проявлении, ибо во всяком другом грехе участвует только наш дух, а в блуде участвует еще и плоть, следовательно, вся наша личность. Поэтому ложь особенно ощутимо проявляется и осуществляется именно в блуде. Плотские отношения между мужчиной и женщиной есть не что другое, как **знак любви**. Отдача своей плоти другому означает только завершение того, что уже совершилось, когда, любя, мы отдали свою душу другому. Любовь, будучи **общим благом** — *communicatio bonorum*, совершенно естественно ведет к обобщению не только имущества, не только пространства, не только

времени, не только внутренних переживаний и настроений, не только веры и молитвы, но и плоти, в которой содержится наш внутренний мир и через которую мы обращаемся словом к своему ближнему. Отдавая свое тело другому, мы отдаем ему последнее свое имущество, которое труднее всего сделать общим и которое дольше всего противится этому. Но любовь преодолевает закрытость плоти, взяв ее на служение себе. Над плотскими отношениями всегда витает дух любви. И только она высвобождает эти отношения от кабалы демонизма, который скрывается в глубинах страсти, от порабощенности духу разрушения и уничтожения.

Между тем блуд это отрицает. Он делает наше тело не выражением любви и ее завершением, но он превращает его в инструмент страсти. И все же **объективный** смысл плотских отношений здесь не исчезает. И даже самый большой развратник не может сделать так, чтобы соединение мужчины и женщины **не было** бы символом любви. Поэтому и он своим отношением **объективно** подает такой знак. И он символизирует любовь отдачей своего тела. Однако в действительности у него нет того, что он выражает и символизирует. Блудник не имеет любви и о ней даже не помышляет. Поэтому он подает знак любви без любви. Этот знак имеет только объективный смысл, но он не наполнен содержанием любящей его личности, поэтому этот знак становится пустым; более того, он становится **обманчивым, лживым**, ибо он не соответствует внутренней склонности развратника. Плотские отношения есть выражение любви, а развратник ими выражает только

свою страсть. Вот почему блуд есть ложь. В нем нет соответствия между объективным знаком и субъективным желанием. Если мы посмотрим на это объективно, то увидим, что развратник всего себя отдает другому потому, что он любит другого. Между тем в действительности он только пользуется телом другого как инструментом для собственного удовлетворения. **Вместо любви в блуде проявляется себялюбие.** Между объективным смыслом плотских отношений и субъективными устремлениями развратника возникает глубокая пропасть. Всякое действие развратника становится глубоко ложным. Блуд есть ложь, выраженная и совершенная нашим телом, а через него — и во всей человеческой полноте, ибо человек неделим.

Поэтому Соловьев, указывая на происхождение антихриста от блуда, тем самым выявляет самый глубокий источник антихристового духа, а именно — **дух лжи.** Рожденный блудницей, антихрист рожден ложью. Уже само его зачатие было связано не с истиной, но — с ложью. Его отец и мать были лжецами. Они лгали своими телами и собой, лгали друг другу, лгали любви, лгали объективному смыслу, и от этой совокупности лжи как раз и зачался антихрист. **Дух лжи есть источник антихристовой жизни.** Именно здесь мы находим ответ, как происходит то, что антихристы выходят из Царства Христова.

Царство Христово на земле не есть царство святых. Оно таким станет только после вселенского преображения. Однако, пока оно осуществляется на этой неочищенной земле, оно только почва, в которую неприятель сеет между пшеницей плевелы (Матф., 3,

25), только невод, который захватывает «рыб разного рода» (Матф., 13, 47). Дух истины живет в нем рядом с духом лжи, добро рядом со злом, святость рядом с демонизмом. И так будет до жатвы, когда прежде будут собраны плевелы, связаны и сожжены (ср.: Матф., 13, 30). Так будет до тех пор, пока Великий Рыбак не сядет на берегу и не соберет хороших рыб в сосуды, а худых не выбросит вон (ср.: Матф., 13, 48). Однако было бы ошибкой думать, что в Царстве Христовом плевелы растут **рядом** с пшеницей и худые рыбы плавают **рядом** с хорошими в **пространственном** смысле. Всякий человек есть вместе и пшеница, и плевелы, и хорошая, и худая рыба. Всякий человек соткан из добра и зла, из святости и греховности. Эта двойственность, о которой писал св. Павел и на которую сам жаловался (ср.: Римл., 7, 15—25), свойственна каждому из нас. Во всех нас есть начала, которые могут сделать нас и апостолами Христа, и лжепророками зверя. Поэтому и тот дух лжи, из которого рождается всякий антихрист, не отделен от духа истины. Дух истины перемешан с духом лжи, и часто дух лжи скрывается под покровом духа истины, приняв его лик. Иногда даже самый острый взгляд не отличит рогов Агнца от рогов зверя, ибо они растут в глубинных наших переживаниях и ощущениях. **В каждом из нас скрывается антихрист**, и напрасен труд упорно собирающих плевелы. Для такого труда необходима преобразованная до основания человеческая природа. Вот почему Христос и не позволил апостолам братья за этот труд отделения, ибо этот труд принадлежал только Ему самому. Только Он сам, преодолевая зверя,

очистит существо человека от начала зла и таким образом окончательно высвободит его из-под угрозы склониться на сторону зверя. Но до тех пор пока природа наша не очищена, плевелы растут в нас, они грозят заглушить пшеницу и увести нас в лагерь зверя. **Антихристова угроза, возникающая в нас самих, является постоянной опасностью и для нашей личной судьбы, и для самого Царства Христова на земле.** Антихрист приходит не со стороны и не с высот; он возникает в сердце отдельного человека и в структуре всего общества от количественного преимущества плевел, а не пшеницы.

И все же здесь дух лжи имеет особенное значение. Не потому, что он присутствует везде и всюду, но потому, что он извергается из самого существа человека и преображает его до основания. Дух лжи, укоренившись в человеке, неизбежно превращает того в антихриста. Ведь что есть ложь в своем существе? Она есть противоречие истине. Но что такое есть истина? Говорят, что истина есть соответствие мысли и слова. Совершенно справедливо. Но этим истина не исчерпывается, ибо она значительно шире. Соответствие между словом и мыслью еще только **моральная** правда, которая не исчерпывает глубин истины и не раскрывает ее конечной сущности. Ведь сама мысль может быть ошибочной. Человек, выражая ошибочную мысль своим словом, говорит моральную правду, однако **логически** он лжет. Поэтому и мысль тоже должна быть измерена какой-то высшей мерой. Что же такое эта мера — высшая мера, которая выше мысли? Говорят, вещь. Также совершенно справедливо. Мысль есть

только тогда, когда она соответствует вещи. Однако и этим истина еще не исчерпывается. Соответствие между мыслью и вещью еще только логическая правда, которая тоже не исчерпывает глубин истины, ибо ведь и сама вещь может быть ложной. В нашей жизни и деятельности так много ложных вещей, так много вещей, которые мы принимаем за настоящие, хотя в действительности они только подделки, что вещь не может быть для нас окончательной и неоспоримой мерой истины. Вещь тоже должна быть измерена чем-то более высоким, нежели она сама. Она тоже должна соответствовать некой высшей норме, которая раскрыла бы ее внутреннюю подлинность или ложность. **Такой высшей мерой вещи является ее божественный первообраз, по которому она была создана.** Только тогда, когда вещь соответствует своему первообразу, когда этот первообраз она выражает своей действительностью, только тогда она истинна. И тогда мы уже имеем онтологическую истину, которой исчерпывается объем истины и которая окончательно выражает его сущность.

Объем истины включает в себя и слово, и мысль, и вещь, и первообраз вещи. Каждая более высокая ступень здесь является мерой для более низкой: мысль для слова, вещь для мысли, первообраз для вещи. Подлинную, глубинную истину мы имеем только тогда, когда наше слово соответствует первообразу вещи, когда этот первообраз мы выражаем своими словами и своим бытием. Иначе говоря, когда наше слово, наша мысль и наше бытие измеряются божественным первообразом и когда между ними возникает соответствие,

тогда мы и имеем подлинную и окончательную истину. Поэтому **истина в глубинном своем смысле есть сам Бог**. Сам Бог есть подлинная и высочайшая мера истинности.

Именно здесь перед нами и раскрываются глубины лжи. Ложь не только опровержение мысли словом: это всего лишь моральная ложь, имеющая ничтожное значение в существовании человека. Ложь также не является только опровержением вещи мыслью: это логическая ложь, ложь более значительная, ибо скрывает в себе отрицание действительности. **В окончательном смысле ложь есть отрицание божественного первообраза своим бытием**. Это уже онтологическая ложь, самая опасная, ибо в ней кроется отрицание Бога. Когда мы лжем своим бытием, мы отвергаем свой божественный первообраз и таким образом отвергаем самого Бога, ибо сам Бог есть наш Оригинал. В таком случае мы отделяем свое бытие от его Творца, не позволяем его измерять Богом и потому увековечиваем его в его фактичности. Заблудшее, поврежденное и безнравственное бытие становится последним пристанищем, за которым уже нет ничего более высокого. Его фактичность поднимается на самую вершину, которую и сам лжец не переступает, и другому не разрешает переступить. В этом смысле **ложь и есть отрицание Бога**. Для кого факт является высшей нормой и мерой, для того Бога нет. Поэтому всякий настоящий лжец вместе еще и безбожник — не в смысле теоретического атеизма, но экзистенциального отвержения Бога. Теоретически он может и не отрицать Бога. Умом он может Его признавать и верить в Него. Однако,

оставаясь в фактичности своей действительности, лжец отвергает Бога своим бытием и потому опровергает Его значительно глубже, чем это мог бы сделать какой-нибудь атеист-теоретик. Отвержение Бога своим бытием — самая настоящая и самая глубокая ложь. Это ложь не словом и даже не мыслью, но самим бытием. Ложь — это обезбоженность в самом глубоком смысле этого слова. Вот почему Христос назвал дьявола лжецом и отцом лжи (ср.: Иоанн, 8, 44), ибо тот своим бытием как раз и опровергает Бога, хотя верит в Него и дрожит.

Здесь как раз и скрыты глубочайшие корни того, почему дух лжи является подлинным родом антихриста. Ложь не является порождением страсти или слабости. Истина, как и ее отрицание — вещи чисто духовные. Кто лжет, тот — против истины, он ее отвергает. Если человеком завладевает дух лжи, он превращает человека не в обыкновенного грешника, который в любой момент может поддаться своей слабости или пороку, но в настоящего антихриста, ибо этот дух привязывает человека к фактичности этой действительности и не позволяет ему признать Бога, живущего над ней. Христос первым попадает под это отрицание, ибо Он **есть истина**, ибо через Него и в Нем все сотворено. Он есть наивысшая мера бытия и тем самым сама Истина. Поэтому дух лжи и восстает в первую очередь против Христа. Он приводит человека в ряды сторонников зверя и включает его в борьбу против всего, что божественно. Следовательно, этот дух в Царстве Христовом наиболее опасен, ибо он превращает сторонников Христа не в досмотрщиков, которые не

осмеливаются поднять глаза на алтарь, но в фарисеев, гордящихся своими добродетелями даже перед лицом Господа. Но между фарисеем и антихристом только внешнее различие. **Фарисей — это антихрист в маске.** Путь фарисея в общество зверя очень прямой. Нужны всего лишь условия, и всякий фарисей в Царстве Христовом превратится в антихриста. Надо только поставить фарисея между действительностью и Христом: он всегда выберет действительность и отвергнет Христа, как это он сделал две тысячи лет тому назад и как он это делает во все времена истории. Если в повести Соловьева большинство представителей всех трех конфессий поднимаются и усаживаются у трона антихриста, то только потому, что действительность для них — это все, потому что они лгали своим бытием, потому что они были поставлены перед выбором: права пап, археологический музей и институт Священного Писания, с одной стороны, и Христос — с другой. Права, музей и институт были для них действительностью и потому завершением бытия. Между тем Христос казался им только мечтой, мечтой прекрасной, привлекательной, но только мечтой, которую нельзя ставить выше действительности, тем более если эта последняя в большей или меньшей степени связана с угрозой для самой их жизни. Поэтому с криками «gratias agimus» они и уселись на скамьи подле антихриста. Подобное происходит постоянно и будет происходить до самого конца истории, ибо дух лжи кроется в каждом из нас — во всех, и мы все находимся под этой угрозой. Дух лжи искусил Иуду преклониться перед действительностью и выдать Христа в руки

иудеев. Дух лжи соблазнил Петра преклониться перед той же действительностью и публично отречься от Христа. Дух лжи вызвал в Церкви ересь, расколы, религиозные войны, преследования, ибо даже руководителей он поставил на колени перед действительностью, вместо того чтобы поставить на колени перед престолом Господа. Дух лжи привел и соловьевского Аполлония к трону антихриста и предложил его на службу зверю. Аполлоний был епископом, следовательно, преемником апостолов; но не тех апостолов, которые были верны своему Учителю, а тех, кто Его предал. **Аполлоний был наследником Иуды.** Поэтому он пришел к императору и, как когда-то его предшественник, сказал ему: «Что мне дашь, если я своими знаменьями и чудесами соблазню людей и отторгну их от твоего соперника — Христа?» Император дал ему пышный титул, власть канцлера, роскошь, и Аполлоний служил земному властелину. Вместо того чтобы служить Христу, он стал служить антихристу. Это происходит со всеми антихристами — всех веков и всех народов. Дух лжи — их источник и живитель их деятельности.

Однако любопытно остановиться и взглянуть, во что же превращаются творцы и руководители Царства Христова, которые в обличье лжепророков пошли на службу зверю. Пример соловьевского Аполлония и в этом случае весьма поучителен. Соловьев рассказывает, что в ведении Аполлония находилось увеселение людей. Веселье, наряду с единством и благом, было одним из начал антихристового царства. О всех этих началах речь пойдет несколько позже. Сейчас нам

важно только понять, какое место в человеческой экзистенции занял **автор** этих увеселений, предоставляющий «людям возможность постоянного наслаждения самыми разнообразными и неожиданными чудесами и знаменами». Даже и тогда, когда Аполлоний был избран папой, он никому не уступил этой своей обязанности. Напротив, именно тогда он вошел в эту роль полностью.

Для выражения радости по случаю того, что у них есть новый глава Церкви, у дворца императора собрались толпы. Император с новым папой вышел на балкон. «Он приветливо кланялся во все стороны, тогда как Аполлоний из подносимых ему кардиналами-дьяконами больших корзин непрерывно брал и бросал по воздуху загоравшиеся от прикосновения его рук великолешные римские свечи, ракеты и огненные фонтаны... Народное ликование перешло всякие пределы... празднества продолжались еще несколько дней, причем новый папа-чудотворец дошел до вещей столь диковинных и невероятных, что передать их было бы совершенно бесполезно». Но разве в этой обязанности увеселять людей не чувствуется глубокой насмешки? Католический епископ в языческих странах, следовательно, тот, кто шагает впереди всех в Царстве Христовом, отбрасывает в сторону Евангелие, возвращается, как и инквизитор Достоевского, назад, поступает на службу земного властителя, чтобы быть увеселителем толпы, используя для этого колдовство и чудодейство. Литургию Жертвы Христа, означающую божественный образ существования, он выменивает на дешевые фокусы с ракетами и бесконечным огнем.

Вселенское преображение могуществом Христа он надеется заменить волной внешнего восхищения. Поэтому, невзирая на восторг и крики толпы, автор этих увеселений становится шутом. В нем нет покоя существования. Правда, в глубинах своего существа Аполлоний скрывает подлинный трагизм, как скрывает его всякий шут. Однако этот трагизм в нем скрыт под маской величия. Он играет великого и могущественного, он сидит на своем собственном троне рядом с императором, он становится даже папой. Но за этим фальшивым величием мы видим достойного жалости шута, бросающего через балкон в кричащую толпу ракеты. И для него это не игра в минуту забвения. Это его обязанность в новой жизни, **единственная** обязанность, доверенная ему императором. Быть шутом — это его новое призвание в царстве зверя.

Подобная судьба постигла не только Аполлония. Она постигает всякого апостола Христа, превратившегося в лжепророка. Разве не шутство кроется во всех заявлениях отпавших от Христа, в которых они отрекаются от своего прежнего призвания? Разве не вызывает улыбки их рвение в делах, которыми они хотят задобрить своих новых властелинов? В истории Церкви отпавших от Христа было немало. Многие пошли по следам Аполлония. Однако очень немногие из них сохранили человеческое достоинство. Очень немногие сохранили неоскверненной трагедию своей души, которая увела их далеко от Христианства. Почти у всех эта трагедия превратилась в комедию, которую они играли в течение всей своей жизни. И это совершенно понятно. Антихрист выбирает своих служите-

лей не для того, чтобы их возвысить, но для того, чтобы через них осквернить божественный образ, чтобы через них унижить божественные ценности, чтобы превратить их в насмешку над Господом. Апостолам Христа было обещано сесть на двенадцати престолах и судить двенадцать колен Израилевых (ср.: Матф., 19, 28); иначе говоря, божественной мерой измерить историю земли. Антихрист своим апостолам тоже соорудил престол, «несколько ниже», нежели собственный. Однако этот престол — это престол шута, а не судьи. Задача апостолов антихриста увеселять толпу: насмешками над Христом, критикой в Его адрес, клеветой на Него, повторным отречением от Него, вовлечением Его в ряды смертных, искажением Его культа, унижением Его учения, надругательством над Его Церковью. То, что раньше для них было свято, теперь превратилось в объект насмешки. То, что раньше для них составляло бытие, теперь превращается лишь в злую игру. И они играют, они смешат толпы, не замечая, что таким образом в антихристовых поместьях они сами превращаются в шутов. Апостолу Христа, однажды поставленному на службу Господу, остается сделать выбор: или вести добрую борьбу, сохранить веру и, если это необходимо, даже принять смерть, или сделаться шутом в руках антихриста.

Отрицание таинств Крещения, Конфирмации и Священства есть вместе и отрицание того отпечатка, который эти таинства оставляют в душе человека. Но ведь отпечаток есть не что иное, как апостольский знак, как знак Агнца на бытии человека. Его отвергнуть означает отвергнуть не какую-нибудь дисциплинарную

установку, не какой-то нравственный закон, но — **онтологическое** свое состояние, возникающее из этих таинств и отличающее человека от всех, не имеющих этой печати. В этом отвержении кроется попытка вернуться в дохристианские времена, в существование человека до Искушения. Вне сомнения, эта попытка тщетна. Никто не может стереть этого онтологического отпечатка с души своей. А если кто-то пытается жить так, словно его не имеет, тогда он становится шутом, увеселителем толпы. Три названных таинства придают человеку черты священнослужителя, царя и пророка, ибо они дают ему право участвовать в вечном священстве Христа, Его царствовании и в Его пророчестве. Перейдя на службу антихриста, апостол Христа не утрачивает этих черт, но только делает их не подлинными: он становится лжесвященником, лжецарем, лжепророком. Его священнодействия утрачивают религиозное содержание; знаки царского отличия он носит без должного величия; он произносит пророческие слова, в которых не содержится истины. Божественная действительность с ее таинствами превращается для него в человеческую игру на сцене антихриста. Поэтому такой актер, несмотря на его внутренний трагизм, становится смешным. **Шутовство пронизывает само бытие всякого антихристового духа, ибо это свойство появляется от искажения сакраментальной действительности.**

Мы сделали попытку провести более подробное исследование тех основных свойств антихристового духа, которые раскрывает Соловьев в своей повести. Все они кроются в себялюбии, которое отвращает человека от

Бога, вызывает ненависть к Творцу и творению, ненависть, которая становится борьбой и уничтожением. В первую очередь эта борьба направлена против Христа, в Котором содержится богочеловеческая полнота и которую антихрист начинает разрушать, пытаясь расчленив Иисуса. Провозглашение Христа предтечей, который растворился в истории, умер, но не воскрес, — самое основное средство этой борьбы. Для того чтобы эта борьба с Христом была успешной, антихрист для исполнения своей миссии получает от дьявола своеобразное демоническое «таинство конфирмации», он возрождается в красоте и силе. Красота и сила становятся ширмой для прикрытия антихристовой деятельности, ибо дьявол, как вскоре увидим, действует не от своего образа и не от своего имени. Источник всех этих свойств — греховное происхождение антихриста, ибо он произошел от блуда, от того духа лжи, который ярче всего проявляется и воплощается в блуде. Дух лжи использует особый способ угрозы для членов Царства Христова — он пробуждает в них себялюбие и через него уводит их далеко от Церкви. Но путь, который уводит Христовых апостолов далеко от божественного призвания, всегда заканчивается обязанностями шута. «Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа и против помазанника Его», «Расторгнем узы их, и свергнем с себя оковы их», «Живущий на небесах посмеется, Господь поругается им» (Пс., 2, 2-4); «поругается», потому что эти их заговоры действительно сделались шутовскими. **Быть посмешищем — судьба всякого антихриста.**

III. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНТИХРИСТОВА ДУХА

1. МАСКИРОВКА КАК СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ

Себялюбие, как уже говорилось, сила, направленная на себя. Это сосредоточивание бытия вокруг своего Я. Это вселенское отрицание для утверждения себя. С другой стороны, об этом тоже уже говорилось, себялюбие — это основа всякого антихристового духа, а также самый главный и самый сущностный знак проявления антихриста. Это путь дьявола в историю человечества. Однако в свете этих утверждений возникает один важный вопрос: если себялюбие является самым значительным утверждением себя вплоть до отрицания всего бытия — Бога и мира, каким образом случается, что носители этого умонастроения все же идут на службу зверю, то есть начинают быть не сами для себя, но для другого? Ведь в антихристах всех времен очень силен дух жертвенности и отваги.

Самоотреченность, присущую антихристовым деятелям, отрицать трудно. Иногда их самопожертвование, как отмечалось выше, намного больше, нежели самопожертвование сторонников Христа. Иногда они готовы даже на смерть ради своего дела. Но если это так, то в чем же тогда их себялюбие? В чем заключается эта направленность их существования на себя? Разве не кажется, что и антихристы ведомы любовью, следовательно, силой, направленной на другого? Этот вопрос весьма серьезен. Однако его исследование как раз и поможет нам понять удивительный образ действия дьявола в истории; образ действия, в котором не только нет противопоставления себялюбию, ни антихристового самоотречения, ни антихристовой жертвенности и отваги, но все это с себялюбием сущностно увязано и проистекает из того же себялюбия. **Деятельность дьявола и его сторонников основывается только на себялюбии.** И в этом как раз и кроется великая тайна беззакония.

Посылая апостолов в мир, Христос велел им говорить и действовать именем Его самого или именем Его небесного Отца. Апостолы были посланниками Христа в подлинном смысле этого слова. Они были Им призваны и посланы. «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас» (Иоанн, 15, 16), — сказал Иисус на последней Вечере. Поэтому провозглашение Евангелия, руководство людьми и посвящение должны были осуществляться не именем апостолов, но именем Христа. Сам Христос должен действовать через апостолов, и это Его действие должно отчетливо провозглашаться и осознаваться. «Итак, идите, научите все народы,

крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Матф., 28, 19), ибо преобразующую благодать крещения низвести в человеческую природу может только имя Святой Троицы. Христос также ясно указал, что «проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах» (Лука, 24, 47). А те, кто примет Его учение и удостоится милости Его, «именем Моим будут изгонять бесов, будут говорить новыми языками; ... возложат руки на больных, и они будут здоровы» (Марк, 16, 17-18).

Апостолы хорошо поняли свою миссию и потому провозглашали не собственную мудрость, но то, что им возвестил Дух Святой; они творили чудеса именем воскресшего Иисуса; правили и судили по Евангельскому уставу. Высшая божественная действительность, явленная в личности Иисуса Христа, витала над ними как высшая мера всякой апостольской деятельности. Поэтому св. Павел и упрекнул членов общины Коринфа в недостаточном понимании своей миссии и в спорах между собой. «Я разумею то, что у вас говорят: "я Павлов"; "я Аполлосов"; "я Кифин"; "а я Христов"» (1-е Кор., 1, 12). В свете этих споров св. Павел подчеркивает: «Кто Павел? Кто Аполлос? Они только служители, чрез которых вы уверовали, и притом по сколько каждому дал Господь. Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог; посеми и насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий. Насаждающий же и поливающий суть одно; но каждый получит свою награду по своему труду. Ибо мы соработники у Бога» (1-е Кор., 3, 5-9). Истинный автор апостольских деяний есть сам Христос. Он учит,

Он правит, и Он посвящает. Церковь не независима от Христа. Она не есть самостоятельная действительность, но есть Сам Христос, раскрывающийся во времени и пространстве. Поэтому ее члены живут, действуют и умирают **во имя Христа**. Эта главная апостольская миссия распространяется во всей Церкви и становится одним из ее сущностных свойств. Возвещать в Церкви можно только во имя Христа и провозглашать можно только Его, умершего и воскресшего.

Совершенно другое происходит в обществе зверя. Правда, дьявол тоже посылает в мир своих ревнителей, укрепляя их, как мы видели, своим духом. **Но служители дьявола всегда действуют не во имя своего учителя, но во имя свое собственное.** Соловьев рассказывает, что дьявол, явившийся в ту роковую ночь его антихристу, говорил: «Я люблю тебя и ничего от тебя не требую. Ты и так прекрасен, велик, могуч. Делай твое дело во имя твое, не мое. У меня нет зависти к тебе. Я люблю тебя. Мне ничего не нужно от тебя. Тот, кого ты считал богом, требовал от своего сына послушания, и послушания беспредельного — до крестной смерти, и он не помог ему на кресте. Я ничего от тебя не требую, и я помогу тебе». В этих словах как раз и высказано совершенно противоположное отношение к посланничеству, противоречащее Христу — любой Его миссии. Апостолы Христа — это помощники Бога. Между тем дьявол становится помощником своих посланников. Апостолы Христа действуют во имя своего Учителя. Посланники дьявола действуют во имя свое собственное. Христос стоит над своими апостолами как высшая мера их слов и деяний,

как высшая реальность. Дьявол прячется за человеческой действительностью и самого человека делает единственной мерой его существования и деятельности.

Поэтому Соловьев сознательно замечает, что его антихрист, увидев пронизывающие глаза дьявола и услышав его голос, не мог понять, звучал ли этот голос в нем самом или извне. Он не мог ощутить, что он **действительно** стоит перед **другой** действительностью, отличной от него самого. Дьявол слился с его бытием, проник в его природу, спрятался в нем, потому и послал его идти и действовать во **имя** свое собственное. Но разве мы не чувствуем глубокого противоречия, которое кроется в этой демонической миссии? Кто же этот посланник, делающий дело во имя свое? Если он посланник, апостол, священнослужитель, тогда он должен действовать не во имя свое, но во имя того, кто его посылает, призывает, посвящает. Но если он действует во имя свое собственное, он не является посланником. Быть посланником и все же действовать во имя свое означает совмещать, согласовывать две несовместимые, одна другую опровергающие вещи. Но дьявол их совмещает. Он посылает своих посланников в мир, укрепляет их, вдыхая в них свой дух; он возрождает их в силе и все-таки не позволяет им действовать во имя его самого, накладывая на них обязательство действовать во имя свое собственное. **Антихристы — это посланники дьявола, действующие во имя самих себя.** Но почему так происходит? Почему дьявол не переносит собственного имени, произнесенного вслух? Почему он прячется за образом человека?

Ответ на этот вопрос кроется в той огромной пропасти, которая лежит между человеческой природой и дьявольскими целями. Дьявол — отрицатель по существу. Он никого не любит, но всех ненавидит. Он ничего не созидает, но все разрушает. Он ничего не порождает, но убивает всякую жизнь. Он не говорит правды, но везде и всегда всем лжет. **Цель деятельности дьявола — небытие**, которое проявляется в виде ненависти, разрушения, убийства и лжи. В этом сущность и смысл дьявольского существования. Дьявол «бывает» для того, чтобы вернуть в небытие все, что Господь призвал из небытия своим сотворяющим Словом. Поэтому дьявол противник не только Бога: он противник и самого бытия. **Он — враг существования**. Между тем для человека это сущностно отрицательное свойство чуждо. Правда, человек тоже может стать демоническим и начать все отрицать, но это он делает только тогда, когда он получает дьявольское укрепление, о котором нам рассказывает Соловьев. Сам по себе, по своей истинной природе человек есть образ Бога Творца. Поэтому он склонен любить и пытается преодолеть возникающую в нем ненависть. Он пытается создавать собственные творения и даже уберечь природу от распада. Он пытается познать истину и сделать ее путеводной звездой своей жизни. **Цель человеческой деятельности — бытие**, проявляющееся в любви, творчестве, заботе и истине. Разрушение, убийство, ложь и ненависть переживаются человеком как нечто чужое, более того, как нечто **нечеловеческое**. Столкнувшись с ними, он содрогается всем своим существом.

Потому совершенно понятно, почему человек не может перенести отрицания в его чистом и открытом виде, ведь **отрицание есть небытие**. Не будучи в состоянии перенести небытие и боясь его всем своим существом, человек тем самым боится всего того, что это небытие перед ним раскрывает или проявляет. Поэтому человек всегда переживает дьявола как нечто ужасное. Обыкновенное сознание может рисовать его в отвратительных и навязчивых образах, оно может изображать его и как вредоносную силу природы, но во всех этих образах кроется глубокий **отрицающий** характер этого отступника, пугающий человека и заставляющий его отгораживаться от носителя небытия. **Человек боится дьявола потому, что тот распространяет небытие; боязнь дьявола в своей сущности есть боязнь небытия**. Человек никогда не может быть отмечен знаком дьявола **непосредственно**. Как носитель и распространитель небытия, дьявол не находит пути к душе человека. Желая приблизиться к человеку и сделать его своим посланником, дьявол вынужден избрать для себя определенную форму бытия, прикрыться ею и ею же пробудить в человеке созидательные силы и только таким способом поставить его себе на службу.

Именно себялюбие и есть для него такой путь. Будучи отвращением от бытия, оно тем самым является и отрицанием этого бытия, следовательно, вступлением в небытие. Но, будучи обращением к человеческому Я, оно сохраняет форму бытия и таким образом путем обмана скрывает от глаз человека развращающееся небытие. Именно это свойство себялюбия удовлетворяет дьявола. Своей небытийной сущностью

оно соответствует дьявольской цели — все превратить в небытие. Бытийной своей **формой** оно удовлетворяет желание дьявола — не предстать чистым отрицателем, но показаться утверждающим, творящим, любящим. Поэтому дьявол и выбирает себялюбие для расширения своей деятельности как в отдельном человеке, так и во всей истории. Он опирается на себялюбивого человека, укрепляет его на пути, направленном на себя, перерождает его в силе, дабы он не уставал на этом пути; он приказывает ему все делать во имя самого себя, ибо всякое дело **во имя другого** сбило бы человека с пути себялюбия. Человеческое себялюбие становится прикрытием и тайным убежищем дьявола. Оно, словно густая вуаль, скрывает этого вселенского отрицателя от людских глаз, скрывает холод его небытия и таким образом делает его приемлемым для человека. **Человек идет на службу дьяволу во имя службы для себя.** Полностью сосредоточивая все только на себе, все принося в жертву только себе, повсюду действуя только во имя себя самого, себялюбец тем самым уже делает то, чего хочет дьявол, именно: уничтожает бытие, лжет и ненавидит. Такова связь между посланничеством дьявола, которым он метит своих сторонников, и его велением действовать во имя самого себя.

Это укрывание дьявола под образом и именем человека имеет еще и другой, значительно более глубокий смысл. Скрыть себя для того, чтобы можно было приблизиться к человеку и отвратить его от бытия через его себялюбие — это только одна задача дьявола, скажем — **антропологическая**, ориентированная

только на человека. Однако наряду с этой задачей дьявол своим укрывательством осуществляет еще и другую задачу, скажем — **теологическую**, которая нацелена уже на самого **Христа**. В повести Соловьева эта задача обозначена очень отчетливо. Посылая антихриста в мир, дьявол замечает, что он ничего не требует от своего посланника. И тут же добавляет, что Бог потребовал от своего Сына полного послушания, вплоть до смерти на кресте, но даже на кресте Бог Иисусу не помог, хотя и слышал Его умоляющий возглас: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Матф., 27, 46). Между тем дьявол обещает помощь своему посланнику. «Ради тебя самого, ради твоего собственного достоинства и превосходства и ради моей чистой, бескорыстной любви к тебе — я помогу тебе».

Разве в этих словах мы не слышим насмешки над Жертвой Христа? По мнению дьявола, Христос был оставлен своим Отцом потому, что Бог есть корыстная любовь. Он требует преклонения перед собой, требует жертвы вплоть до крестной смерти. Более того, Он даже в смерти не помогает. Он правит миром не сердцем, но разумом, и его решения неумолимы. Он — «не отец вселенной, а ... царь» *, как некогда говорил А. Мицкевич ¹. Между тем дьявол обещает окружить своего посланника «бескорыстной любовью». Он обещает помочь ему не ради спасения мира, как Бог Христу, но ради самого посылаемого, ради его достоинства. Он ничего не будет требовать от своего мессии.

* А. *Мицкевич*. Собрание сочинений. Т. 3. С. 166, М., 1952.

Наоборот, он сам устранился, укроется, а его помазанник будет действовать во имя свое собственное. Вне сомнения, мы чувствуем, что во всем этом кроется насмешка над миссией Христа. Но дьявол ею пользуется в полной мере, ибо он — *simius Dei* — обезьяна Бога. Дьявол — враг Бога не только потому, что он разрушает труды Бога, но и потому, что он их высмеивает. Христос как объект его насмешек стоит здесь первым. Потому и укрывание дьявола под образом человека не может не носить этого издевательского смысла, хотя сам Соловьев это не акцентирует. Он только рассказывает об усилиях дьявола сделать антихриста отрицателем Христа. Однако, проникая глубже в передаваемое Соловьевым желание дьявола действовать именем человека, мы без труда начинаем улавливать этот издевательский смысл.

Ключ для раскрытия этого смысла кроется в переданном Достоевским кошмаре Ивана Карамазова, во время которого он разговаривает с чертом. Иван, один из персонажей романа «Братья Карамазовы», находясь в бреду, замечает сидящего против него на кушетке джентльмена и вступает с ним в долгую беседу. Вне сомнения, Иван чувствует, что этот джентльмен не кто другой, как он сам — его второе, болезненное Я, высказывающее его собственные мысли, «но только самые низкие и самые глупые». В характер речи этого джентльмена Достоевский вкладывает так много дьявольской психологии, что вряд ли бы сам дьявол говорил по-другому. Среди других поразительно коварных и лживых вещей этот созданный воображением Ивана черт говорит: «Я беден, но не скажу,

что очень честен, но... обыкновенно в обществе принято за аксиому, что я падший ангел. Ей-богу, не могу представить, каким образом я мог быть когда-нибудь ангелом. Если и был когда, то так давно, что не грешно и забыть. Теперь я дорожу лишь репутацией порядочного человека и живу как придется, стараясь быть приятным. Я людей люблю искренно — о, меня во многом оклеветали! Здесь, когда временами я к вам переселяюсь, моя жизнь протекает вроде чего-то как бы и в самом деле, и это мне более всего нравится. Ведь я и сам, как и ты же, страдаю от фантастического, а потому и люблю ваш земной реализм. Тут у вас все очерчено, тут формула, тут геометрия, а у нас все какие-то неопределенные уравнения! Я здесь хожу и мечтаю. Я люблю мечтать. И к тому же на земле я становлюсь суеверным — не смейся, пожалуйста: мне именно это-то и нравится, что я становлюсь суеверным. Я здесь все ваши привычки принимаю: я и в баню торговую полюбил ходить, можешь ты это представить, и люблю с купцами и попами париться. Моя мечта — это воплотиться, но чтоб уж окончательно, безвозвратно, в какую-нибудь толстую, семипудовую купчиху. И всему поверить, во что она верит. Мой идеал — войти в церковь и поставить свечку от чистого сердца, ей-богу, так. Тогда предел моим страданиям. Вот тоже лечиться у вас полюбил: весной оспа пошла, я пошел и в воспитательном доме себе оспу привил — если бы ты знал, как я был в тот день доволен: на братьев славян десять рублей пожертвовал». Когда черт упоминает о том, что в прошлом году у него был ревматизм, Иван с издевкой спрашивает его:

«У черта ревматизм?» На что джентльмен отвечает: «Почему же и нет, если я иногда воплощаюсь. Воплощаюсь, так и принимаю последствия».

Во всей этой долгой болтовне черта скрывается та же мысль, которая звучит в словах ночной фигуры Соловьева: «Делай свое дело во имя **твое**, не мое». **Дьявол хочет воплотиться в буржуазном, полном себялюбия природном начале человека и, таким образом, высмеять воплощение Христа.** Христос принял на себя природу и судьбу человека, дьявол тоже пытается это сделать, то есть он пытается подделаться под Христа. Но для этого он избирает не трагическую сущность человеческой природы, в которой кроется израненный образ Господа, но смешную внешнюю сторону этой сущности — суеверия и жажду хорошей жизни. Семипудовая купчиха — символ дьявольского воплощения. Дьявол так же, как и Христос, принимает на себя судьбу человека, однако не во всей ее значимости, пусть даже и греховной, но как-то несерьезно, в каких-то смешных формах — боязнь оспы, ревматизма, воспаления левой ноздри и т. д. Он так же, как и Христос, хочет идти в церковь, однако не для того, чтобы учить истинам спасения, но чтобы войти в церковь и поставить свечку перед иконой, то есть исполнить самый незначительный, внешний обряд.

Вся эта маскировка дьявола под образ человеческий состоит в подражании Христу. Маскировка используется во всем. И делается это для того, чтобы высмеять и унижить воплощение Христа. В этом кроется тот более глубокий, **теологический** смысл дьявольской маскировки, о котором уже упоминалось.

Дьявол маскируется не только для того, чтобы приблизиться к человеку, но и для того, чтобы его воплощение стало бы способом унижения Христа. Земной реализм нравится ему именно тем, что здесь он находит способ фальсификации Вечного Логоса, Который стал истинным человеком и вынес все страдания человеческой жизни. Христос тоже любил земную действительность и даже умер за нее. Он тоже был реалистом. Но умер Он не для того, чтобы эту действительность увековечить в ее фактичности, но чтобы высвободить из этой фактичности, преобразить ее и очистить. Между тем дьявол хочет в этом реализме «воплотиться, но чтоб уж окончательно, безвозвратно». Он хочет постоянно быть в нем, постоянно утверждать его таким, каков он есть, и таким образом издеваться (и весом купчихи, и ее суеверной верой) над Искуплением Христа.

Кажется, что именно эта маскировка имеется в виду, когда в Откровении идет речь о «другом звере, выходящем из земли» (Откр., 13, 11). Первый зверь, выходящий из моря (Откр., 13, 1), получил смертельный удар. Скорее всего, этот удар был ему нанесен смертью Христа и Его воскресением. Но для излечения смертельной раны первого зверя поднялся из самой земли второй зверь. Он «творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми» (Откр., 13, 13). Этими знамениями он «заставляет всю землю и живущих на ней поклониться первому зверю» (Откр., 13, 12). И здесь Откровение словно призывает нас задуматься о сущности второго зверя: «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя» (Откр., 13, 18); и тут же указывает — «ибо

это число **человеческое**» (там же). Иначе говоря, имя второго зверя не что другое, как имя человеческое. Это означает, что **второй зверь действует в истории не своим именем, но — человеческим**. Он, оказывается, взял «число человеческое», его знак и его имя. Он воплощается в делах человека и в человеческой природе. Поэтому Откровение и говорит, что этот зверь вышел **из земли**, следовательно, из всей здешней земной жизни. Как Христос через свою Церковь распространяется в истории, распространяя свое Воплощение во времени и пространстве, так и антихрист, символом которого является второй зверь, пытается воплотиться во всех формах человеческого бытия и таким способом подделаться под Христа и Его высмеять. Таким образом, не напрасно Откровение указывает на то, что этот второй зверь, этот дьявол, принявший облик человека, «имел два рога, подобные агнчим»(Откр., 13, 11) Христос есть истинный человек со всеми присущими человеку свойствами, исключая грех. Точно таким же пытается стать и антихрист. **История становится полем воплощения не только для Христа, но и для антихриста**. Христос наказал людям и дальше продолжать свой спасительный подвиг, вдохновляя их и незримо руководя ими через Дух Святой. Точно так же ведет себя и дьявол, скрываясь под «числом человеческим»: за делами человека, за его желаниями, мыслями — за всем его бытием. Число человеческое в Откровении есть символ разнообразной маскировки дьявола, его воплощения в земной жизни.

Так и шагает антихрист по истории человечества, влекомый этим числом. Антихристовы силы действи-

тельно получили бы смертельный удар, если бы они не прикрывались названиями человеческих ценностей. Антихрист крайне редко, только в особенные периоды истории вступает в открытую борьбу с Христом. И только в этой открытой борьбе он получает смертельные раны. Поэтому для того чтобы он смог залечить эти раны и вновь приблизиться к людям и их обольстить, он принимает «число человеческое» и под его прикрытием начинает уже замаскированную борьбу с Агнцем; борьбу, которая скрыта под прогрессом культуры, свободой мысли, ценностью личности, безопасностью государства и всяческими другими названиями. Он ведет себя так, словно нападает не на Христа, но на преступников, верующих в Христа; так, словно нападая, он защищает жизненные ценности, против которых ополчились сторонники Христа.

Вне сомнения, нельзя отрицать того, что сторонники Христа тоже совершают преступления. И они, как и все другие, только путники на этой земле, поэтому им постоянно угрожает опасность совершить преступление и против Бога, и против ближнего, и против культуры и свободы. Однако характерно то, что антихрист, прикрываясь названиями жизненных ценностей, обычно нападает не столько на самих провинившихся христиан, сколько **на их религиозные ценности**: науку, иерархию, таинства, нападает так, словно эти ценности и есть источники преступлений. Борьба антихриста никогда не имеет очистительного характера: она — чистая **борьба на уничтожение**. Она направлена не на очищение Христианства, но на его уничтожение. И в этом, возможно, кроется самый верный знак,

как отличить замыслы антихриста от стремлений всех тех, кто иногда, может, даже и с излишним рвением пытается очистить Христовы виноградники от засохших веток и опутывающих их вьюнков. Нож Святого Духа тоже бывает острым. Но он никогда не направлен в самое сердце. Между тем антихрист прежде всего делится в само сердце. Он не хочет очищать виноградники Христа, он хочет их вырубить. Преступления, совершаемые христианами, дают ему возможность начать борьбу, и в то же время они являются прекрасной маскировкой для того, чтобы скрыть уничтожающий характер этой борьбы. Будучи готовым подделывать и высмеять Воплощение Христа, антихрист укрывается под всеми человеческими формами, какие только предлагает ему история. Земля становится постоянной родиной второго зверя.

2. ЭЛИМИНАЦИЯ СВЕРХПРИРОДНОГО

Укрывание антихриста под земными обликами и формами, своеобразное утверждение этих форм и их жизнь предоставляют ему возможность привлекать внимание людей к посторонним культурным ценностям и отвлекать их от сверхприродной действительности. **Сверхприродная действительность есть то, чего антихрист не может вынести в земной жизни.** Поэтому он пытается ее исключить, обойти, умолчать о ней или даже открыто опровергнуть. Всякий антихристов

дух в своей сущности — это **земной** зверь: из земли выходящий и на земле остающийся. Но этот дух отнюдь не становится **материалистом**. В своей повести Соловьев подчеркивает, что появление антихриста как раз совпало с периодом падения материализма. Правда, самые главные вопросы жизни и смерти остались неразрешенными. Новые психологические и биологические открытия не только не разрешили их, но еще больше запутали и затемнили. Но «выясняется только один важный отрицательный результат: решительное падение теоретического материализма. Представлением о вселенной как о системе пляшущих атомов и о жизни как результате механического накопления мельчайших изменений вещества — таким представлением не удовлетворяется более ни один мыслящий ум. Человечество навсегда переросло эту ступень философского младенчества». Поэтому своего антихриста Соловьев сделал не материалистом, но **спиритуалистом**, острый ум которого указывал, во что он должен верить: в добро, Бога, Мессию.

У нас эти свойства антихриста сразу же вызывают удивление. Мы привыкли считать материализм самым сущностным отрицанием Бога и поэтому хотели бы видеть антихриста под знаком материалистического мировоззрения. Ведь разве не материя — полная противоположность Бога? Разве не она находится дальше всего от Божества? И поэтому возведение ее в высший ранг бытия не означает ли окончательного отказа от Бога? Разве не в материализме воплощается эта вечная борьба дьявола с Богом? И разве не материалисты ведут эту борьбу на земле? Однако Соловьев не

оправдывает всех этих наших ожиданий. Его антихрист и сам не материалист и появляется не в период торжества материализма в истории. Он появляется как раз тогда, когда материализм уже пал. Почему? Почему все же материализм не является обязательным мировоззрением антихристового духа? И почему **тем самым** не всякий спиритуалист сторонник Христа?

Что же такое в действительности материализм? **Материализм в своей сущности есть не что иное, как метафизика детских представлений.** Сознание, не преодолев детского уровня, все представляет себе во плоти: душа для него — это птица, и меньше всего дышащие или пар; Бог — властелин мира, в колеснице разезжающий по небесам, или приятный бородатый дедушка, обо всех заботящийся и всех опекающий; бытие — это скопление разнообразных тел, в основном живых. Детское сознание настолько тесно связано с опытом ощущений и настолько сильно от них зависит, что оно не в состоянии переступить через этот опыт и потому остается в его границах. Все есть тело или хотя бы имеет тело. Поэтому облачение всего в плоть распространяется и на Бога, и на человека, и на мир. И это не является всего лишь переживанием отдельной личности в детском возрасте. Это переживание всего человечества, целых исторических периодов, когда это детское сознание прорывается наружу. Превратим эти детские представления в метафизику и получим материализм. Детский материализм не отрицает ни души, ни Бога; он только облакает их в плоть. Метафизический материализм отмечает **сущностное** разнообразие бытия и весьма последовательно

утверждает, что есть **только** материя, ибо если есть только то, что познается в ощущениях, то этот опыт везде одинаков и тем самым познаваемые объекты тоже одинаковы. Плоть везде одинакова. И будет ли она в нашем воображении камнем или животным, человеком или, наконец, Богом — это, в сущности, не имеет никакого значения, ибо она всюду есть материя. Этот вывод неопровержим, но он основан на детских представлениях. Он основан на бессилии детского сознания приобрести другой опыт, помимо опыта ощущений. Из детского опыта может возникнуть только материализм, ибо другого опыта, помимо ощущения, ребенок не имеет и не может иметь.

Таким образом, материалистическое мировоззрение есть не что иное, как порождение узости сознания, его своеобразной отсталости и его инфантилизма. Материалисты по широте и глубине своего сознания дети, почему-то застывшие в развитии своего опыта. Утверждать, что есть только материя, означает не испытать ничего другого, кроме материи; а не испытать ничего другого, но только материю, означает не иметь возможности приобрести другой опыт, помимо ощущения; обладать же только ощущением опытом означает оставаться на детском уровне сознания. Однако естественное развитие сознания уводит человека из периода детских представлений и тем самым подрывает основу материализма. Человек, имеющий духовный опыт, не может утверждать, что есть только материя. Бытие в его переживаниях предстает не однородным, но многообразным, и это разрушает всякий материализм. Он терпит поражение не только

в отдельной личности, но и во всем человечестве и в отдельных его культурах. Поэтому Соловьев и утверждает, что в двадцать первом веке человечество навсегда переросло эту ступень философского младенчества и этот метафизический период детских представлений и потому бесповоротно оставило материализм.

Но разве гибель материализма уже означает воскресение Бога и вообще всей сверхприродной действительности? Преодоление детских представлений, вне сомнения, пробуждает критическое сознание и расширяет человеческий опыт. Но оно еще не делает этот опыт обязательным для человека. Свобода начинается с области духовного опыта и тем самым начинается определение самого человека по отношению к этому опыту. Ни один человек, вышедший из периода детского сознания, не может отрицать **существования** духовной, божественной действительности. Но каждый может **не признать** ее. Здесь каждый может поступить так, как поступает Иван Карамазов Достоевского, который верит в существование Бога, но спешит возвратить Ему свой билет на вход в божественный порядок. «Я не Бога не принимаю, пойми ты это, — говорит Иван своему брату Алеше, — я мира, им созданного, мира-то божьего не принимаю и не могу согласиться принять». Иван соглашается, что страдания пройдут и сгладятся, все раны заживут, все противоречия исчезнут, что в мировом финале появится нечто, что удовлетворит все сердца, искупит все страдания и всю пролитую кровь. Но все равно он этого не принимает. «Пусть даже параллельные линии сойдутся и я это сам увижу: увижу и скажу, что сошлись,

а все-таки не приму». Это есть тезис Ивана, как он сам называет свою установку. Это — **возможный** тезис каждого человека. Испытать существование высшей действительности и ее признать — две различные и отнюдь одна из другой не вытекающие вещи. В развитом сознании они могут совпасть и составить гармоничное целое. Но они могут и разделиться. В сознании Алеши они совмещены. В сознании Ивана они разделены. Иван, как и солovieвский антихрист, спиритуалист. Он не отрицает существования Бога, ибо он уже вышел из периода детского сознания. Но он не признает божественного порядка. Иван далеко не материалист. И все же он — бунтарь, отрицатель, возможно, даже насмешник. Он остается сам с собой и в себе. Он не идет дальше себя и потому той высшей действительностью, существования которой он не отрицает, он не живет. Он остается по сю сторону.

Пример Ивана Карамазова показывает, что **само по себе** спиритуалистическое мировоззрение еще не ведет к Богу. Оно раскрывает существование Бога. Но человека с этим **просто существующим** Богом оно не связывает. Оно не создает **религии** и не приводит к признанию Бога. Спиритуалист, как и дьявол, не является атеистом. Но спиритуалист может быть очень глубоким **дейстом**, который переносит Бога по ту сторону своей действительности и закрывает Его в неприступных сферах. Более того, он может быть дейстом не только в своей метафизике, но особенно в своем существовании и деятельности. Он может превратить теоретический деизм в практический и уничтожать все, что только являет нам в мире близко стоящего

Бога. Борьба с Богом и спиритуалистическое мировоззрение вполне согласуемы. Поэтому Соловьев и не погрешил в отношении сущности спиритуализма, сделав своего антихриста спиритуалистом и позволив ему развить ожесточенную борьбу против Христа и его сторонников.

Напротив, этим Соловьев как раз хотел показать, что **корни настоящей и глубокой борьбы, направленной против Христа, не в детском материализме, но в спиритуализме, который является установкой уже развитого сознания и потому готового к борьбе.** Материалист не способен серьезно бороться против Бога, ибо Он для него не существует. Бог для него не реальность, но только людское суеверие. Борьба материалиста в действительности есть борьба не с Богом, но с людской психологией. Иногда его борьба может быть даже жестокой, но она не имеет под собой реальной основы. Она в своей сущности является только пропагандой. Между тем спиритуалист знает, что Бог есть. Он для него не только образ, привитый массе традицией, но — стоящая над ним **действительность.** Поэтому в деятельности спиритуалиста борьба с этой стоящей над ним действительностью принимает совершенно другой характер: она становится **настоящей** борьбой. Она становится трагической. Она ведет к уничтожению, даже если она и не кровава, даже если она только бесконечное напряжение чувств, как у Конрада² в «Дзядзах» А. Мицкевича. Антихрист-спиритуалист значительно более серьезный противник Христа, нежели антихрист-материалист. Поэтому антихристовы битвы зачастую имеют спиритуалистическое прикрытие.

В обществе зверя материалисты всего лишь оруженосцы. Самые настоящие рыцари, рыцари первых рядов — это всегда убежденные спиритуалисты, верящие в добро, Бога, Мессию. И эта вера придает им силы для борьбы; это она их поддерживает в их отрицательной деятельности, в их неустанной жертвенности и в их удивительной отваге. Соловьев, создавая своего антихриста верующим спиритуалистом, как раз и раскрыл источник его стойкости и вместе с тем предостерег нас — не поддаваться заблуждениям и в гибели материализма и спиритуалистического мировоззрения не усматривать никакого особо радующего знака. Спиритуализм наносит Христианству более ощутимые удары, сильнее тех, которые нанес ему материализм.

Таким образом, антихрист, ведомый спиритуализмом, появляется на сцене мировой истории и начинает дележ своих даров. Он объявляет себя попечителем религии. Более того, он готов даже объединить расколотившуюся Церковь Христову. «После благополучного решения политического и социального вопроса, — пишет Соловьев, — поднялся вопрос религиозный. Его возбудил сам император, и прежде всего по отношению к христианству». Поэтому «в начале четвертого года царствования он издает манифест ко всем своим верным христианам без различия исповедания, приглашая их избрать или назначить полномочных представителей на вселенский собор под его председательством». На этом соборе, попросив собравшихся сказать, что в Христианстве для них особенно дорого, и не услышав никакого ответа, император сказал: «Я понимаю, как труден для вас один прямой ответ. Я хочу

помочь вам в этом. Вы, к несчастью, с таких незапамятных времен распались на разные толки и партии, что, может быть, у вас и нет одного общего предмета влечения. Но если вы не можете согласиться между собой, то я надеюсь согласить все ваши партии тем, что окажу им всем одинаковую любовь и одинаковую готовность удовлетворить истинному стремлению каждой». И здесь, как мы знаем, император предложил трем основным христианским конфессиям три дара: восстановление авторитета Папы Римского во всех прежних правах и преимуществах для католиков, Всемирный музей христианской археологии — для православных и Всемирный институт для свободного исследования Священного Писания — для протестантов. Об этих дарах, с точки зрения **их принимающих**, уже говорилось. Мы видели, что они отнюдь не служат мерилom для понимания истинного духа властителей земли. Принимающие эти дары вводятся в заблуждение тем, что они не отягощают себя трудом поддержку земных правителей оценить самим Христом. Но здесь мы хотим рассмотреть эти самые дары с точки зрения **предлагающих** их. Что означает это преподнесение даров Христианству и какой смысл антихрист вкладывает в эти дары? Что означает этот, по милости антихриста восстанавливаемый авторитет папы, что означает эта христианская традиция, о которой он печется, и что означает это, им поощряемое, исследование Священного Писания? Что все это означает: признание религии или ее опровержение? Настоящая ли это помощь или только коварство и ложь? Если это опровержение и коварство, так в чем они заключаются?

Предлагая католикам свой дар, император говорил: «Я знаю, что для многих и не последних из вас всего дороже в христианстве тот, **духовный** авторитет, который оно дает своим законным представителям, — не для их собственной выгоды, конечно, а для общего блага, так как на этом авторитете зиждется правильный духовный порядок и нравственная дисциплина, необходимая для всех». Здесь император даже выразил сожаление, что сам он не может иметь такого авторитета, каким обладает верховный католический пастырь — папа. И чтобы выразить этому авторитету свое великое уважение и поддержку, он говорил: «Верховный епископ всех католиков, Папа Римский, восстанавливается отныне на престоле своем в Риме со всеми прежними правами и преимуществами этого звания и кафедры, когда-либо данными от наших предшественников, начиная с императора Константина Великого». При поверхностном рассмотрении возникает вопрос: а может ли быть еще более значительный дар? Разве авторитет папы не является одной из основных ценностей католичества? Разве его поддержка и его развитие не являются обязанностью всякого истинного католика? И разве не достойны уважения все те, кто эту ценность упрочивает? Поэтому понятно, что почти все князья католической Церкви, кардиналы и епископы, большая часть верующих мирян и более половины монахов взошли на эстраду к императору и заняли там свои кресла. Они были сражены непомерностью дара властителя.

«Папство уже давно было изгнано из Рима, — рассказывает Соловьев, — и после многих скитаний

нашло приют в Петербурге под условием воздерживаться от пропаганды здесь и внутри страны. В России оно значительно опростилось. Не изменяя существенно необходимого состава своих коллегий и офицй, оно должно было одухотворять характер их деятельности, а также сократить до минимальных размеров свой пышный ритуал и церемониал». И вдруг этот «опрошенный» папский авторитет одним мановением императора вновь обретает свой первоначальный блеск и силу. Папа не только восстанавливается в первоначальном, озаменованном кровью апостолов пространстве, но и одаривается всеми правами и привилегиями, которые были даны Святому Престолу в ходе веков. Папа вновь предстает перед глазами мира во всем своем величии, власти и почестях. Глубокая благодарность охватывает представителей католичества. Радостными восклицаниями они приветствуют этот жест властелина, исходящий от всего его сердца и широкой души, и удивленно поглядывают на неподвижного, как мраморная статуя, папу Петра II. Сам Верховный руководитель католиков, носитель этой власти и чести, сидит и молчит. Он ничего не отвечает на предложение императора подняться к нему на эстраду. Он не выражает ни радости, ни благодарности. Почему? Что недоброе чувствует он в этом даре? Какой коварный смысл кроется в этом жесте императора?

Авторитет в католической Церкви был учрежден самим Христом. Посылая своих учеников «как агнцев среди волков» (Лука, 10, 3) и советуя им не брать «ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои» (Матф., 10, 9), Христос все же наделил их необычайно высоким

духовным авторитетом: «Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается; а отвергающий Меня отвергается Пославшего Меня» (Лука, 10, 16). И наоборот, «Кто принимает вас, принимает Меня; а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня» (Матф., 10, 40). Апостолы, будучи посланниками Христа в прямом и истинном смысле этого слова, всегда говорят и действуют, как уже говорилось, во **имя Христа**. Их слово в самом глубинном смысле есть Слово Христа и их деяние есть деяние Христово. Они продолжатели и осуществители дела спасения в истории. То, чему Христос положил начало в Палестине, они несут через все пространства и через все времена; они несут Его учение, Его власть и Его жертву. Поэтому и их авторитет основывается не на них самих, но на самом Христе, Которому дана «всякая власть на небе и на земле» (Матф., 28, 18). Их авторитет божественного характера: **это авторитет** посланника Господа. Это авторитет, приобретенный не своими деяниями, не своими заслугами, не по какому-то земному решению, но назначением Христа быть «солью земли» и «светом мира» (Матф., 5, 13-14).

Так что же могут добавить к этому авторитету предоставляемые земными властителями права и привилегии? В сущности, ничего. **Авторитет Церкви божественного происхождения и никакой сущностной связи с земным могуществом и властью он не имеет.** Правда, в ходе истории власть и могущество не раз предоставлялись наследникам апостолов. Однако в церковной деятельности это было всего лишь делом случая. Земные властители предоставляют власть и отнимают,

расширяют ее и сужают. Но не она — источник и основа божественного авторитета. Не власть возвеличивает или принижает папу. **Полнота папской и епископской власти не зависит от власти земных властителей.** Если же они этой своей властью иногда делятся с папами и с епископами, то это относится только к историческим событиям, которые проходят, как и все другие земные миражи. Между тем папская и епископская власть остается до конца мира, ибо она в своей сущности есть власть Христа, действующего в Церкви.

Таким образом, здесь и начинается выявляться коварство императорского дара. **Авторитет папы антихрист считает необходимостью чисто практической жизни.** «На этом авторитете зиждется правильный духовный порядок и нравственная дисциплина». То, что это действительно так, никто и не отрицает: авторитет на самом деле является опорой порядка и дисциплины. Однако в Церкви этот порядок и дисциплину авторитет поддерживает иначе, чем в мире. Член Церкви усерден и дисциплинирован не тогда, когда он послушен папе, но тогда, когда он живой участник мистического Тела Христа. Послушание здесь не источник и не причина, но только следствие. Кто жив во Христе, тот и послушен. Одно лишь **формальное послушание** в Церкви не ценится. В мире же для того чтобы сохранялись порядок и дисциплина, достаточно быть формально послушным. Между тем в Церкви, чтобы послушание авторитету не стало омертвевшим действием, погубляющим душу как отдельной личности, так и целых обществ, надо жить во Христе, надо собой являть действительность Христа, надо жить Его

жизнью. Однако антихристов император, основывая церковный авторитет на необходимости порядка и дисциплины, лишает его сверхъестественной основы во Христе и таким образом могущество папы низводит до уровня могущества земных властителей.

С другой стороны, **в восстанавливаемых правах и привилегиях антихрист усматривает источник авторитета папы.** Считая этот авторитет только практической вещью, император чувствует, что папе, если он не будет опираться на земное могущество, придется довольствоваться только титулом. Слово папы, по мнению императора, предназначенное для практического дела, будет тщетным, если он не будет обладать принудительной силой. Поэтому император и обеспечивает папу такой силой. Он предоставляет ему такие же права и привилегии, какими обладает сам. Он возвращает папу не **на престол святого Петра**, откуда папу **никто** не может выслать, но — **на Римский престол.** Он вновь делает папу земным правителем, какими папы и были на протяжении целой тысячи лет. И так как все это происходит по милости, решению и воле императора, то он (император) совершенно логически становится над папой и требует признать себя «по совести и чувству» «единственным защитником и попечителем» Церкви. Таким образом, не от Христа папа получает силу своего авторитета, но от императора. Папа правит не именем Христа, но именем императора. Не Христу поклоняется христианин, услышав голос папы, но императору, ибо только по его мановению этот голос становится сильным и влиятельным. В императорском **даре католикам кроется исключение**

Христа из папского авторитета. Поэтому этот дар императора есть дар антихриста. И поэтому папа Петр остается сидеть, не двигаясь с места.

Всякая попытка превратить церковный авторитет в практическую необходимость и сущностно согласовать его с земными силами есть антихристово устремление опровергнуть его сверхъестественный характер. Эти усилия направлены на то, чтобы власть папы сделать земной властью и присоединить ее к ряду других таких же земных властей. Антихрист готов упрочивать престол папы всяческими правами и привилегиями для того, чтобы только этот престол не был отражением престола Христа. Папу охотно приглашают на земные собрания и совещания, но не в качестве Наместника Христа, но только как главу государства. Представителей папы охотно возводят в ранг дипломатических деканов, но не как апостолов, но только как дипломатов. И такого рода даров антихрист не жалеет. Однако все они направлены именно на то, чтобы затмить свет **религиозной** миссии папы. Антихрист хочет отвлечь внимание людей от **церковного** предназначения папы. Он хочет сделать папу **властителем** среди властителей, властителем могущественным и влиятельным, но не могуществом и влиянием Христа, а силой и влиянием земных князей. История Церкви наполнена такими дарами и такими устремлениями. Земные властители постоянно предлагают свою поддержку епископу Рима, тайно надеясь возвыситься над ним и подчинить его себе. Однако папство, не принимая в расчет более или менее значительных сомнений и нерешительности, которые случались в истории,

сидит, как и последний папа Петр II, словно мраморная статуя **внизу**, и ничего не отвечает на земные посулы, зная, что принять их — значит отречься от Христа.

Такое же антихристово коварство кроется и в даре императора православным. Обращаясь к ним, властелин говорил: «Знаю я, что между вами есть и такие, для которых всего дороже в христианстве его священное **предание**, старые символы, старые песни и молитвы, иконы и чин богослужения. И в самом деле, что может быть дороже этого для религиозной души? Знайте же, возлюбленные, что сегодня подписан мной устав и назначены богатые средства Всемирному музею христианской археологии в славном нашем имперском городе Константинополе с целью собирания, изучения и хранения всяких памятников церковной древности, преимущественно восточной...». Сердца православных тоже затопила радость. И действительно, разве не традиция — один из столпов Церкви Христовой? Разве не она свидетельствует об историчности воплощения Христа? Разве не она поддерживает самость Церкви? Разве не через нее говорит Дух Святой? Поэтому разве не заслуживают почитания все те вещи, которые традиция сохраняет и передает из поколения в поколение? Традиция воплощена в литургии, в писаниях, обрядах, иконах, строениях, музыке. Прогрессивная мысль последних веков слишком круто повернула людей к будущему и слишком опорочила прошлое. Традиция в сознании людей стала тусклой и невыразительной. Но вот сам властелин мира признает ее ценность и значительность. Более того, он создает учреждение, которое сохранит традицию и о ней позаботится.

Это будет центр старины в настоящем. Это будет высокая кафедра, где постоянно будет идти старинная литургия и будут звучать старинные гимны во славу Господа. Так как же такому человеку не выказать уважения? Как не стать его сторонником и не поддерживать в трудах его? Поэтому «большая часть иерархов Востока и Севера, половина бывших староверов и более половины православных священников, монахов и мирян с радостными кликами вошли на эстраду...». Они тоже удивились тому, что их глава «старец Иоанн не двигался и громко вздыхал». Он, как и папа Петр, чувствовал, что дар императора это некий обман, что в нем скрывается нечто такое, что грозит уничтожением самой традиции. Поэтому на приглашение императора старец Иоанн не ответил и на эстраду не возшел. Более того, «он оставил свою скамью и пересел ближе к папе Петру». Что означает это его молчание? И почему его не радует дар императора? Почему он сидит **внизу** и вздыхает?

Церковь, как уже говорилось, есть Христос, раскрывающийся в пространстве и времени. Церковь — это **Христос** в **истории**. Историчность — одна из сущностных черт Церкви. Церковь никогда не бывает бывшей, будущей, она всегда **настоящая**. Она есть постоянное присутствие и подвиг Христа в искупленном человечестве. Но именно поэтому она и несет с собой прошлое как органическое свое начало. Ее прошлое не отламывается от нее, словно засохшая ветка, но живет и действует в ее настоящем. Традиция как раз и есть действительное выражение этого постоянно живого прошлого. Поэтому она и имеет особенное

значение в жизни Церкви. Прежде всего **традиция поддерживает историчность Церкви**. Благодаря ей, прошлое живет в настоящем. Она соединяет членов Церкви с первоизданной действительностью, в которой некогда учил на земле сам Христос. **В глубинном смысле традиция есть Христос, воплотившийся в истории**. И если человеческое начало есть начало личного воплощения Христа, то традиция есть начало Его **исторического** воплощения. Через традицию Он становится **исторически** современным, а через таинство жертвы Он становится **лично** современным. Церковная традиция всегда жива, потому что вечно живет ее содержание — Христос. Традиция — один из источников церковной жизни, из которого Церковь черпает свою жизненную силу.

Но во что превращает ее император своим даром? Уже само название этого дара раскрывает антихристову установку по отношению к традиции. Император учреждает Всемирный **музей христианской археологии** «с целью собирания, изучения и хранения всяких памятников церковной древности». Для императора традиция всего лишь **неживая историческая древность**. Она не есть постоянно действующий Христос, но **некогда** существовавшие формы церковной жизни, которые по причине исторического развития отжили свое. Поэтому они и не годятся для жизни, но годятся только для музея. Это те верхние одежды, которые Церковь сбросила, но которые для одной части христиан остались дороги как воспоминание. Поэтому император и собирается развесить их по шкафам музея. Само по себе понятно, что эти исторические древности могут

быть интересны археологу и историку, но они не являются источником жизни Церкви. Жизни в них нет. Они застыли и умерли. Они — только **чистое прошлое**, прошлое, которое мертво. Нет никакого сомнения в том, что такая установка императора по отношению к традиции включает распространение Церкви в земную историю, делая ее всего лишь одной частью этой истории. Если церковная традиция умирает и превращается в древность, тогда Церковь не имеет никакой надысторической действительности. Она вся вмещается в эту действительность и ею исчерпывается. Никакого пролога и никакого эпилога по ту сторону у нее нет. **Включение Церкви в мировую историю — основа превращения традиции в музейную древность.** Церковь, по мнению императора, является только земной силой, которая разделяет всю земную историческую судьбу: она появляется, развивается и умирает. Многие ее формы уже отмерли. Придет время, когда и она сама умрет во всей своей совокупности. Отрицание вечности Церкви — логический вывод подобного мировоззрения. Так почему бы и не собрать эти отжившие древности и не сосредоточить их в одном месте? Собранные вместе, они как раз и стали бы для людей впечатляющим свидетельством преходящности их Церкви. Исследованные и рассортированные, они образно показали бы, какие начала Церкви, ее учения, власти и ее таинств уже отмерли. А если умирает Церковь, тогда умер навечно и сам Христос. Таким образом, первоначальная уверенность императора в том, что Христос не воскрес, а сгнил в могиле, как раз и проявляется в организации археологического музея. **Этот его музей**

должен стать надгробным памятником умершему и не воскресшему Христу. В этом его глубочайший смысл, в этом антихристов замысел, который кроется в императорском даре. Чувствуя это, старец епископ Иоанн остается сидеть внизу, придвинувшись ближе к папе Петру.

В истории Церковь не раз щедро одарялась такого рода дарами. Многие из сильных мира сего предлагали позаботиться об умерших древностях, собрать их в музей, оберегать их и исследовать. Соединение Церкви с мировой историей, изображение ее погибающей во вселенской преходящности — постоянная земная забота сильных мира сего. Сделать традицию не историческим Воплощением Христа, но преходящим выражением людских усилий — такова затаенная мысль земных князей. Но под всеми устремлениями этих «попечителей и руководителей» Церкви скрывается явное — **исключение Христа из традиции**. Церковная традиция здесь превращается только в обычную историческую традицию, не содержащую в себе ничего сверхъестественного. В этом случае можно ее поддерживать и заботиться о ней, ибо она мертва. Уничтожить церковную традицию, уничтожая таким образом Христа в истории, — постоянное стремление антихриста. И для этого он готов на любую жертву.

Такое же желание устранить Христа проявляется и в даре императора протестантам. Подождав, пока верные ему православные поднимутся на эстраду, император обратился к протестантам: «Известны мне, любезные христиане, и такие между вами, что всего более дорожат в христианстве личной уверенностью

в истине и свободным исследованием Писания. Как я смотрю на это — нет надобности распространяться. Вы знаете, может быть, что еще в ранней юности я написал большое сочинение по библейской критике, произведшее в то время некоторый шум и положившее начало моей известности. И вот, вероятно, в память этого здесь на этих днях присылает мне просьбу Тюбингенский университет принять от него почетный диплом доктора теологии. Я велел отвечать, что с удовольствием и благодарностью принимаю. А сегодня вместе с тем Музеем христианской археологии подписал я учреждение Всемирного института для свободного исследования Священного Писания со всевозможных сторон и во всевозможных направлениях и для изучения всех вспомогательных наук, с 1½ миллиона марок годового бюджета». Протестанты необычайно возрадовались. Ведь их конфессия основывается на личном исследовании Священного Писания. Ведь они в ходе веков приложили немало усилий для того, чтобы раскрыть истинный смысл Священного Писания. Они выпустили прекрасные критические исследования. Они написали прекрасные комментарии. Они разработали вспомогательные науки для исследования Священного Писания. Но все это было трудом лишь отдельных лиц и учреждений, поэтому и результаты были не слишком богаты. Глубинный и окончательный смысл Священного Писания все еще не был раскрыт, и разнообразие мнений и толкований оставалось. Так как же не радоваться тому, что эти значительные и многолетние усилия увенчиваются созданием института мирового масштаба, который будет обеспечен

значительной финансовой поддержкой и благодаря этому получит возможность проникнуть в самые глубины Священного Писания. Истинное Слово Божие наконец будет понято, споры прекратятся, и в Церковь Христову возвратится единство. Очарованные этим образом будущего «больше половины ученых теологов двинулось к эстраде, хотя с некоторым замедлением и колебанием. Все озирались на профессора Паули, который будто прирос к своему сидению. Он низко опустил голову, согнулся и съежился». Здесь снова возникает вопрос — почему? Что недоброе усмотрел он в даре императора и почему даже не сдвинулся со своего места, а напротив, позже встал «и подсел ближе к старцу Иоанну и папе Петру»?

Священное Писание есть Слово Божие в буквенном выражении. Это тот же Логос, воплотившийся в природе человека. Только здесь Он принял не личностный образ, как в Иисусе, но словесно знаковый в писаниях. Человеческое письмо здесь служит той, доступной восприятию действительностью, благодаря которой Он является человеку, становится для него доступным и понятным. Эта человеческая действительность может быть весьма разнообразной: историческим повествованием, пророчеством, проповедью, выражением чувств; она может быть более или менее совершенной; может включать человеческие слабости и даже ошибки; однако в каждом случае она только зримое средство явить незримую высшую действительность, которая есть сам Вечный Логос. Истинный и единственный объект Священного Писания — Христос. В Ветхом Завете Он появляется как обетование.

В Новом Завете Он явлен как осуществление. Ветхий Завет Его возвещает. Новый Завет Его являет. Человеческая действительность Ветхого Завета — жизнь и деяния патриархов, история Израиля, подвиги отдельных личностей (Товита, Есфири, Юдифи, Руфи, Иова), поэтическое вдохновение — все это только знаки, только указание, только стрела в сверхприродное бытие, которое Господь пообещал раскрыть миру и которое в свой час должно быть явлено в Иисусе из Назарета. Новый Завет непосредственно показывает Христа. Человеческая действительность здесь почти вся остается в стороне. Новый Завет — это история не людей, но история Христа; это дела не людей, но деяния Мессии; это не указание на Христа, но само описание деяний Христа. Если в Ветхом Завете Христос выступает как скрытый, непрямой объект, то в Новом Завете Он находится на первом плане и в центре. Все остальное здесь служит только дополнением, средством для того, чтобы как можно выразительнее и ярче подчеркнуть центральность Христа.

Поэтому задача обоих Заветов описать не человеческое бытие, но — Вечного Логоса: Его пребывание у Отца, возвещение о Его приходе, Его воплощение, рождение, страдание, смерть, воскресение, деяния в Церкви и окончательный приход. **Священное Писание не имеет своего собственного самостоятельного смысла и ценности.** Отвлеченное от Христа, оно становится слишком обыкновенным, слишком грубым и примитивным, чтобы заслуживать глубокого внимания. Его задача свидетельствовать не о себе, не о том, что оно есть, но то, что в существе своем оно **означает,**

именно **Христа**. Вне сомнения, что для такого свидетельства были использованы и исторические данные, и природные события, и психологические переживания, и общественные отношения, и поэтическое вдохновение и им созданные образы. Но все это использовалось не для того, чтобы все эти человеческие начала обрели самостоятельный смысл или раскрыли свой природный характер, но для того, чтобы они стали **зримым** указанием на то, что они в существе своем означают: **на Христа. Священное Писание — это не книга природы или культуры, но это книга есть книга религии.** Это книга взаимоотношений человека и Бога. Это книга Богочеловека.

Так каким образом, чем здесь может помочь научное исследование Священного Писания? Оно может помочь во многом и вместе — никак не помочь. Научное исследование может оказать большую помощь в восстановлении стирающейся в ходе веков человеческой действительности, через которую просматривается божественная действительность. И оно ничем не может помочь при попытке раскрытия конечного смысла Священного Писания. Человеческая действительность Священного Писания стирается по многим причинам: другого образа мышления в те далекие времена, древнего труднодоступного для нас способа отображения, ошибок при переписывании текстов, несовершенного перевода... Научное исследование пытается сделать эту действительность доступной для нас. Оно пытается придать эмоциональную окраску характеру речи человека тех времен, разъяснить смысл отдельных изречений, восстановить подлинный текст, точно

перевести мысль оригинала. Этот труд может иметь немаловажное значение, однако в отношении Священного Писания он всего лишь **подготовительный**. Даже и полное восстановление человеческой действительности еще не раскрывает нам смысла Священного Писания, ибо этот смысл лежит за пределами человеческой действительности, по другую сторону от нее, потому он и не доступен научному познанию. **Священное Писание открывается только религиозному, но не научному взгляду.** Таким образом, перенести все внимание на научное исследование Священного Писания, поставить это исследование в центр нашего внимания означает пройти мимо смысла Священного Писания, схватывая только его внешний человеческий аспект.

Институт, создаваемый императором, как раз и добивается этого. Концентрируя внимание протестантов на научном исследовании Священного Писания и с ним связанных областей, обеспечивая это исследование разнообразной поддержкой и средствами, император пытается изъять из этой Вечной Книги ее истинное содержание — Христа. **Раскрыть Христа императорский институт не в силах.** У самого императора отсутствует религиозный подход к Священному Писанию. Его путь — чисто научный, и по этому пути он пытается вести всю протестантскую конфессию. Но по существу это есть путь антихриста. Антихристов дух никогда не отвергает Священное Писание как объект для исследования языка, народа, истории, социологии или литературы. Он относит эту книгу к характерным памятникам некогда существовавшей истории и поэтому охотно ее признает, поддерживает ее исследование,

покупает, сохраняет и исследует ее рукописи. Но этот дух никогда не говорит об истинном содержании Священного Писания, о высшей действительности, о Вечном Логосе, который кроется в образах обетования и осуществления. **Христос в Священном Писании для антихристового духа всего лишь миф.** Поэтому он, подерживая научное исследование Священного Писания, пытается умертвить этот миф, отвлечь от него внимание людей и сосредоточить это внимание на человеческой действительности Священного Писания. Он выдвигает на первый план социологическую, географическую, историческую или поэтическую ценность Священного Писания для того, чтобы ею затмить его религиозную ценность. Императорский институт должен стать центром и вдохновителем этих антихристовых устремлений. Исследования в нем должны проводиться в различных направлениях, исключая самое основное — сверхприродное. Поэтому те из протестантов, кто не был увлечен человеческой действительностью Священного Писания, прекрасно поняли замысел императора и отвернулись от его дара. Профессор Паули с небольшой группой своих сторонников остался сидеть **внизу** на своей скамье.

Таким образом, все три императорских дара по своей сути есть не что другое, как сущностное опровержение Христианства. Здесь делается попытка извлечь из Христианства его сущность, лишить его сверхприродного содержания. Антихрист высоко оценивает земное могущество и значение Христианства. Поэтому он и готов сделать пап земными властителями, сохранить в музеях христианскую традицию, предоставить зна-

чительную помощь для научного исследования Священного Писания. Все это он объявил сущностью Христианства, самым ценным его началом и поэтому теперь просит о признании его «единственным заступником и покровителем» Церкви. Многие из присутствующих прельстились его дарами. Они не увидели, что **в этих дарах нет Христа**, следовательно, нет сущности Христианства, ибо нет того, Кто составляет истинную ценность Христианства. Без Христа все эти дары лишены и подлинности и ценности. **Без Христа все они — ложь.** Элиминация сверхъестественного — одно из основных средств антихристовой деятельности. Антихрист всегда пытается скрыть божественную действительность за присутствующей в религии земной действительностью. «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел» (Быт., 3, 6). Красивая, сверкающая и величавая внешность является прекрасной маскировкой для дьявола, дабы он мог скрыть свои демонические намерения. Его обман длится в продолжении всей нашей истории и будет длиться вплоть до ее окончательного завершения.

3. ЗАХВАТ МЕСТА ХРИСТА

Мы уже неоднократно подчеркивали, что антихрист Бога не отрицает. Он признает определенную связь человека с Высшим Бытием и даже свой успех на земле

объясняет благоволением Всемогущего. Он исключает только Христа. Он не пренебрегает религией и даже ее поддерживает. Но он не выносит почитания Христа в этой религии. Все, что являет Христа, все, в чем Он воплощается, должно, по мнению антихриста, исчезнуть. **Христианство без Христа — главная цель антихриста.** Антихрист уничтожает в религии сверхприродную действительность и этим делает ее односторонней; он превращает ее только в призыв человека. Но кто же отзовется на этот призыв? Кто будет тем, к кому человек обратит свои вздохи? Кто будет вторым в этих отношениях — ведь религия по существу есть **отношение двух личностей?** Ответ совершенно ясен: **сам антихрист.**

Уже говорилось о том, что соловьевский антихрист считал Христа только своим предтечей, который был послан в мир, чтобы расчистить для него путь. И эта возложенная на Него задача была последней задачей Христа. Ни вселенского мира, ни вселенского блага Христос не создал. Эта задача предназначалась самому антихристу. «Христос, проповедуя и в жизни своей проявляя нравственное добро, был **исправителем** человечества, я же призван быть **благодетелем** этого отчасти исправленного, отчасти неисправимого человечества. Я дам всем людям все, что нужно. Христос, как моралист, разделял людей добром и злом, я соединю их благами, которые одинаково нужны и добрым, и злым. Я буду настоящим представителем того Бога, который возводит солнце свое над добрыми и злыми, дождит на праведных и неправедных. Христос принес меч, я принесу мир. Он грозил земле страшным

последним судом. Но ведь последним судьей буду я, и суд мой будет не судом правды только, а судом милости. Будет и правда в моем суде, но не правда воздаятельная, а правда распределительная. Я всех различу и каждому дам то, что ему нужно». Содержание этих антихристовых замыслов мы рассмотрим позже, когда пойдет речь о царстве антихриста, в котором они как раз и будут осуществляться. Теперь же рассмотрим, что предпринимает антихрист для того, чтобы занять место Христа и изменить Его миссию. Антихрист Соловьева убежден, что именно он, а не Иисус из Назарета, истинный Сын Божий. Однако не дождавшись никакого знамения с небес, дабы начать свой труд, он принимает знамение от ночной, светящейся фосфорическим светом демонической фигуры — дьявол возрождает его в силе, и антихрист выходит в мир, дабы осуществить свои намерения и преобразовать искупление Христа. Вся его деятельность — одно неуклонное стремление занять место Христа как в сознании людей, так и в системе исторической жизни.

Соловьев рассказывает, что его антихрист, избранный в президенты Европейских Соединенных Штатов, появился на трибуне во всей своей красоте и силе и своим красноречием произвел такое впечатление на собрание, что оно «решило воздать ему высшую почесть» и поэтому без голосования объявило его римским императором. Этот титул для антихриста весьма значим. И смысл этого титула не политический, но **религиозный**. Политическое могущество Рима было уже давно в прошлом. Святая империя Рима оставалась только воспоминанием. Поэтому, принимая титул императора

Рима, антихрист отнюдь не хотел возрождать эту отмершую древность. Он хотел придать этому титулу **новый** смысл. Он хотел занять в Риме то, чем этот город постоянно жив в мировой истории, именно: **престол Наместника Христа.**

Рим не как политическая сила приснопамятен в Христианстве, но Рим как духовный центр. **Рим — символ историчности Церкви.** Он знак того, что царство Христа не только ожидание, но и действительность, существующая во времени и пространстве нашей земли. Папский престол есть зримое выражение этой действительности. Однако во времена соловьевского антихриста папы были высланы из Рима. Кто их выслал, Соловьев не разъясняет. Возможно, это случилось во времена монгольского господства. Но это не суть важно. Важно, что в этом пустом, освященном кровью и молитвами христиан пространстве установил свой престол антихрист. Когда Наместник Христа ушел из Рима, его место занял император Рима; занял не для того, чтобы здесь осуществлять свои земные возможности, но для того, чтобы привлечь к себе внимание христиан, которое было сосредоточено на Риме, когда в нем жил папа. То, что некогда предназначалось Наместнику Христа, теперь должно было быть предназначено антихристу. Правда, в это время император еще не требовал признания себя покровителем и руководителем Церкви, ибо его власть в мире еще не была прочна. Но учреждение столицы в Риме было первым шагом, чтобы занять место Христа. **Император Рима должен был означать опровержение Епископа Рима.** И если позже он решает вернуть пап

в Рим, то только потому, что он сам этот город уже оставил и что его замыслы вмещали в себя уже нечто большее, нежели только престол Наместника Христа.

На третий год своего господства римский император переносит свою столицу в Иерусалим и здесь возводит огромный прекрасный дворец. Этот его шаг тоже был далек от политики. Это был жест, исполненный религиозного смысла. Через пространство Наместника Христа антихрист вступил в пространство рождения, жизни и смерти самого Христа. Антихрист возводит свой престол у подножья Голгофы. Соловьев замечает, что «христианские святыни оставались неприкосновенными». Однако императорский дворец занял всю возвышенность города и заслонил находящиеся там святыни. Сделав Иерусалим своей столицей, император хотел показать, что в мире господствует он, единственный, а не Тот, Который умер и, по мнению антихриста, сгнил в могиле. Сегодня у входа к этой могиле высится престол антихриста как осмеяние всего подвига Христа — как осмеяние Его смерти и Его воскресения.

Но этими символическими действиями антихристов император еще не был удовлетворен. Пространство мертво. Титул римского императора и столица в Иерусалиме были всего лишь материальным захватом места Христа. Антихрист воссел в Риме и в Иерусалиме. Но Рим и Иерусалим всего лишь географические места, если только они не связаны в сознании людей с Христом и с Его наместником. Захвативший их император еще не завладел сознанием людей. И пока это сознание ему не было подчинено, завоевания импера-

тора были всего лишь пространственными, только материальными, но не духовными. Нося звание императора Рима и живя у подножья Голгофы, антихрист занял всего лишь некогда Христом исхоженное земное пространство, но не Его место в сердцах людей. **Физически** Христос не был ни в Риме, ни в Иерусалиме. Поэтому захват этой пустоты своей плотью императору не доставил большого удовлетворения, это было влыванием в открытые двери, которые распахнул сам Христос, вознесясь на небеси. Скрывшись от людских глаз в небесных облаках (ср.: Деян., 1, 9), Христос плотским своим бытием ушел с земли, оставив пустым пространство плотского своего существования и деятельности, позволив занять его всякому, кто только пожелает с Ним состязаться. Его деятельность после восхождения на небо сделалась в истории незримой и осуществлялась через Дух Святой. Вера в Него людей, исповедание Его и признание стали зримым выражением этой скрытой Его деятельности. Все это антихрист прекрасно знал и потому отважился на третий шаг. Он возжелал изгнать Христа из людских сердец и там поселиться.

Для этого он и созвал **религиозное** собрание всех христиан. Предлагая им свои дары, он потребовал признать себя «единственным заступником и покровителем», «истинным вождем и владыкой», «державным вождем» Христианства. Если все конфессии признают его таковым, тогда обретут смысл и его титул, и его столица. Тогда Христос будет окончательно осмеян и побежден. Тогда антихрист станет владыкой не только того пространства, в котором некогда страдал и умер

Христос, но и того человечества, за которое Он страдал и умер. Тогда весь Его искупительный подвиг будет опорочен и раскроется его незначительность и несостоятельность. Однако именно здесь антихрист наткнулся на сопротивление. Христиане не обращали внимания на титул императора, которым он хотел заслонить тройной венец папы. Они не противились, когда антихрист возводил дворец в Иерусалиме, желая его тенью прикрыть те места, где страдал Христос. Но они возмутились, когда он потребовал изгнать Христа из своих сердец. Правда, сопротивление выказали лишь небольшие группы с их старшими вождями. Но этого было достаточно, чтобы разрушить замысел императора: изгнать Христа из человечества и самому занять Его место. Пространственный захват был тщетен. Духовный — безуспешен.

Но несмотря на эту неудачу, антихристовы устремления всегда носят весьма определенный характер. Они свидетельствуют о том, что **элиминация Христа никогда не оставляет пустого пространства; его сразу же заполняет собой антихристов дух**. Там, откуда уходит Христос, появляется антихрист. Поэтому всякая элиминация Христа уже сама по себе является приглашением антихриста. Сущностно религия всегда есть отношение двух личностей. И если человек прерывает отношения с Христом, он таким образом вступает в отношения с антихристом. Если человек исключает из своего сознания и из своей жизни Агнца, эту образовавшуюся пустоту заполняет зверь со своим лжепророком. Невозможно остаться в чисто человеческом начале религии, вне высшей действительности,

которая всегда есть либо действительность Христа, либо действительность антихриста.

В свете этой закономерности мы можем понять, почему для Христианства неприемлемы попытки вернуть жизнь к чисто природному уровню путем исключения из нее привнесенного и оставленного нам Христом сверхприродного начала. Поэтому борьба с лайцизмом³ — это не борьба, которая направлена против земной действительности, как это нередко утверждают даже люди доброй воли, но борьба за Христа: за Его присутствие и Его деятельность в истории. Искупленный мир никогда не может стать равнодушным к Христу. Этот мир никогда не может быть только природным, никак не связанным со сверхприродой. Когда он пытается стать таким, он сразу же попадает в сверхприроду, но только, к сожалению, не Христа, а антихриста. Таким образом, как нельзя не опровергнуть самого Христа, видя в нем только человека, так же нельзя не опровергнуть Христианство, видя в нем только природную действительность — только земную его историчность, только культурные его ценности. Вне сомнения, все это есть в Христианстве, как и в Христе есть человеческая природа. В этом отношении лайцизм говорит сущую правду. Но эту природную человеческую сторону нельзя отделять от сверхприродной — божественной, так же, как и в Христе нельзя отделить Его человеческое начало от Его божественности. **Человеческое начало** Христианства свой **смысл и свою ценность черпает только из божественного начала**. Всякое разделение этих начал есть в своей сущности опровержение и человеческого начала,

ибо, когда из него вытесняется Христос, Его место занимает антихрист, который начинает разрушать все человеческое. Поэтому борьба с лайцизмом в глубинном смысле есть борьба и за своего Бога, и за человека. Это борьба за богочеловечество в истории. «Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Ефес., 6, 12).

Если бы мы задали вопрос, каким образом антихрист занимает место Христа, то должны были бы снова вспомнить то, что по этому поводу говорили Соловьев и Достоевский, а именно: **дьявол — захватчик**. Он занимает престол Христа не по праву: не святостью своей личности, не потому, что он очистил и преобразил жизнь. Он захватывает престол **насилом**. Характерно то, что Соловьев своего антихриста возносит на вершины политики, делая его даже властелином всего мира. Правда, антихрист был еще и ученым — даже теологом; он был и общественным деятелем — даже благотворителем; он был еще и писателем. Однако все эти области его деятельности были только средством войти в политику и утвердиться в ней. Благодаря им он стал известен в мире, и эта известность открыла ему двери в политику. Именно в политике проявились дух и сила антихриста. Прежде он был всего лишь известным, однако практически действовать и воплощать свои замыслы он не мог, ибо к тому у него не было возможностей. Став президентом Европейских Соединенных Штатов, а позже и всего мира, получив титул римского императора, он как раз

обретает эти возможности и поэтому может развить свою настоящую деятельность. Именно эта его деятельность и была сущностно антихристовой. **Свою личность в качестве владыки мира и свою деятельность антихрист проявил в политике.**

Это не было случайным совпадением. В этом кроется символическое указание на то, что **политические средства, как никакие другие, отвечают всем требованиям деятельности антихриста и поэтому охотно используются всеми антихристовыми силами.** Ведь политика и насилие сущностно связаны. Политические средства всегда принудительны. Это их основная черта. Политические органы и политические институты никогда не просят, не убеждают, они просто приказывают. Закон является формой всех их проявлений. А всякий закон принимается для того, чтобы быть выполненным. Закону безразлично, убежден ли тот, кого он обязывает, в ценности и справедливости этого закона. Закон требует исполнения, не принимая во внимание субъективную убежденность исполнителя. Тот, кто не исполняет закона, наказывается. За всяким законом стоят полиция и тюрьма. Таким образом, держать в своих руках политические средства означает обладать силой и возможностями принуждать людей. Поэтому св. апостол Павел и советует остерегаться правительства, ибо оно «не напрасно носит меч» (Рим., 13, 4). Правда, св. Павел провозглашает, что «нет власти не от Бога» (Рим., 13, 1), но здесь же добавляет, что земная власть — начальник: «отомститель в наказание делающему зло» (Рим., 13, 4). Иначе говоря, власть ведет человека к добру и за зло наказывает **мечом.**

Насилие ее основное средство, дабы представлять на земле Бога. Вне сомнения, христианин должен быть послушен властям «не только из страха наказания, но и по совести» (Рим., 13, 5). Однако это повиновение по совести не уничтожает насильственного характера политики. Оно лишь приводит к тому, что для справедливо поступающей власти оно не предоставляет **случая** принуждать христиан и использовать свой меч, ибо те исполняют ее законы по совести. Однако жестокость политики сохраняется, она никуда не исчезает.

Нет никаких сомнений в том, что насилие во многих земных областях необходимо и хорошо. В этом смысле и всякая власть, остающаяся в границах своей природы, есть от Бога. Однако желание переступить эти границы и объять всю жизнь есть тот постоянный соблазн, которому почти всегда поддается всякая политика. Поскольку государство вмещает в себя все области жизни, земные властители полагают, что все эти области им подвластны. Поэтому они начинают приводить их в порядок политическим, следовательно, **насильственным** способом. Религия, нравственность, наука, искусство, общественные отношения, благотворительность — все здесь становится полем политики и ее объектом. Насилие врывается в эти области и вытесняет из них свободу и выбор. Но именно поэтому эта, переступившая свои границы власть и перестает быть властью от Бога. **Использование насилия там, где человек призван сущностно определиться, сделать выбор, есть знак антихристового духа.** Вот почему антихристовы силы распространяют политику на все области жизни и везде используют политические

средства. Соловьевский антихрист не удовлетворился только тем, что объединил мир политически: на тех, кто не пожелал объединиться, он выслал хорошо вооруженные карательные отряды. Он также взялся за решение социального вопроса и, наконец, религиозного. Он провозгласил «простую и всеобъемлющую социальную реформу» и, наконец, созвал вселенский собор церквей. Нет никакого сомнения в том, что и при решении этих вопросов его карательные отряды находились в полной боевой готовности. Угроза насилия сопровождала решение и социального и религиозного вопросов. Это стало очевидным во время собрания церквей, когда часть христиан отказалась признать императора покровителем и главой Церкви. Тогда антихрист убил папу Петра и старца Иоанна, приказал осквернить их тела, а преданных им христиан выслал в пустыню.

Это логический результат всеобъемлющей политики. **Высвобожденное насилие ведет к массовым убийствам.** Позже соловьевский антихрист, невзирая ни на что, велит убивать всех непослушных ему христиан и иудеев. Всякий антихрист охотно принимает эту всеобъемлющую политику, ибо в ней находит удачнейшие средства для расширения своих захватнических замыслов. Антихрист, не будучи Сыном Божиим ни по своей природе, ни по своему призванию, пытается насильно захватить и Его имя, и Его место. Для этого он и избирает путь политика. Таким образом, везде, где только в истории появляется захватнический дух, сопровождаемый насилием и использующий политические средства, скрывается антихрист.

Христос пришел освободить людей. Антихрист приходит, чтобы их поработить. Поэтому он и пытается захватить престол Христа и Его власть, пытается заставить людей признать его единственным их покровителем и владыкой не только в делах земной жизни, но и в жизни религиозной. Он требует от них любви и уничтожает тех, кто не любит его. Насилием он подчиняет себе даже человеческое сердце. Захватчик проникает даже в само нутро человека. **Антихрист — политик до кончиков ногтей.** Начав захват власти, он не останавливается ни перед чем. Он хочет, чтобы перед ним, как и перед Христом, «преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних» (Фил., 2, 10). Однако общего признания он добивается не любовью и не самопожертвованием, как Христос, но насилием, ибо **дьявол не любит.**

4. ОСКВЕРНЕНИЕ БОГА

Хотя антихрист не отрицает Бога и не является атеистом-теоретиком, однако ведет он себя так, словно Бог не имеет ни малейшего значения, словно не Он величайшая забота человека и устроитель всего бытия. Равнодушие по отношению к Богу — одно из начал антихристовой деятельности. Это равнодушие соловьевского антихриста выражено в «имперском» храме, посвященном «единству всех культов». В этом огромном здании — «полухраме-полудворце» должен был

проходить вселенский собор церквей. Построенное в Иерусалиме на всей обширной платформе Харам-эш-Шерифа, это огромное здание высокомерно взидало на город, отмеченный кровью Христа, и издевалось над Его жертвой. Оно было символом антихристового единения в религии; единства, основанного не на общей истине, не на исповедании самого Христа, но на общем равнодушии ко всему, что есть божеское.

Ведь что такое религиозный культ? Культ — это **зримость веры**. Культ — это наглядное проявление основных религиозных истин. **Культ** — это догма, **получившая зримое выражение**, поэтому он и не случаен в религии. Он возникает из самого отношения с Богом, которое заложено в нем самом. Различие культов есть различие этих отношений. Это различие догм, в которые человек верит. Таким образом, всякая попытка соединить культы означает равнодушие к различию догм и тем самым равнодушие к божественной истине. Религия всегда и везде совокупность. Отдельные ее части не навязаны ей сверху, но возникают из самой ее сущности. Поэтому не принимать во внимание эти части означает быть равнодушным к самой сущности. Не принимать во внимание заложенные в основах культа догмы означает быть равнодушным к самому Богу, который через эти догмы проявляется. **Храм единства всех культов — символ религиозного индифферентизма**. Это тот же римский пантеон, куда **отовсюду** были свезены боги всех народов. Но чем же были все эти боги в глазах римлян? Они не были для них высшей действительностью, но были только игрушками, которые свезли в одно место, дабы не

оскорблять религиозных чувств побежденных народов. Сами по себе все эти боги были одинаковыми, ибо все они были **ненастоящими**. Все они были всего лишь созданием рук человеческих — слепые, глухие, немые. Поэтому разве не все равно, кому из них приносить жертву или молиться; ведь ни один из них этой жертвы не примет и не выслушает этой молитвы. Их нахождение на одном пространстве было обосновано не их подлинностью, но именно их неподлинностью. Человек бродил среди них, не обращая на них никакого внимания.

Нечто подобное должно было случиться и в императорском храме единения культов. И в нем должны были исполняться обряды различных культов, но не для того, чтобы раскрыть одну и ту же истину, но для того, чтобы эту истину полностью скрыть и затемнить значимость культовых различий — ведь все культы хороши, ибо все они нашли спокойное пристанище в святилище императора. В этом храме должен был утвердиться религиозный скептицизм. Это он должен был убедить мир в том, что нет необходимости искать в религии истину и, найдя, бороться за нее, ибо истина все равно не может быть найдена, поскольку ее вообще нет. Она живет слишком далеко от бытия человека, чтобы быть замеченной и призванной в реальную нашу жизнь. Она закрыта и не открывается человеку, поэтому она и не взывает к нему. И все формы, в которых человек надеется выразить эту истину, придуманы им самим. Все они случайны и потому обладают одинаковым смыслом и одинаковой ценностью. Они постоянно свидетельствуют о тщете человеческих

усилий в поисках религиозной истины. Так какой же смысл столь сильно привязываться к этим формам? И целесообразно ли одни считать своими, а от других отворачиваться? Нужно ли свой культ считать истинным, а все остальные не истинными? Не лучше ли их всех свезти под одну крышу и посадить у одного алтаря **неведомому Богу**, как в греческом ареопаге? Бог есть — это действительно так; но Он недоступен и незнаком. Он полностью по ту сторону. Поэтому имя Его — **неведомый**, и всякий культ для Него хорош, ибо ни один Его не выражает и не воплощает. Именно такую мысль положил антихрист в основу своего храма всех культов. **Храм всех культов — это святины неведомого Бога.**

Таким образом, этот религиозный индифферентизм и скептицизм, получивший даже литургическую форму, как представляется, и есть то великое опустошение, о котором нам говорил пророк Даниил (ср.: 9, 27 и 11, 31) и на которое нам указывает сам Христос, говоря: «Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте, — читающий да разумеет, — тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего; и кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои» (Матф., 24, 15-18). **Самое чудовищное осквернение Храма Божиего происходит тогда, когда изгнание Бога из сознания и жизни людей превращается в культ.** Когда видишь, насколько далеко заходит антихрист в своих намерениях (он даже создает храм для празднования праздников изгнанного Бога), начинаешь понимать,

насколько близок конец поддерживающей этот храм культуры. Человек напоминает сокола Рильке⁴, который может тысячи лет летать вокруг Бога, словно вокруг старой башни, и так и не узнать, ни что это за башня, ни кто он сам по отношению к этой башне. Блуждания на пути познания Бога возможны. Наша история наполнена такими блужданиями. Они — неизбежная судьба человеческого бытия. Но когда от этого отступаются, когда отказываются от поисков Бога, когда объявляют, что Его вообще нельзя найти и когда это утверждение становится своеобразной «догмой» и облекается в форму храмового культа, тогда этот культ становится не почитанием Бога, но Его осмеянием. **Храм единения всех культов есть осмеяние почитания Бога, ибо здесь Господь почитаем не истиной, но опровержением истины.** Этот замысел антихриста совершенно понятен. И когда люди подчиняются этому замыслу, когда они сами становятся участниками этого осмеяния, тогда суд над ними уже близок. Вот почему Христос мерзость запустения храма считает характернейшим и прямым знаком гибели. Именно поэтому Соловьев создание храма единства всех культов относит к последним годам господства антихриста. Всякий народ, всякая культура и всякий период истории должны содрогнуться, если они хоть в какой-нибудь форме причастны к этому осмеянию.

Тот же религиозный индифферентизм и скептицизм кроется и в лживом, якобы всенародном желании Аполлония, которое он проявляет в соответствии с волей императора, соединить христианские конфессии.

Соловьев рассказывает, что, избирая нового папу вместо убитого Петра II, император убеждал православных и протестантов «ввиду новой великой эры христианской истории, покончить старые распри, ручаясь своим словом, что Аполлоний сумеет навсегда упразднить все исторические злоупотребления папской власти». Православные и протестанты подчинились воле императора и составили акт соединения Церквей. Когда Аполлоний, избранный папой, показался в палате, «греческий архиерей и евангелический пастор поднесли ему свою бумагу». Приняв документ, Аполлоний сказал: «Я такой же истинный православный и истинный евангелист, каков я истинный католик». Этим он хотел подчеркнуть свою принадлежность ко всем конфессиям сразу, свою всеобщность или католицизм, стоящий выше отдельных конфессий и вбирающий в себя все конфессиональные различия⁵. Однако этот его католицизм, как и императорский храм всех культов, основывался не на высшей истине, но на **религиозном безразличии**. В своей душе Аполлоний не был ни православным, ни протестантом, ни католиком. Он был религиозно индифферентным, лжепророком, слугой антихриста и шутом толпы. И только такой человек мог присваивать особенности всех трех конфессий.

Реформа протестантов в вероучении и церковная реформа православных имели немалое значение для Христианства. Они затронули самые существенные начала Церкви и исказили их. Отрицание ряда догм и значимости официального учения означает утрату опоры в опознании ошибки. Если католическая Церковь

ошибалась на протяжении полутора тысяч лет, где гарантия, что не ошибается церковь Лютера^в? Согласимся, что субъективно Лютер был человеком глубокой религиозной природы. Однако объективно он предал свою церковь, передав ее в руки антихриста, ибо он разрушил в ней тот Камень, на котором Христос создал свою Церковь и которую не одолеют даже врага ада (ср.: Матф., 16, 18). Такой же смысл кроется и в церковной реформе православных⁷. Правда, догмы здесь не отвергались, как не отвергалась и значимость официального учения. Однако эта реформа разрушила единство Церкви, о котором так горячо молился Христос во время последней Вечери: «Отче Святыи! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы» (Иоанн, 17, 11). «Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову: Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня» (Иоанн, 17, 20-21). Единство Святой Троицы должно было найти отражение в Церкви и стать зримым знаком ее божественности. Православные отделились от этого единства и таким образом нарушили волю Христа и стерли с себя тот знак, то внешнее свидетельство, которое должно было убедить мир в том, что Христос был послан Отцом Небесным и что шествующая по истории Церковь действительно Им учреждена. Православная Церковь отказалась быть вселенской и замкнулась в своем узком кругу.

И протестантская и православная Церкви значительно отличаются от католической. Различия кро-

ются не только в разных человеческих началах, не только в отчужденности, вызванной историческими недоразумениями, враждой или ошибками, но и в преклонении перед антихристовыми силами, которое ведет к искажению подлинного учения Христа и к разрушению первоначального единства. Поэтому признание себя и истинным православным и истинным протестантом и истинным католиком означает отрицание всех этих различий как существенных; это означает не видеть в этих различиях ран, нанесенных Церкви, и таким образом не придавать никакого глубокого смысла существованию конфессий. Аполлоний возвращает конфессии не в некогда существовавшее единство ранних христиан, но **он их согласовывает на основе религиозного индифферентизма**. Они, вместо того чтобы своим соединением действительно выразить единство Святой Троицы, становятся пародией антихриста на это единство. Церкви могут соединиться только на основе богочеловеческой полноты Христа. Основа индифферентизма — издевательство над подлинным единством. В своей речи, которая уже упоминалась, Аполлоний высмеял единство конфессий и показал, какого рода единство является историческим знаком антихриста.

Но чего же добивается антихрист своим религиозным безразличием? Какая цель освещает его путь, которую он надеется осуществить, отрицая возможность познать религиозную истину? Ответ на этот вопрос дает установка антихриста по отношению к Богу. Дьявол, как мы видим, верит и дрожит. Однако эта его вера всего лишь теоретическая. В действительности

он ведет себя так, словно Бога нет. Он отрицает не само Его существование, но Его деятельность, Его проявления, Его Промысел, Его искупление, Его влияние на жизнь человека. Он пытается вытеснить Бога из человеческого сознания и заставить мир совершенно не думать и не говорить о Нем. Именно индифферентизм является одним из средств забыть Бога. Поступая так, словно все религии имеют одинаковую ценность и одну и ту же правду, антихрист хочет их всех опорочить в глазах людей и сделать так, чтобы человек отворотился от каждой из них. Провозглашая, что Бог недоступен и неведом, антихрист пытается заставить человека полностью забыть о Боге. **Основная цель индифферентизма — вырвать с корнем идею Бога из человеческого сознания.** И если бы только эта цель была осуществлена антихристом, тогда началась бы новая мировая история, история без Бога. Достоевский называет эти мечты антихриста «геологическим переворотом», придавая им, таким образом, космический смысл и значение. Как геологические события — потопа, ледники, землетрясения, затопление материков — открывают перед землей новые периоды в ее естественном развитии, так и извлечение идеи Бога из человеческого сознания открыло бы новую эру в истории человечества. До тех пор пока Бог живет в сознании людей, человек на земле никогда не бывает дома. Он всегда в пути, ибо идея Бога вызывает в нем тревогу и толкает его все дальше и дальше. Эта идея словно какое-то проклятие, словно знак Каина, который превращает человека в изгнанника и скитальца на земле (ср.: Быт. 4, 14). И только тогда, когда эта

идея будет уничтожена, когда человек сам сотрет этот знак со своего чела, только тогда он построит город и окончательно в нем поселится. Тогда и начнется новая его история, в которой он уже не будет странником, но только **жителем**.

Религиозный индифферентизм как раз и является восходом этой новой истории. **Это есть стремление не чувствовать Бога**. Это есть стремление и попытка вознести человекобога, для которого сознание собственного значения и собственной силы заменили бы небесное счастье. Это есть попытка в преходящести любви усмотреть долг считать своего ближнего своим братом. Поэтому в своих глубинах индифферентизм есть полное и безусловное безбожие, окончательное изгнание Бога не только из форм внешней жизни, но и из сознания человека. **Периоды индифферентизма в истории — это праздники победы антихриста**. Вот почему император «обнял и долго держал в своих объятиях» Аполлония, когда тот соединил конфессии на основе индифферентизма. В этот час антихрист почувствовал, что он одержал победу над Христом. Осквернение Бога здесь было глубоким и полным. Вся деятельность антихриста как раз и идет в направлении «геологических переворотов». Ее цель — вырвать идею Бога из человеческого сердца, сделать людей индифферентными, такими, которым совершенно безразлично, к какой конфессии принадлежать и в каком культе участвовать. **Уничтожение идеи Бога — конечная цель антихристовой деятельности**. Будучи не в состоянии уничтожить Бога в Его беспредельной Действительности, дьявол избирает путь к Его идее в человеческом

бытии и здесь начинает действовать, омрачая и разрушая эту идею до тех пор, пока совсем не искоренит ее. Тогда человек, это подобие Господа, Бога не отражает, и дьявол ощущает себя победителем, и антихрист торжествует со своим лжепророком.

IV. ЦАРСТВО АНТИХРИСТОВА ДУХА

1. ПОХОЖЕСТЬ НА ЦАРСТВО ХРИСТА

Антихристова деятельность созидает антихристово царство. Оно есть воплощение антихристовых свойств и дел в жизненной действительности. Оно — концентрация антихристова духа в человеческом бытии и в его историческом развитии. **Антихристово царство — это совокупность антихристова духа, выраженная в постоянных исторических формах.** Это историческая плоть этого духа. Это своеобразная «церковь», охватывающая всю жизнь во всем ее многообразии. Ранее уже упоминалось о том, что антихрист во всем подражает Христу. Он — обезьяна Бога, которая пытается поступать так, как поступает Бог. Антихрист — не творец. Он ничего не изобретает самостоятельно. Ему совершенно чужда оригинальность. **Подражание — его основной образ действия.** Вне сомнения, это подражание не является младенческой наивностью. Антихрист идет за Христом не как

за своим первообразом, дабы своей деятельностью постоянно Его осуществлять, как это делают святые, но — как за объектом, который он постоянно высмеивает своими действиями. Антихристова подражательность всегда скрывает в себе разрушающее начало. Дьявол подражает деяниям Бога для того, чтобы осмеять эти деяния и таким образом уничтожить их смысл. Откровение говорит, что зверь, выходящий из земли, этот дьявол в человеческом облике, «имел два рога, подобные агнчим» (Откр., 13, 11). Антихрист появился в мире, приняв внешний облик Христа. Но эта маска Христа, этот зверь, как сказано в Откровении, «говорил как дракон». Его внутренняя сущность оставалась демонической. Под маской Христа скрывался дьявол, но, заговорив, он выявил свою драконовскую природу. Однако пока он молчал, не один принял его за Агнца и попал к нему в сети.

Эта похожесть — и дел, и внешнего облика — антихриста на Христа проявляется и в его царстве. Воплощение антихристового духа в исторических формах тоже становится похожим на воплощение Христа в пространстве и времени. Повторяя те же самые слова и идя по тому же самому пути, антихрист добивается и сходства результатов. Всмотревшись в Церковь Христа, он создает свою «церковь», внешне похожую на Церковь Христа, но вещающую голосом дракона. **Царство антихриста — это маска Церкви Христа.** В своей повести Соловьев описывает эту маску до мельчайших подробностей. Антихрист — специалист по религиозным наукам, теолог, написавший обширный труд по библейской критике, он даже доктор теологии:

Тюбингенскому университету выпало «счастье» вручить ему почетный диплом доктора теологии. Он также весьма нравственный человек, милосердный не только по отношению к людям, но и к животным: сам он вегетарианец и противник вивисекции; он учредил строгий надзор за бойнями и поощряет общества защиты животных. Немая тварь, которая «совокупно страдает и мучается доныне» (Рим., 8, 22), может считать его своим освободителем, который ведет «от рабства тлению в свободу славы детей Божиих» (Рим., 8, 21). Еще раньше, занимаясь огромной благотворительной работой и выказывая величайшее бескорыстие, антихрист вводит в своем царстве «равенство всеобщей сытости»: здесь все братья, ибо все одинаково сыты. Он осуществляет мир и единство в мире. Он поддерживает христианские конфессии и заботится об их соединении. И наконец, он даже соединяет Церковь с государством, назначая своего канцлера папой, и таким образом прекращая вечную борьбу между Церковью и миром. Мир и Церковь воссоединяются во имя высшей действительности и воскресают в виде антихристового Царства. Эта новая «церковь» тоже имеет своих кардиналов, своего «чудодея» папу, свой храм всех культов, свое евангелие в сочинениях антихриста; она едина; в ней имеется даже преображенный мир, проявляющийся в удивительных знамениях и звуках; она мистическая, ибо связана с потусторонней действительностью, которой управляет Аполлоний при помощи своих магических слов. Действительно, два звериных рога, о которых говорит Откровение, очень похожи на рожки Агнца.

Однако более пронизательный взгляд может заметить, что вся эта похожесть есть только осмеяние и издевательство над Церковью. Соловьев рассказывает, что избранный папой Аполлоний для развлечения толпы «бросал по воздуху загоравшиеся от прикосновения его руки великолепные римские свечи, ракеты и огненные фонтаны, то фосфорически-жемчужные, то ярко-радужные, и все это, достигая земли, превращалось в бесчисленные разноцветные листы с полными и безусловными индульгенциями на все грехи прошедшие, настоящие и будущие». Разумеется, «народное ликование перешло все пределы». Казалось, что искупление пришло без жертвы и страдания. Милости падали с неба, радуя глаз и сердце. Однако «некоторые утверждали, — рассказывает далее Соловьев, — что видели своими глазами, как индульгенции превращались в преотвратительных жаб и змей». Это и есть исполненный глубокого смысла символ антихристового царства. Внешне это царство выглядит ослепительным, но только до тех пор, пока не заглянешь вглубь, пока огни горят в воздухе, не касаясь земли. Соприкоснувшись с действительностью, они превращаются в ползучих гадов. **Антихристово царство, воплощаясь в действительности, эту действительность не только не преобразует, вознося ее вверх, в царство радужного света, но сталкивает ее вниз, в мир отвратительных ползучих гадов.** В образе жаб и змей Соловьев раскрывает коварство и ложь антихристового царства. Папа церкви антихриста осыпает толпу благословениями. Но эти благословения, ослепившие толпу своим блеском, превращаются в ползучих гадов, отвратительность

которых потрясает человеческую природу. Антихристова действительность в своей сущности — это не царство света, это не очищенный и преображенный мир, но — земля, по которой под нашими ногами ползают жабы и змеи, антихристова действительность — это тяжкий, привязанный к земле, омерзительный мир. Эти загорающиеся в воздухе огни — сплошной обман: они загораются и исчезают, ибо они — это не свет Господа в Новом Иерусалиме, но всего лишь творения рук человеческих. Внешне они нам напоминают Божии, но в существе своем они из царства ползучих. Обманчивыми огнями и ползучими пресмыкающимися исчерпывается образ царства антихриста.

И все-таки, как замечает Соловьев, только **некоторые** видели, как индульгенции превращались в жаб и змей. «Огромное большинство было в восторге». Огромное большинство ничего не видело. В их глазах пестрели огни. Их внимание было сосредоточено только на том, что происходило в воздухе, далеко от этой действительности. Они не смотрели вниз на то, что происходило у них под ногами. Они не пытались прорваться через эту блестящую оболочку и понять смысл и содержание того, что находится под ней. Поэтому обман антихристова царства ускользнул от их взгляда. Они поддались его коварству и радовались, словно уже были той толпой, которая стояла «перед престолом и перед Агнцем» (Откр., 7, 9). Им казалось, что мир преобразился и что тяжкая история этой земли уже завершилась.

Однако любопытно — кто они, эти слепые? Кто смотрел только в воздух, забыв посмотреть на землю?

Кто эти люди, которые видели только фосфорические жемчужины и разноцветные листы индульгенций, но не заметили жаб и змей? Соловьев отвечает на это, рассказывая о том, что, когда в императорском дворце проходили выборы папы, «необъятная толпа народа со всех сторон окружила Харам-эш-Шериф. При наступлении ночи император, вместе с новым папой, вышел на восточное крыльцо, подняв "бурю восторгов"». Картина очень яркая и исполненная глубокого смысла. **Эти слепые, эти антихристом оболыщенные и ослепленные есть не кто другой, как безымянная, безличная, постоянно проявляющаяся в истории толпа.** Это в толпу бросал чудодей свои ракеты. Толпа была полем его благословений. Толпа глазела на вспыхивающие в воздухе языки пламени. Толпа видела листы индульгенций. Толпа радовалась им и кричала. Личное ощущение действительности здесь исчезло, духовное зрение подернулось туманом, критическое сознание ослабело. Здесь оставалось только сконцентрированное переживание, общее для всех, а потому порабощающее и пьянящее. Личность в массе мелькает. В нравственном смысле она даже совсем исчезает. Она погружается в общее настроение, достаточно сильное, чтобы убить личную жизнь, и слишком банальное для того, чтобы позволить почувствовать высшую действительность и глубинный смысл происходящего. Поэтому **толпа всегда наиболее оптимальное и наиболее надежное поле для созидания и расцвета антихристового царства.** Толпа слепа по отношению к антихристову духу, ибо она в состоянии видеть только маску этого духа, но не может увидеть того, что находится

под нею. Увидев рога зверя, похожие на рожки Агнца, она падает на колени и возносит хвалу зверю. Антихристу хорошо известна эта черта человеческого характера и поэтому во все времена он обращается не столько к отдельным личностям, сколько к этой безымянной толпе. Во все времена он хочет иметь **большое** число. **Культь числа — один из ярчайших знаков антихристового духа.**

Но число этот дух ценит не как таковое, но из-за его способности поработить человека. **Чем больше толпа, тем меньше в ней человек. И чем меньше становится человек, тем больше возрастает антихрист.** В земной действительности препятствием для антихриста является сильная личность. Но личность развивается и созревает только в одиночестве. Поэтому антихрист и не любит оставлять человека в уединении. Он постоянно заманивает его в толпу; он погружает его в общность; он не оставляет ему ни времени, ни сил для собственных мыслей и чувств. Все должно быть общим: работа и отдых, радость и печаль, семья и дом, квартира и инструменты, почва и мастерские, взгляды и установки, осуждение и похвала. И в этой общности всего должна раствориться всякая самостоятельность, всякая критика и всякая оригинальность. Здесь не надо мыслить, но надо исполнять. Оказавшийся в толпе и в ней растворившийся человек видит только то, что антихрист бросает в воздух; он видит только взрывающиеся в воздухе ракеты, но он не видит земли, он не видит действительности во всем ее проклятии, с ее ползучими жабами и змеями. **И чем больше человечество превращается в толпу, тем прочнее в нем**

утверждается антихрист. Толпа в истории — это чудовище и самая опасная угроза для Церкви. Это она самый серьезный отрицатель Общины Святых и глумитель над ней. Однако внешне она похожа на тех призванных «из всех племен и колен, и народов и языков» (Откр., 7, 9), поэтому она может обольстить и обмануть многих. Искушение числом — одно из самых опасных для современного человека, ибо оно более других способно ввести в обман. Прикрывшись числом, антихрист оскверняет даже самые святые вещи. **Число для антихриста есть маска ценности.** Качество антихрист заменяет количеством и им очаровывает людей. Возможно, здесь и кроется глубинный смысл того, почему имя земного зверя, то есть дьявола, принявшего человеческий облик, в Откровении выражено **числом**: «число его шестьсот шестьдесят шесть» (Откр., 13, 18). Царство антихриста — это царство толпы, а толпа — это величина, выраженная числом. Число, как выражение толпы, есть знак антихриста. Кичиться числом означает гордиться победой антихриста. Число — это одно из антихристовых средств обольщения людей. Поэтому Г. Марсель¹ справедливо утверждает, что только тогда мы останемся в духе, следовательно, в истине, когда освободимся от замороженности числом.

2. НАСИЛЬСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Однажды, когда земная жизнь Христа уже подходила к концу, один из законников спросил у Него,

какая заповедь самая главная, Христос ответил: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь» (Матф., 22, 37—38). На ней и из нее исходящей любви к ближнему «утверждается весь закон и пророки» (20, 40). И это не только нравственный закон. Это закон, который кроется в самом бытии человека. Если любовь, как говорилось, есть сила, направленная к бытию, то эта сила естественно стремится к Богу, ибо Бог есть Бытие живущих и Действительность действительностей. Во всех, кого мы любим, мы в действительности любим **Бога**. Нами любимые — всего лишь символы, всего лишь знаки любви к Богу, указывающие нам на другую действительность и повелевающие нам не останавливаться и не оставаться в них. Наше бытие, которому предназначено быть вместе, ищет другое бытие, с которым оно смогло бы свое существование сделать общим. Но никакая земная личность не является действительно другим. Никакая земная личность не сливается с нами настолько, чтобы мы с нею **были бы вместе**. Мы можем с ней вместе работать, вместе молиться, вместе радоваться и вместе страдать, но ни с одной личностью мы не можем **быть** вместе. Мы **бываем** каждый сам по себе. Мы несем ношу своего существования совершенно одиноками. И никто, никакая личность не может снять с нас эту ношу. **Быть вместе с другим означает принять на себя не только проявления существования этого другого, но принять и само это существование со всей его судьбой. Быть вместе означает и умереть вместе, ибо смерть постоянна.** Но

умереть вместе означает умереть не своей смертью, но смертью другого. Но сделать это не может ни один человек. Ни один человек не может умереть чужой смертью. Однако не будучи в состоянии принять на себя смерть другого, человек тем самым не может принять на себя и существование другого, ибо смерть как раз и есть сосредоточение существования в самой высокой степени. То, **что** мы бываем, и то, **как** мы бываем, мы испытываем только в смерти. От невозможности сделать общей смерть вытекает и невозможность существования вместе.

И все же нам предназначено быть вместе. Мы жаждем сделать наше существование общим, мы жаждем выйти из себя, вселиться в другого и в нем осуществлять себя. Мы уже говорили и здесь еще раз повторим, что **общее с другим бытие есть основа и полнота созидательного существования**. Быть истинно и совершенно мы можем только с другим. Но кто же может взять это наше существование и сделать его своим? Кто может **быть** вместе с нами? Кто может умереть **нашей** смертью? Человек? Отнюдь! Бог? Да! Но Бог не как Творец и не как окончательная причина вещей, но Бог как Искупитель. **Умереть нашей смертью и поэтому жить нашей жизнью может только Воплотившийся Бог**. И это не только теоретическая возможность. Это историческая правда.

Вечный Логос принял человеческую природу, не личную мою или твою, но **человеческую**, следовательно, полностью принял на себя само человеческое существование до самого его конца. Он его выстрадал и умер, умирал не своей **личной** смертью, но **нашей**

смертью, ибо нес в себе и наше существование. Поэтому именно во Христе и осуществилось это полное соединение нашего бытия с бытием Другого. Христос стал тем **Другим**, которого мы ищем, тем, на кого мы смогли возложить ношу своего существования и своей смерти. В Христе осуществилось наше предназначение быть едино. Таким образом, последовательно — Христос есть то Бытие, в которое устремляется наша любовь. Сама наша природа, которая влечет нас в потустороннее, в действительности влечет нас к Христу. Это Христа ищет наша каждая любовь. Это по Христу тоскует наше одинокое и уставшее от жизни сердце. Это во Христе хочет умереть всякий. Поэтому Христос и есть Тот, вокруг которого сосредоточивается та наша сила, которая направлена к бытию и которую мы называем любовью. Это она одна из основных сил нашего существования. Завет любить Бога «всем сердцем твоим, и всею душой твоей, и всем разумением своим» в глубинной своей сущности есть завет любить **Воплотившегося Бога**, Иисуса Христа, который принял наше существование и нашу смерть и потому стал целью и окончательным смыслом нашего бытия. Бог как Творец, как основа и причина всех вещей находится по ту сторону от нас. Его «никто никогда не видел» (1-е Иоанна, 4, 12). Но Он, Который есть Любовь, следовательно, также сила, направленная на другого, послал Сына своего в наше существование и в нашу смерть. «Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир едиnorodного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него» (1-е Иоанна, 4, 9). **Христос есть воплощение любви Божией к человеку**. Он есть ответ

на призыв нашего бытия. Мы призываем другого, чтобы быть с ним вместе, и Христос отзывается на наш призыв, делая общей с Ним и нашу человеческую природу и природу божественную. **Поэтому быть едино в самом глубоком и окончательном смысле означает быть с Христом и во Христе: богочеловеческое существование есть истинное существование вместе.**

Если любовь есть сила, направленная в бытие, если она выход из себя и остановка в другом, то естественно, что она нигде больше не может окончательно остановиться и успокоиться, как только в этом ставшем общим существовании и смерти, как только в этом богочеловеческом существовании, носителем и выразителем которого является Иисус Христос. Любить Бога означает любить Христа, ибо никто не приходит к Отцу, как только через Него (ср.: Иоанн, 14, 6). Кто не любит Христа, тот не любит и Бога. А кто не любит Бога, тот не познал Бога (ср.: 1-е Иоанн, 4, 8). Любовь к Христу есть основа познания Бога и вместе основа наших взаимоотношений с Богом, или с **религией**. Христос тот великий краеугольный камень, на котором покоится все наше человеческое бытие, которому предназначено выйти из себя и быть в другом. Любовь к Христу есть действительное осуществление этого предназначения и, таким образом, осуществление нас самих. В своем бытии мы бываем живы только тогда, когда бываем во Христе.

В свете этих размышлений мы поймем, почему антихрист в своем царстве пытается овладеть не только внешними формами жизни, но в первую очередь пытается подчинить себе внутреннюю жизнь человека,

поработить само его бытие и изменить направленность устремления этого бытия. Антихрист, зная, что человек всем своим существом ищет другого, кого смог бы любить, следовательно, с кем смог бы сделать общим свое существование и свою смерть, а также чувствуя, что этот Другой поистине есть Христос, и здесь, как везде и всюду, пытается вытеснить Христа и занять Его место. Он пытается заменить объект человеческой любви. Он пытается сделать так, чтобы человек вместо Христа начал бы любить его самого. Антихристу недостаточно того, что люди его принимают, ему поклоняются, послушны ему и выполняют его приказы. Внешнее господство это еще только половина успеха. Антихрист же стремится к полному успеху и потому хочет господствовать не только во внешней жизни, но и в сердцах людей. Он хочет, чтобы сила человеческого бытия была направлена к нему, чтобы человек свое существование соединил бы с его существованием, чтобы он сам стал вершителем и устройтелем человеческой судьбы. **Антихрист хочет любви человека.** Поэтому в своем царстве он устанавливает новый закон, «наибольший»: **любить его самого:** не только почитать и слушаться, но и любить, не только осуществляя его желания из почтения к нему или из страха, но по глубокому сердечному чувству.

Символическое выражение этот «новый закон» получает в повести Соловьева во время собрания конфессий. Император, встреченный «маршем единого человечества», встал около трона, величественно протянул руку и звучным приятным голосом произнес: «Христиане всех толков! Возлюбленные мои подданные

и братья! От начала моего царствования, которое Вышний благословил такими чудными и славными делами, я ни разу не имел повода быть вами недовольным; вы всегда исполняли свой долг по вере и по совести. **Но мне этого мало** (выделено автором. — А. М.). Моя искренняя любовь к вам, братья возлюбленные, дет взаимности. Я хочу, чтобы не по чувству долга, а **по чувству сердечной любви** (выделено автором. — А. М.) вы признали меня вашим истинным вождем во всяком деле, предпринимаемом для блага человечества». Объединив человечество политически, разрешив социальный вопрос, собрав конфессии для того, чтобы покончить с религиозным расколом, антихрист чувствует, что внешнюю жизнь он уже держит в своих руках, что мир уже подчинен ему. Но разве это победа, если сердца человеческие ему не принадлежат? Какой смысл будут иметь все антихристовы формы жизни, если душа человека по-прежнему будет исполнена любви ко Христу? Ведь душа, хранящая верность Богу, однажды пробудится и разрушит все эти формы. Поэтому антихрист пытается сделать еще один шаг вперед, шаг в само сердца человека. Он требует любви человека, его искреннего чувства, требует самого его сердца, овладев которым, он сможет спокойно праздновать свою полную и окончательную победу. И тогда его царству не будет угрожать никакая опасность — ни внешняя, ни внутренняя. Внешнюю безопасность будет охранять его армия: «и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем» (Откр., 13, 7); внутренний покой будет охранять искренняя любовь людей. Царство, основанное на силе

и любви, будет жить вечно. Христос будет окончательно побежден и изгнан из истории в недоступные сферы своего небесного Отца. Чтобы достичь этого, император и осмелился на этот последний шаг. Он осмелился потребовать любви от своих подчиненных, дабы победа его была полной.

Каким же способом он хотел добиться этой любви? Христос стал объектом любви человека потому, что Он принял на себя и его жизнь и его смерть, потому, что сделал так, чтобы божественное и человеческое бытие были едино. Чем же антихрист завоеует человеческое сердце? Что это будет за вещь или действие, которое повернет силу человеческого бытия по направлению к антихристу? Произнеся те роковые слова, в которых прозвучало требование любви, император продолжал: «Христиане, чем мог бы я вас осчастливить? Что дать вам не как моим подданным, а как единоверцам, братьям моим? Христиане! Скажите мне, что для вас всего дороже в христианстве, чтоб я мог в эту сторону направить свои усилия?» Не дождавись ответа, император стал сам определять, что именно для каждой конфессии всего дороже в Христианстве. Уже говорилось, что католикам он предложил восстановление авторитета папы, православным — археологический музей, протестантам — институт Священного Писания. Он надеялся этими дарами привлечь сердца христиан. И действительно, большая часть представителей всех конфессий поднялась на эстраду и заняла места у трона императора, таким образом выразив требуемое им искреннее чувство любви, ибо это восхождение на эстраду как раз и было знаком этой любви.

Но небольшие группы представителей этих трех конфессий не выразили любви к императору. Прибыв на вселенский собор, они внешне подчинились антихристу, но сердца своего ему не отдали. Как же с ними поступил владыка мира? Двух их вождей он убил, всех остальных выслал в пустыню. И так он поступил бы со всяким, кто воспротивился бы ему. Об этом он сам совершенно ясно заявил, когда Аполлоний молнией поразили папу Петра: «Так от руки отца моего погибнут все враги мои». Следовательно, **посулы и угроза — это те главные средства, используя которые антихрист пытается завоевать сердце человека.** Посулы соловьевского императора касались более или менее религиозных вещей. Но в ходе истории форма этих посулов меняется в зависимости от места и времени, обычаев народов, настроений отдельных личностей. Самые разнообразные вещи служат объектами этих посулов: деньги и высокие посты, почести и удовольствия, женщины и власть. Однако сущность их всех всегда одна и та же: **подкупить сердце человека вещью, которая ближе всего этому сердцу.** Христос завоевывает сердце человека тем, что Он жертвует ему Самого Себя. Антихрист пытается завоевать его тем, что он жертвует ему вещь. Отдав свою любовь Христу, человек соединяет свое бытие с богочеловеческой Личностью. Продав ее антихристу, человек начинает быть вместе с вещью. Для того чтобы преодолеть одиночество человека, Христос сам приходит к нему. Он становится Спасителем человека. Между тем антихрист вместо себя посылает вещь, а сам прячется за ней. **В царстве антихриста спасителем человека является вещь, а не личность.** Антихрист

не жертвует собой ради человека. Он не принимает на себя ни его существования, ни его смерти. Он не страдает и не молится за него. О едином существовании здесь не может быть и речи, поэтому не может быть речи и о естественном раскрытии человеческого бытия, о естественном прорыве любви к антихристу. Антихрист не может завоевать любовь человека. Он может ее только выманить своими дарами. Он может ее только купить. **Любовь антихриста всегда покупная: это любовь проститутки в самом глубоком смысле этого слова.** Антихрист блудодей не только по своему происхождению, но и по отношению к человеческому сердцу.

И все же его посулы соблазняют многих. Не один продает свою любовь за вещь и усаживается в тени императорского трона. История наполнена примерами такой продажной любви. История наполнена изменами Христу, наполнена развратом, ибо оторванность человеческой души от Бога уже в Ветхом Завете называлась прелюбодеянием. Новый Завет тоже говорит о великом Вавилоне, который «яростным вином блуда своего напоил все народы» (Откр., 14, 8), и о великой блуднице, с которой «блудодействовали... и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле» (Откр., 17, 2). Это символы человечества, человечества, которое продает свою любовь антихристу и тем самым блудодействует. Великая блудница, как рассказывает Откровение, «облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом» (Откр., 17, 4) и которая восседала «на звере багряном» (Откр., 17, 3) есть не что иное, как человечество, обвешанное подарками антихриста. И не имеет ровно никакого зна-

чения, как будут называться эти подарки: сытость, роскошь, техника, освобожденность от страха или как-нибудь по-другому. Все они **вещные**, все они находятся **рядом** с человеком, все они **плата** за измену Христу. Поэтому все они в существе своем **наполнены блудом**.

Трагедия истории как раз и состоит в том, что человечество предало свою первую любовь. Сын Человеческий в Откровении велит писать Ангелу Ефесской церкви: «Знаю дела твои, и труд твой, и терпение твое, и то, что ты не можешь сносить развратных... Ты много переносил и имеешь терпение, и для имени Моего трудился и не изнемогал. Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою. Итак вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела; а если не так, скоро приду к тебе и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься» (Откр., 2, 2-5). Если первая любовь будет предана, если она будет продана антихристу в обмен на его посулы, тогда уже ничем не помогут ни прежняя верность человечества Христу, ни почитание Имени Его в исторических памятниках, ни распространение Евангелия по всему жизненному пространству... Если человечество не раскается и не покается в своих блудодеяниях, его светильник будет сдвинут с места и падет великий Вавилон, как тяжелый жернов. Откровение рисует жуткую картину, повествуя о гибели этого напоенного блудом города: «и голоса играющих на гуслях и поющих, и играющих на свирелях и трубящих трубами в тебе уже не слышно будет: не будет уже в тебе никакого художника, никакого художества, и шума от жерновов не слышно уже будет в тебе; и свет светильника уже не появится

в тебе; и голоса жениха и невесты не будет уже слышно в тебе: ибо купцы твои были вельможи земли, и волшебством твоим введены в заблуждение все народы. И в нем найдена кровь пророков и святых и всех убитых на земле» (Откр., 18, 22-24).

В последнем предложении приведенного выше отрывка речь идет о втором средстве, которое применяет антихрист для завоевания человеческого сердца, а именно — **об угрозе**. Антихрист не только сулит, но и угрожает. Он не только покупает любовь человека, но и убивает тех, кто не продает ему свою любовь. Он не только блудодей, но и **человекоубийца**. Его царство наполнено «кровью святых и пророков» и всех тех, кто не продал ему своей любви. Великий Вавилон пал не только потому, что упился вином продажной блудодейной любви, но и потому, что убивал преданных Христу. Кровь пророков и святых тоже была причиной его падения. Ненавидя Христа, антихрист ненавидит и всех тех, кто любит Христа, тех, кто отвергает его дары и посулы. Будучи не в состоянии привлечь их своими посулами и усадить в тени своего трона, он убивает их. Он уничтожает их, чтобы избавиться от опасности, грозящей его царству. И это последовательное развитие этого царства. Основанное на себялюбии антихриста, созданное на насилии, подчинившее личность человека жизни толпы, это царство принимает только тех, кто продает свою любовь и включается в его распутную жизнь. Те же, кто хранит верность своей первой любви, должны исчезнуть. Они должны оказаться вне закона антихристового царства, они должны быть убиты как самые злонамеренные злодеи. Анти-

христ неуклонно идет по своему пути, поэтому угроза и убийство — обычные средства, применяемые им для упрочения своего господства.

И все-таки смысл антихристовой угрозы этим не исчерпывается. Антихрист убивает преданных Христу, но их сердца он все-таки не завоевывает. Он достигает внешней победы, но добиться внутренней победы, победы над душами людей ему не суждено. Угроза здесь не приносит результатов. Здесь происходит то, о чем говорил Христос: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Матф., 10, 28). Но это только одна сторона угрозы. Речь шла о столкновении антихриста с **самыми смелыми**. Но в истории есть и **трусы**. Поразительно, что Откровение именно таких людей **в первую очередь** посылает в озеро, «горящее огнем и серой»: «Боязливых... участь в озере» (Откр., 21, 8). Но разве трусость — грех? Разве виновен человек в том, что он по своей природе несмел? Мы понимаем, когда в это озеро отправляются убийцы, блудодеи, идолопоклонники, лжецы, но с трудом можем понять, почему среди них оказываются и **трусы**. Неумолимость Откровения объясняется антихристовой угрозой. Ведь **антихрист использует угрозу не только для того, чтобы убить, но и для того, чтобы принудить себя любить**. Угроза для него служит средством вызвать любовь. Читая в повести Соловьева о том, как «дрожащие князья церкви», видя бездыханные тела папы Петра и старца Иоанна, кричат «Pereant, pereant»², мы чувствуем, что эта большая часть представителей трех конфессий, усевшаяся в тени антихристового трона, не только продала свою любовь за антихристовы дары,

но и принудила себя полюбить антихриста. Эти люди были не только торговцами своей любви, но и трусами. Антихрист прекрасно их понимал. Он знал, что по истечении какого-то времени его дары им наскучат и они попытаются вернуть назад некогда проданное ему свое сердце. Поэтому, чтобы этого не случилось, чтобы их любовь к нему оставалась «верной» до конца, он наряду с посулами использует еще и угрозу. Угроза должна была служить укреплению любви людей к антихристу. Она должна была заставить их и не помышлять о том, что когда-нибудь они смогут разорвать эту блудодейную связь. **Антихристова угроза есть средство увековечивания продажной любви.**

И здесь мы вдруг начинаем осознавать сущность трусости, о которой нам повествует Откровение. Это не психологическая трусость, вызванная неустойчивостью нервов. **Трусость, о которой говорит Откровение, это душевная боязнь человека сломать свою неверность Богу.** Человек, продавший сердце свое врагу Божьему за какую-то вещь, находясь под воздействием угрозы, не находит в себе сил отказаться от этой постыдной сделки и вновь обрести некогда им отвергнутую свою внутреннюю свободу. Поэтому трусом является не тот, чьи **нервы** не выдерживают, но тот, кто однажды отринув Бога, позже не осмеливается принять угрозу **как раскаяние за свою первую преданную им любовь.** Но именно на таких людей и направлена вся тяжесть антихристовой угрозы. Антихристова угроза всегда направлена не столько на тех, кто верен Христу, ибо здесь она не приносит желанных результатов, сколько — на трусов, однажды уже предавших

свою верность, дабы они даже и не пытались восстать и оставить своего нового властелина. В этом смысле антихристовая угроза становится в истории весьма плодотворной. Только подарками антихрист не смог бы удерживать толпы в своем государстве. Толпе все наскучивает. Но когда к подаркам присоединена угроза, толпу охватывает страх, и тогда она становится верной до конца. Никто так не труслив, как толпа. Антихрист прекрасно знает эту особенность толпы, поэтому страх он использует постоянно. Угроза становится основным средством управления толпой: управления не только ее действиями, но и ее чувствами. **Любовь, которую антихрист выманивает своими дарами, в результате становится насильственной любовью.** Любящие его становятся толпой трусов, толпой, которая дрожит за себя и насылает погибель на других, дабы только самой сохраниться — сохраниться в своей неверности, в своей обезличенной и проданной жизни. И здесь снова происходит то, о чем говорил Христос: «бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне» (Матф., 10, 28).

Здесь становится явным, возможно, самое значительное — захватническое свойство антихриста. Антихрист захватывает место Христа не только в зримых формах жизни, но даже и в сердце человека одними и теми же способами и одними и теми же средствами, а именно — **силой и насилием.** Будучи возрожденным в силе, он эту силу использует везде и всегда. Он насилует даже любовь — это самое глубокое и самое святое человеческое чувство. Сначала он ее покупает, потом принуждает. Эту изнасилованную им любовь

он кладет в основу своего царства и таким образом делает ее осмеянием Мистического Тела Христа. И если Церковь Христа построена на свободной и искренней любви, то община антихриста строится на этой покупной, насильственной и потому лживой любви. Как и Христос, антихрист требует любви. Он называет своих слуг не подчиненными, но друзьями, как и Христос во время Последней Вечери (ср.: Иоанн, 15, 15). Как и Христос, он становится главой и центром своей общины. Но если Христос оживотворяет свою Церковь любовью и благодатью, то антихрист держит свою общину в тисках угрозы и страха. Таким образом он хочет высмеять любовь человека к Христу, его верность Богочеловеку, его свободу в любви. Основной закон Общины Святых, нашедший выражение в высказывании бл. Августина «*ama et fac quod vis*»³, в царстве антихриста превращается в свою противоположность. Человек здесь любит и дрожит, любит и не осмеливается. **В царстве антихриста любовь становится непомерным и тяжелейшим рабством.** Любовь по принуждению есть ни с чем не сравнимое осквернение и разрушение человеческого бытия. И только сломленные люди способны на любовь под угрозой. Чтобы человек смог высечь в своем сердце хоть искру такой вынужденной любви, его сначала надо сломать, обезчеловечить, уничтожить его личность. Картину такой любви, всплывшей в сердце сломленного человека, изобразил английский писатель Джордж Оруэлл⁴ в своем утопическом романе «1984». В этом романе дан образ недалекого будущего; будущего, в котором утверждается полный государственный тоталитаризм. Главный

персонаж этого произведения Уинстон Смит, арестованный «полицией мыслей» и запертый в подземельях «Министерства любви», был не только сломлен всего за несколько месяцев, но и «исправлен», дабы соответствовать тоталитарной жизни. О'Брайен, его палач и «исправитель», однажды во время пыток спросил Уинстона: «А как вы думаете, зачем мы держим здесь людей?» — «Чтобы заставить их признаться». — «Нет, не для этого. Подумайте еще». — «Чтобы их наказать». — «Нет! — воскликнул О'Брайен. — Нет! Не для того, чтобы наказать, и не только для того, чтобы добиться от вас признания. Хотите, я объясню, зачем вас здесь держат? Чтобы вас излечить! Сделать вас нормальным! Вы понимаете, Уинстон, что тот, кто здесь побывал, не уходит из наших рук неизлеченным? Нам неинтересны ваши глупые преступления. Партию не беспокоят явные действия; мысли — вот о чем наша забота. Мы не просто уничтожаем наших врагов, мы их исправляем». И дальше: «Ни один из тех, кого приводят сюда, не может устоять против нас. Всех промывают дочи́ста. Даже этих жалких предателей, которых вы считали невиновными, — Джонса, Аронсона и Резерфорда — даже их мы в конце концов сломали. Я сам участвовал в допросах. Я видел, как их перетирали, как они скулили, пресмыкались, плакали — и под конец не от боли, не от страха, а только от раскаяния. Когда мы закончили с ними, они были только оболочкой людей. В них ничего не осталось, кроме сожалений о том, что они сделали, и любви к Старшему Брату. Трогательно было видеть, как они его любили. Они умоляли, чтобы их скорее увели на

расстрел, — хотели умереть, пока их души еще чисты». Такой же путь переделки должен был пройти и Уинстон. «Не воображайте, что вы спасетесь, Уинстон, — говорил ему О'Брайен, — даже ценой полной капитуляции. Ни один из сбившихся с пути уцелеть не может. И если даже мы позволим вам дожить до естественной смерти, вы от нас не спасетесь. То, что делается с вами здесь, делается навечно. Знайте это наперед. Мы сомнем вас так, что вы уже никогда не подниметесь. С вами произойдет такое, от чего нельзя оправиться, проживи вы еще хоть тысячу лет. Вы никогда не будете способны на обыкновенное человеческое чувство. Внутри вас все отомрет. Любовь, дружба, радость жизни, смех, любопытство, храбрость, честность — всего этого у вас уже никогда не будет. Вы станете полым. Мы выдавим из вас все до капли — а потом заполним собой». И действительно, О'Брайен «выдавливает» Уинстона. При помощи пыток, унижений, доказательств и уговоров он делает Уинстона не **человеком**. Постепенно Уинстон начинает думать так, как того хочет партия, перед которой он провинился независимо от своих мыслей. Еще оставалось зажечь в нем любовь к Старшему Брату, как в тех трех предателях, о которых упоминалось выше.

Однажды О'Брайен, ведя Уинстона в свою комнату для допросов, сказал: «Вы исправляетесь. В интеллектуальном плане у вас почти все в порядке. В эмоциональном же никакого улучшения не произошло. Скажите мне, Уинстон, — только помните: не лгать, ложь от меня не укроется, это вам известно, — скажите, как вы на самом деле относитесь к Старшему

Брату?» — «Я его ненавижу». — «Вы его ненавидите. Хорошо. Тогда для вас настало время сделать последний шаг. Вы должны любить Старшего Брата. Повиноваться ему мало; вы должны его любить». Под пытками Уинстона заставили предать свою возлюбленную, существование которой он до поры до времени скрывал; его заставили предать ее самостоятельно, без требований и вопросов; предать, чтобы прикрыться ее телом от изголодавшихся крыс. И здесь Уинстон окончательно сломался. Его возлюбленная была для него последней опорой. Скрыв ее в своем сердце, он все еще чувствовал себя человеком. Предав ее, он предал последнюю каплю своей человечности. У него не осталось ничего **своего**. Мысли и чувства партии заполнили и пропитали его насквозь. Правда, отпущенный на свободу, он еще долго не чувствовал любви к Старшему Брату и удивлялся тому, что это чувство никак не проявляется. Однако однажды, услышав по телевизору, что армия Старшего Брата выиграла последний и решающий бой у Евразии и глядя на его портрет — «Колосса, вставшего над земным шаром!», Уинстон почувствовал некий переворот в своей душе. Он подумал: «Сорок лет ушло у него на то, чтобы понять, какая улыбка прячется в черных усах. О жестокая, ненужная размолвка! О упрямый, своенравный беглец, оторвавшийся от любящей груди. Две сдобренные джином слезы прокатились по крыльям носа. Но все хорошо, теперь все хорошо, борьба закончилась. Он одержал над собой победу. Он любил Старшего Брата»*.

* Дж. Оруэлл. «1984» и эссе разных лет. М., 1989. С. 171-174, 189-190, 199.

Этот образ есть образ антихристовой победы. Это образ сломленного человека, выпотрошенного, обесчещенного, растоптанного; человека, который живет не своей личной жизнью, но жизнью толпы, навязанной и помеченной антихристом. Этот человек уже любит врага Христа. Он победил самое себя. Более того, теперь он в лице О'Брайена насильно принуждает других вызывать в себе эту так называемую любовь. Антихристова угроза находит в истории и одобрение и исполнителей и потому витает по миру, увеличивая число выродков и расширяя их царство. **Мы приближаемся к эпохе сломленных людишек.** Изображенная Оруэллом картина будущего бесконечно ужасна, однако верна. Антихрист — полный тоталитарист. Он — захватчик по самой своей сути. Он несет насилие в самые темные уголки человеческой души. И когда ему удастся выиграть, он посылает носителей насилия в мир, их руками и их мыслями он насилует других, чтобы, сея страх, страдания, слезы, держать людей в повиновении и в постоянной оторванности от Христа. Насильственная любовь — это окончательная победа антихриста в земной действительности.

3. ЕВАНГЕЛИЕ АНТИХРИСТА

Принудительная любовь сплачивает общину зверя вокруг антихриста. Однако любовь — это то, что происходит внутри человека. Правда, она крепко привя-

зывает человека к любимой личности и делает любимого центром своих переживаний и забот. Однако сама по себе она не облакает в отчетливые формы ни эту привязанность, ни эти заботы. Любовь есть дух, и поэтому она не втискивает жизнь в яркие внешние формы. Между тем без этих форм невозможно никакое земное царство. Земная жизнь во всем ее многообразии требует для своего упорядочения и во избежание ошибок на своем пути различных законов, закономерностей, приказов. Поэтому всякий властелин этой действительности придает земной жизни определенные формы. Прежде всего всякий властелин вмещает ее в рамки своего мышления, выражает ее в определенной системе идей, а затем эту систему пытается осуществить в повседневности. У всякого властелина имеется свое евангелие, та **весь**, которую он возвещает земле и которую люди должны воплотить. Так поступают все преобразователи жизни, в том числе и антихрист.

Создавая на земле свое царство, антихрист тоже провозглашает свое евангелие и осуществляет его в своем обществе. **В антихристовом царстве тоже имеется свое священное писание.** Соловьев рассказывает, что этот удивительный гений, получивший дух дьявола и рожденный в силе, запершись в своей комнате с какой-то «сверхъестественной быстротой и легкостью» писал сочинение под заглавием: «Открытый путь к вселенскому миру и благоденствию». Это была книга его жизни. Прежние его сочинения, написанные в человеческом духе, встречали даже в какой-то мере острую критику. Ведь не может же мировоззрение одного человека быть настолько всеобщим, чтобы все объять

и всех удовлетворить. Поэтому критика — вещь сама собой разумеющаяся, естественная и в человеческой жизни необходимая. Поэтому как раз и удивительно, что последнее сочинение антихриста критики так и не дождалось: «своим новым сочинением он привлечет к себе даже некоторых из своих прежних критиков и противников... Никто не будет возражать на эту книгу, она покажется каждому откровением всецелой правды». Сочинение, вызванное к жизни сатанинским духом, удовлетворило всех. Почему? Чем оно очаровало читателей? Что же такое нашел в нем всякий читающий и почему то, что он нашел, не вызвало у него никакого предубеждения?

На эти вопросы Соловьев отвечает характеристикой антихристового евангелия: «Эта книга, написанная после приключения на обрыве, покажет в нем небывалую прежде силу гения. Это будет что-то всеобъемлющее и примиряющее все противоречия. Здесь соединятся благородная почтительность к древним преданиям и символам с широким и смелым радикализмом общественно-политических требований и указаний, неограниченная свобода мысли с глубочайшим пониманием всего мистического, безусловный индивидуализм с горячей преданностью общему благу, самый возвышенный идеализм руководящих начал с полной определенностью и жизненностью практических решений. И все это будет соединено и связано с таким гениальным художеством, что всякому одностороннему мыслителю или деятелю легко будет видеть и принять целое лишь под своим частным личным углом зрения, ничем не жертвуя для самой

истины, не возвышаясь для нее действительно над своим я, нисколько не отказываясь на деле от своей односторонности, ни в чем не исправляя ошибочности своих взглядов и стремлений, ничем не восполняя их недостаточность». Иначе говоря, **это была книга самого совершенного единства всего**. В ней всякий нашел самого себя, поэтому любая критика была невозможна. Всем казалось, что в этом сочинении действительно раскрывается всецелая правда. «Всему прошедшему будет воздана в ней такая полная справедливость, все текущее оценено так беспристрастно и всесторонне, и лучшее будущее так наглядно и осязательно придвинуто к настоящему, что всякий скажет: "Вот оно, то самое, что нам нужно; вот идеал, который не есть утопия, вот замысел, который не есть химера"». Поэтому «эта удивительная книга сейчас будет переведена на языки всех образованных и некоторых необразованных наций. Тысячи газет во всех частях света будут целый год наполняться издательскими рекламами и восторгами критиков. Дешевые издания с портретами автора будут расходиться в миллионах экземпляров, и весь культурный мир, — а в то время это будет почти значить то же, что весь земной шар, — наполнится славой несравненного, великого, единственного!»

Внешнее сходство этого сочинения с Евангелием Христа не вызывает сомнений. Евангелие тоже вне критики: в него либо верят, либо не верят. Даже Ницше⁵, этот величайший противник Евангелия, его не критиковал. Он смог только сказать: «Хорошо наврано, лъвица! — Gut gelogen, Loewe!». Юлиан Отступник

в драме Ибсена «Кесарь и галилеянин»⁶ рассказывает перепачканный чернилами со свитком папируса под мышкой и обещает так раскритиковать Евангелие, что все его учение в одночасье будет стерто с лица земли. Однако пока он бегал с папирусом под мышкой, Евангелие распространилось и утвердилось во всем культурном мире того времени. Юлиану так и не удалось раскритиковать Евангелие. Евангелие тоже переживается как раскрытие всецелой правды. В нем каждый находит ответ на вопросы своей жизни. В нем ничто не отвергается из того, что действительно ценно. Евангелие тоже распространилось по всему миру и переведено на языки всех образованных и менее образованных наций. Нет никакого сомнения в том, что Соловьев сознательно сделал сочинение антихриста похожим на Евангелие Христа, чтобы таким образом еще раз указать на сходство антихристового царства с Царством Христа и вместе с тем подчеркнуть внутреннюю противоположность этого сочинения Евангелию. Внешнее сходство здесь, как и во всем другом, всего лишь маска, дабы скрыть ту глубочайшую пропасть, которая лежит между Христом и антихристом.

Что же это такое — эта книга антихриста? Что такое этот **открытый путь** к вселенскому миру и благоденствию? И каким образом это сочинение может стать путеводителем человечества? Евангелие Христа тоже есть открытый путь к вселенскому миру и благоденствию. Но оно призывает человечество идти по этому пути **иначе**, не так, как указано в книге антихриста. Кто хочет идти в жизнь, провозглашаемую Христом, должен соблюдать заповеди (ср.: Матф., 19, 17). Кто

хочет быть совершенным, должен продать все, что имеет, раздать нищим, прийти и следовать за Христом (ср.: Матф., 19, 21). Кто хочет сберечь свою душу, должен потерять ее ради Христа (ср.: Матф., 10, 39). Тот, кто этого действительно хочет, должен отвергнуть «дела тьмы» и облечься «в оружия света», которые есть Иисус Христос (ср.: 1-е Рим., 13, 12, 14). Такие люди должны не любить мира, «ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей» (1-е Иоанна, 2, 15). Они должны возлюбить ближнего своего, как самого себя (ср.: Матф., 22, 39), ибо «по тому узнают все», что люди ученики Христа, если они будут любить друг друга (Иоанн, 13, 35). Они должны любить даже врагов своих и молиться «за обижающих и гонящих» их (ср.: Матф., 5, 44). Но, делая добро своему ближнему, они не должны привлекать к себе внимания людей (Матф., 6, 2); не молиться прилюдно (Матф., 6, 6), во время поста не должны быть унылы (Матф., 6, 16). Они не должны заботиться о завтрашнем дне, о том, что им есть и во что одеться (Матф., 6, 31-34). Они не должны судить и осуждать других (Матф., 7, 15). Они должны быть светом, чтобы люди видели этот свет и прославляли Отца Небесного (ср.: Матф., 5, 14-16). Что подразумевает под всеми этими требованиями Евангелие Христово? Не что иное, как то, что **путь Евангелия Христа есть путь перешагивания через себя**. Только высвободившись из форм этой действительности и облечшись в Иисуса Христа, можно достичь мира и благоденствия. Христос стоит над нами как высшая действительность, в которую мы должны шагнуть, если хотим идти Евангельским путем. Евангелие не остав-

ляет нас на этой земле. Напротив, оно велит нам отречься от всего древнего; оно велит оставить все, что нас привязывает к этой земле, даже наших отца и мать, нашего сына или дочь (ср.: Матф., 10, 37). **Основной образ действия Евангелия Христова — наше возвышение, наша трансценденция.** И в этом кроется его сущностное отличие от евангелия антихриста.

Соловьев очень точно замечает, что сочинение антихриста не требовало от своих читателей никакой жертвы для самой истины; оно не требовало подняться над своим *Я* или от чего-нибудь отказаться, или что-то в себе отвергнуть, или что-то в себе восполнить. Если в свете Евангелия Христова нам необходимо вместе со св. Павлом сказать себе: «Древнее прошло, теперь все новое» (2-е Кор., 5, 17), то евангелие антихриста принуждает нас говорить: «Теперь все древнее». В антихристовом евангелии каждый находит самого себя, но не такого, каким он должен быть, но такого, какой он **есть**. Односторонний мыслитель здесь может и дальше обретаться в своей замкнутости. Односторонний деятель здесь может и дальше не заботиться о своей внутренней жизни. Евангелие антихриста вполне устраивает и одного и другого, ибо оставляет их в прежнем их облике. Оно не требует и не провозглашает никакого перешагивания через себя, никакой устремленности в высоты, никакой трансценденции. Оно оставляет человека на этой земле в плену его прежних привычек, со всеми его недостатками, со всеми его ошибками и грехами. Евангелие Христа есть образ преображенной действительности; той действительности, которая сияет в вечном первообразе Бога. **Евангелие**

антихриста — копия современной действительности; такой действительности, какой она предстает в своей фактичности. Евангелие Христа уничтожает это земное бытие для того, чтобы на его месте возродился новый высший смысл и новая высшая ценность. **Евангелие антихриста увековечивает земное бытие.** Оно не уничтожает ни одной из его форм, ни его односторонности. Оно все оставляет навечно в том виде, в каком оно находилось до последней поры. Поэтому оно и не представляет собой какой-то идеал, стоящий над этой действительностью, который призывал бы эту действительность шагнуть в высоту, переступив через самое себя. **Само евангелие антихриста является этой действительностью,** которая приобрела форму мысли. Соловьевский антихрист словами выражает только то, что он нашел на земле. В этом отношении он тоже оказался никаким не творцом, но всего лишь подражателем, всего лишь фотографом, всего лишь подтвердителем нашей фактичности. «Я люблю ваш земной реализм», — говорит черт Ивану Карамазову во время ночного кошмара последнего. И эти слова черта являются основой всего антихристового евангелия. Любовь к земному реализму — дух антихристового царства, которым пронизано все его евангелие.

Таким образом, совершеннейшее единство этого евангелия, которым так явно восхищаются люди, есть глубокий обман. Земная жизнь беспорядочна и полна противоречий. Каждое начало этой жизни хочет двигаться в своем направлении до конца, оно желает все объять и заполнить собой. Однако здесь же оно сталкивается с другим началом, которое тоже полно точно

таких же всеохватывающих желаний. Это столкновение начал вызывает нескончаемые конфликты, и земное существование превращается в вечную борьбу всех против всех. Желание единства и мира, разумеется, постоянная мечта человечества. Может показаться, что в сочинении антихриста эта мечта как раз и была осуществлена. Но каким образом? **Разобщенные начала можно соединить только высшей связью, их может объединить только более высокое, нежели они, начало.** Они именно потому и разобщены, что не связаны такой высшей связью, ибо утратили ее и не знают, кто бы мог им вернуть ее снова. Но ведь в сочинении антихриста как раз и нет такой высшей связи. И хотя никто не мог хоть в чем-то упрекнуть это его сочинение, однако некоторые благочестивые люди задавали вопрос, «почему в нем ни разу не упомянуто о Христе». **Христос исключен из евангелия антихриста.** Он не является для этого евангелия высшей связью. Оно в Нем не примиряет с Ним все и земное и небесное (ср.: Кол., 2, 20). Сверхприродной действительности это евангелие не признает и ее не провозглашает. Всем своим грузом оно лежит в этой действительности, не преображая и не очищая ее. Тем самым оно отрекается от той высшей связи, о которой идет речь, единственно которая может свести все разобщенные земные начала в единство, согласовав их между собой.

Во всем развитии жизни действует неумолимый закон — **более низкую степень соединяет только высшая степень.** Культура соединяет природу, религия соединяет культуру; жизнь соединяет материю, дух соединяет жизнь. Бог соединяет дух. Это есть метафизи-

зический закон бытия, ибо уже в самом понятии единства заложено то высшее начало, которое отдельные части соединяет в целое. Совокупность по сравнению с ее частями вещь новая и более высокая и посему может быть подвижна и осуществляется только новым и более высоким началом. Однако антихристово евангелие, будучи в своей сущности той же самой действительностью, такого высшего начала не имеет и не может иметь. **Таким высшим соединяющим началом для природного порядка может стать только сверхприродный порядок.** Человеческую жизнь может соединить только Богочеловек, в котором Бог и человек соединены в личностном единстве. Между тем именно все это в царстве антихриста отвергается. Поэтому единство в антихристовом царстве не является единством в подлинном смысле, оно только — **маска единства.** Здесь нет внутреннего соединения, но всего лишь внешняя расстановка. Это не синтез, но всего лишь синкретизм. Это только внешнее сведение под одну словесную крышу всех противоречий при хитрой маскировке их общности, но без устранения из них самого духа противоречий.

Поэтому понятно, почему в этом евангелии каждый находит себя таким, каков он есть. Если бы евангелие антихриста являло собой **истинное** единство, то обязательно потребовало бы жертвы во имя этого высшего соединения. Единство без жертвы невозможно. **Желая соединиться, надо отречься от того, что разделяет.** Однако поскольку евангелие антихриста является всего лишь маской единства, всего лишь расстановкой противоречий одного подле другого, то оно

такой жертвы не требует. Стоять подле другого можно и такому, какой ты есть. Таким образом, перелистывая эту синкретическую книгу, каждый находит себя во всем содержании своей действительности, во всей своей фактичности и потому ничего не может сказать. Он принимает это евангелие, не критикуя его, ибо его **критика в действительности означала бы критику самого себя.** Евангелие же Христа не критикуют потому, что оно есть образ высшей действительности, недоступной для нашей критики, ибо у нас нет меры, которой мы могли бы измерить этот образ. Евангелие антихриста не критикуют потому, что оно является самой этой действительностью, ее фактичностью. Ведь критика всегда сравнение. Но с чем же можно сравнить эту действительность, если она единственная и окончательная? Однако именно в этой фактичности антихристового евангелия и заключается основа его успеха. Антихрист распространяет свое учение по всему миру. Он тоже идет ко всем народам, уча и крестя их. Он тоже распространяет свое священное писание в миллионах экземпляров. Но основа его успеха совершенно другая, нежели Христа. Евангелие Христа, провозглашающая людям победу над собой и отречение от себя, опирается на тоску по высшей действительности, кроющуюся в человеческой действительности. **Человек есть существо, которое всегда делает попытку переступить через себя.** В глубинах своей сущности он никогда не смиряется со своей действительностью, с фактическим своим бытием. Он ищет нечто более высокое, нежели он сам, он ищет нечто по ту сторону себя. Он может не знать, что является объектом этой

его тоски. Он может ошибиться в способах удовлетворения этой тоски. Однако **сама тоска** остается навечно и ведет человека за пределы этой действительности. Христос как раз и начинает свой подвиг с этой тоски человека. Он усиливает ее и вместе указывает ей направление. Он указывает ей истинный ее объект и содержание.

Соединяя человека с Богом, Христос как раз и приводит нас в ту высшую действительность, которую мы ищем, и удовлетворяет глубочайшие наши желания. Поэтому **Христос переживается человечеством как Осуществитель**, как Путь, по которому оно должно идти; как Истина, к которой оно должно стремиться; как Жизнь, которую оно должно прожить. Между **Христом и глубочайшей человеческой сущностью имеется гармоническое соответствие, ибо Христос есть первообраз человека**. Он есть ответ на великий вопрос человека. Он есть действительное разрешение проблемы человека. Поэтому высший человек, этот упоминаемый св. Павлом внутренний человек (ср.: Рим., 7, 22), в Евангелии Христа как раз и находит то, чего он жаждал и искал. Поэтому он принимает его с радостью; он сосредоточивает вокруг него все свое бытие; Евангелие действительно становится для него **благой Вестью**, ибо избавляет его от блужданий в потемках и от бессилия. Открывая Евангелие, человек открывает самого себя; читая его, он читает глубинное свое бытие, начертанное в вечных планах Господа. Указываемые Евангелием различия между человеческим образом в Боге и человеческой действительностью на земле только поощряют высшего человека не отступать от

Христа, как от своего Освободителя и Завершителя. Призыв Евангелия выйти за пределы этой действительности находит отзыв в природе человека и таким образом дает **естественное** основание для распространения учения Христа в мире. Вне сомнения, этим мы не хотим сказать, что вера в Евангелие возникает именно на этом основании. Нет! Вера есть благодать Божия. Вера — это проявление не плоти и не крови, но Отца Небесного. Евангелие дано свыше. Оно проистекает не из человеческой природы. Оно есть дар Божий в подлинном и прямом смысле этого слова. Однако поскольку благодать, чтобы смочь действовать и сохраниться, требует природы, то тем самым такой же природной опоры требует и Евангелие. И вот в выборе человеческого бытия переступить через самое себя мы и видим эту природную опору Евангелия. Если бы у человека не было такого выбора, если бы фактичность была бы для него, как и для животного, окончательной его судьбой, Евангелию некуда было бы снизойти и к им провозглашаемому перешагиванию действительности бытие человека было бы совершенно глухо. Однако поскольку человек по самой своей онтологической структуре чуток к потусторонней действительности, то он всегда готов к восприятию Слова Божия, звучащего с той стороны. Евангелие как раз и опирается на эту его «*potentia oboedientialis*»⁷, как ее называют католические философы, на эту его готовность и потому празднует свой успех как в отдельных людях, так и во всем человечестве.

То же происходит и с евангелием антихриста. Если сочинение соловьевского сверхчеловека получает

всеобщее признание, если оно затыкает рот всякой критике, если оно распространено миллионными тиражами, так только потому, что человек был готов к его восприятию: потому, что он тоже обладал определенной «*potentia oboedientialis*». **Евангелие антихриста тоже требует опоры в природе человека.** Найдя эту опору, отождествившись с ней и укрепив ее, евангелие антихриста начинает свой марш по истории человечества. Так что же является этой опорой? На что полагается антихрист, провозглашая свое учение? В чем заключается это соответствие между человеческими желаниями и антихристовым евангелием?

Ответ на эти вопросы мы находим в двойственности человеческой природы, которую св. Павел выразил в удивительно глубоком изречении: «желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу» (Рим., 7, 18). Св. Павел рассматривал эту двойственность с нравственной точки зрения и потому в основном говорил о сопротивлении плоти уму. Представляется, что плоть, или это плотское Я, в понимании св. Павла является чем-то более значительным и глубоким, нежели только зримый наш организм. **Плотское Я — это символ направленности человека в фактичность.** Как уже отмечалось, человеку предназначено переступить через себя. Однако человек **бывает** в фактичности. Переступить через себя — это постоянный призыв. Но фактичность — это то, что его не призывает, а **держит** в действительности. Поэтому человек непроизвольно оказывается между этими двумя перекрестными огнями: между вступлением в высшую действительность и существованием в этой действи-

тельности, между своим идеалом и своим фактом. Эти оба огня достаточно сильны, оба они оказывают на него значительное влияние, оба они помечают человеческое бытие знаком постоянного колебания. Под их воздействием человек иногда решает переступить себя, иногда — оставаться здесь; иногда он живет идеалом, а иногда — голым фактом; иногда он устремлен вверх, иногда — клонится вниз. И эти колебания есть судьба не только какого-то отдельного человека. Это судьба всего человечества до самого конца истории. Как мгновение смерти предопределяет последний выбор отдельной личности, так последний момент истории предопределяет последний выбор всего человечества. Но до тех пор, пока человек жив, пока история движется по своей борозде, колебания неизбежны.

Евангелие антихриста предлагают человеку именно тогда, когда он устремлен вниз, к своему факту; когда он решает остаться по сю сторону; когда призыв переступить через самого себя в нем до немоты глух. Евангелие антихриста, как уже говорилось, сама фактичность. Оно несет человеку не высшую действительность, но предлагает ту же самую, в которой он уже находится. Однако оно предлагает ее как **благою** весть в том смысле, что оправдывает и подтверждает решение человека оставаться по сю сторону и избавляет его от призыва идти вверх. «Я заклинаю вас, братья мои, оставайтесь верны земле, — говорил ницшевский Заратустра собравшейся на рыночной площади толпе, — и не верьте тем, кто говорит вам о неземных надеждах»*. Это

* *Ф. Ницше*. Так говорил Заратустра. М., 1990. С. 10.

закливание является своеобразным антихристовым искуплением. Здесь человек тоже чувствует себя освобожденным, но не от своей фактичности, а от того высшего, постоянно пробуждающегося в его тоске бытия. Не будучи в состоянии успокоиться и потому постоянно колеблясь, человек укрепляется антихристом и прочно помещается им в свой факт. Фактичность становится судьбой человека, и земля становится постоянной его родиной. Мечтателями и отравителями объявляются все те, кто говорит человеку о неземных надеждах. Человек чувствует себя избавленным от обманчивой и даже смертельной мечты. Вот почему евангелие антихриста ничего не требует от человека. **Утверждение фактичности — его сущность.** Его удовлетворяет такой человек, какой он есть. Поэтому и фактический человек, этот упоминаемый в Священном Писании **животный человек**, тоже удовлетворен этим евангелием. Он находит глубокое соответствие между своим стремлением вниз и антихристовым евангелием. Учение антихриста оправдывает и утверждает им выбранное направление. Так почему бы и не принять такое учение? Почему не восхищаться им и не распространять его? Так и распространяется антихристово евангелие в мире, не встречая никакой особой критики. Оно идет во все народы, завладевая всей их жизнью. До тех пор пока фактичность является для человека высшей действительностью, до тех пор и евангелие антихриста является для него высшей истиной. И чем больше человек ценит факт, тем больше он подготовлен к принятию антихристового евангелия. **Поклонение фактичности является антихристовой *potentia oboedientialis*.**

Таким образом, царство антихриста, как мы видим, в сущности есть царство этой действительности. Оно есть победа факта над идеалом и победа существования здесь над стремлением переступить себя. И в этом отношении антихрист тоже не является каким-то изобретателем или открывателем. Создавая свое царство, он не создает ничего нового. Ведь человек бывает в этой действительности постоянно. Он в нее призван или, говоря языком экзистенциальной философии, в нее заброшен. Фактичность — постоянное и глубоко овладевшее им состояние. Поэтому Весть означает — не оставить человека там, где он уже есть, но высвободить его, поднять его, помочь ему перешагнуть через это состояние. Но такую Весть приносит только Христос. Между тем антихрист своим евангелием ничего не изменяет и никого не высвобождает. Каждый в нем находит всего лишь то, что уже имеет. Каждый здесь радуется своему земному реализму, как тот черт из кошмара Ивана. Каждый здесь воплощается в семипудовую купчиху и верит во все то, во что верит она. Буржуазная предрасположенность человека, постоянное вживание в эту действительность такое же вечное, как и сам человек; все это в евангелии антихриста еще раз провозглашается, признается и благословляется.

Но именно в этом и заключается чудовищный демонизм этого евангелия. **Евангелие антихриста является противоположностью Евангелия Христа не потому, что оно признает эту действительность, но потому, что оно эту действительность провозглашает как Весть.** Христос тоже не отвергает эту действительность. Он

тоже находит человека в его фактичности. Но для Христа фактичность человека не является никакой вестью. Она — всего лишь то состояние ветхого Адама, которое постигает всех и всех угнетает. Но это состояние мучает не только человека, но и всякую неразумную тварь, попавшую в рабство «тлению» (ср.: Рим., 8, 21). Для Христа Весть есть освобождение человека и мира из этого рабства и открытие высшей действительности, в которой всякая тварь войдет «в свободу славы детей Божиих» (Рим., 8, 21). Между тем антихрист использует это древнее состояние, помещает в него человека во всей его фактичности и объявляет, что тот теперь уже «новый человек», господин будущего и властелин земли. Нигде так крикливо не говорят о том, что бытие уже обновлено, как в царстве антихриста. И нигде это бытие не остается таким же неизменным, как в том же антихристовом царстве; и это происходит не только потому, что у антихриста нет сил для его изменения, но и потому, что он, в сущности, не хочет его изменять. **Весть в царстве антихриста — это отсутствие чего бы то ни было нового.** Оставить человека таким, какой он есть, и все-таки провозглашать, что его сохранение в прежнем виде есть самое значительное его изменение, самый значительный переворот в его бытии и в его жизни — основная задача царства антихриста.

В этом отношении антихристово царство является подлинным **царством лжи**. Оставляя человека в его фактичности и вместе с тем желая эту его неизменность превратить в благую Весть, еще более благую, нежели Евангелие Христа, антихрист лжет человеку

не только словом, но и всей жизнью. Все формы его царства есть повторение старого. Но все они преподносятся как сущностно новые. Однако все они — ложь. **Новым в царстве антихриста являются только маски для сокрытия древнего бытия.** Поэтому и евангелие этого царства никакая не весть. Оно — древность в подлинном и глубочайшем смысле этого слова. И все-таки толпы, принимая его, ликуют. Все-таки они чувствуют себя спасенными своим собственным древним бытием. Вчера и позавчера, и столетия тому назад они были такими же, как и сегодня. Но тогда они не ликовали. Сегодня же, услышав слова антихриста о том, что они такие же, какими были и прежде, что их фактичность неизменна, они падают на колени перед этим своим спасителем и с открытыми сердцами принимают его евангелие.

Возможно ли еще более горькое осмеяние Христовой Вести? Когда Христос возвестил человечеству о необходимости переступить через самое себя и войти в высшую действительность, умнейшие мира сего принялись доказывать, что в Евангелии нет ничего нового, что оно всего лишь собрание всем давно известного. Но когда антихрист провозглашает фактичность и неизменяемость человечества, тех же разумников охватывает ликование от никогда ранее не слыханной вести, которая содержится в этом провозглашении, и они называют ее величайшим завоеванием прогресса. Но нужна ли человечеству тысячелетняя история для того, чтобы оно услышало из уст другого то, что оно само испытало: что оно такое, какое оно и есть — слабое, трусливое, лицемерное, лживое, ненавидящее, убивающее,

продажное? Надо ли было прикладывать такие огромные усилия для того, чтобы антихрист **в слове** выразил это древнее действительное состояние человечества? Разве **слово** антихриста является целью развития мира? Ответ, разумеется, отрицательный. Но если это так, тогда принятие антихристового евангелия означает не что иное, как крушение истории в своей бессмысленности, ибо **слово антихриста есть ложь**. Царство антихриста — это расцвет небытия на пространствах истории. Так каким же необычайно жутким эхом звучит ликование толпы перед лицом этого небытия!

4. ЕДИНСТВО

Создать в мире мир и единство было давнишней мечтой соловьевского антихриста. Еще до того рокового переживания у отвесного обрыва антихрист сравнивал себя с Христом и нашел, что только он, а не тот, его предтеча, призван успокоить и объединить мир: «Христос, как моралист, разделит людей добром и злом, я соединю их благами... Христос принес меч, я принесу мир». И это обещание стало задачей жизни антихриста, которую он осуществлял со всем усердием. Став римским императором, антихрист уже в самые первые годы своего господства издал манифест, в котором обращался ко всем народам мира. Манифест начинался словами: «Народы Земли! Мир мой даю вам!» и заканчивался речательством этого мира:

«Вечный вселенский мир обеспечен. Всякая попытка его нарушить сейчас же встретит неодолимое противодействие. Ибо отныне есть на земле одна срединная власть, которая сильнее всех прочих властей и порознь, и вместе взятых. Это ничем не одолимая, все превосмогающая власть принадлежит мне, полномочному избраннику Европы, императору всех ее сил. Международное право имеет наконец недостававшую ему доселе санкцию. И отныне никакая держава не осмелится сказать: "Война", когда я говорю: "Мир". Народы Земли — мир вам!»

Манифест, как замечает Соловьев, произвел в мире большое впечатление. Повсюду возникли партии единства мира, которые заставляли правительства своих государств примкнуть к Европейским Соединенным Штатам и отдаться под верховную власть римского императора. «Оставались еще независимыми племена и державцы кое-где в Азии и Африке. Император с небольшой, но отборной армией из русских, немецких, польских, венгерских и турецких полков совершает военную прогулку от Восточной Азии до Марокко и без большого кровопролития подчиняет всех непокорных». Во всех странах император ставит своих наместников. В течение одного года мир был объединен. «Ростки войны вырваны с корнем. Всеобщая лига мира сошлась в последний раз и, провозгласив восторженный панегирик великому миротворцу, закрыла себя за ненадобностью». Обещание императора было выполнено. Человечество легко вздохнуло, ибо вечная мечта о мире и единстве воплотилась в неожиданно могучем облике.

Нет никакого сомнения в том, что мир и единство антихриста являются ответом на стремление Христа дать **свой** мир и создать **свое** единство. Во время Последней Вечери, обещая ученикам послать Утешителя, Дух Святой, Христос сказал: «Мир оставляю вам, мир **Мой** даю вам: не так, как мир дает, Я даю вам» (Иоанн, 14, 27). Следовательно, мир тоже заботится о мире, его обещает и дает его. Однако мир Христа есть нечто совершенно другое. С одной стороны, Христос тоже совершенно определенно обещает соединить мир. «Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести; и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь» (Иоанн, 10, 16). Предрекая конец мира, Христос также указал на то, что «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам» (Матф., 24, 14). Во время Последней Вечери Он молил своего Отца, чтобы Тот сохранил в единстве Его учеников (ср.: Иоанн, 17, 9) и тех «верующих в Меня по слову их: Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Иоанн, 17, 20-21). Мир и единство Им учрежденной Церкви были одной из главных Его забот и обетований.

Но вот прошло уже две тысячи лет, а в мире нет ни мира, ни единства. Само Христианство расколото, правда, Евангелие проповедуется всем народам, но из разных уст, и поэтому верующие не приводятся в одно стадо. Те, **другие** овцы, не из израильской овчарни, идут за Христом разными путями, ибо слышат они разные голоса. О мире не может быть и речи. Христос говорил, что даст мир другой, не такой, какой мир дает.

Но эти речи оказались тщетными. Человечество продолжает терзаться, как терзалось уже тысячи лет. И чем теснее оно объединяется, тем ужаснее терзается. Обещание Христа осталось неосуществленным, и Его молитва не была услышана. Эту брешь и восполнил антихрист. Он провозгласил свой мир и осуществил его. Он соединил мир под своей властью, сделал его своей овчарней, а сам стал ее пастырем. Он даже устранил религиозные распри и раскол. Христианство под его властью стало одной овчарней с одним пастырем — чудодеем папой Аполлонием. Таким образом, то, что не удалось Христу, полностью удалось антихристу. В царстве антихриста осуществилась давняя мечта человечества снять с себя вавилонское проклятие и вновь слиться воедино в одном духе и в одном языке. Христос остался только зрителем. Он может лишь удивляться всеобщему согласию, которое Он хотел обосновать даже кровью своей, но которое, однако, почему-то выскользнуло из его рук. Между тем антихрист создал вожделенные мир и единство, не пролив ни одной капли крови.

В чем же все-таки заключается основа успеха антихриста? Почему мы не видим мира и единства, обещанных Христом, а мир и единство антихриста расцветают пышным цветом? Ответ кроется в тех основах, на которых строятся эти два мира и два единства. Во время Последней Вечери Христос, «взяв чашу и, благославив, подал им и сказал: пейте из нее все; ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Матф., 26, 27-28). **Христос не только провозгласил единство, но и обосновал его**

созидание жертвой Крови Своей. Кровь Его должна была стать связью, объединяющей людей. Его согласие должно было стать **согласием жертвы**. В онтологических своих основах Он через эту жертву примирил человека с Богом, соединяя «с Собой все... и земное и небесное» (Кол., 1, 20). Он примирил с Собою «И вас, бывших некогда отчужденными и врагами, по расположению к злым делам» (Кол., 1, 21). Во Христе мир стал един. Прежний отпад от Бога и внутренний разлад был преодолен, и мир крестной Крови Его возобладал в основах сотворенного. История после Христа должна была стать проявлением и расцветом этого главного единства. Единство, основанное на Христе, должно было раскрыться в зримых формах жизни.

Но что вело Христа в страдание и смерть? Почему в основу Нового Согласия Он положил свою собственную кровь? На это отвечает сам Христос: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоанн, 15, 13). Следовательно, **любовь к человеку** была тем стимулом, который привел Христа к самопожертвованию во имя спасения мира. **Жертва Христа есть жертва Его любви.** «Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою» (1-е Иоанна, 3, 16). Любовь вела Христа к жертве, а жертва соединила людей и с Богом, и между собой. **В основах Христова единства кроются начала любви и жертвы.** Поэтому и распространение этого единства в истории должно быть не чем иным, как распространением любви и жертвы. Христово единство не может проявиться в мире иначе, как только через осуществление любви и жертвы, ибо в сущности своей оно на этих началах

и построено. Вот почему и сам Христос, и Его Церковь с самого начала провозглашают любовь к друг другу и из нее рождающуюся жертву. **Любовь к ближнему в Христианстве есть проявление и распространение Божией любви.** Поэтому она и есть **знак** того, что имеющие ее есть ученики Христа (ср.: Иоанн, 13, 35), ибо кто не любит брата своего, тот не от Бога. Любовь к ближнему — **мера** оценки земной жизни, ее осуждения или спасения, ибо кто любит братьев своих меньших, тот любит и Христа, а кто отталкивает меньшего брата, тот Христа отталкивает (ср.: Матф., 25, 34-35).

Однако жертва естественно рождается из любви. Любовь же к ближнему должна проявляться «не словом», но «делом и истиною» (1-е Иоанна, 3, 18). Жизнь христианина должна быть жертвенной жизнью. Пример Христа класть жизнь за других должен распространиться в историческом искупленном человечестве. «И мы должны полагать души свои за братьев» (1-е Иоанна, 3, 16). И мы должны поделиться с ними всем тем, что у нас есть. Ведь «кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое, — как пребывает в том любовь Божия?» (1-е Иоанна, 3, 17). **Любовь без жертвы пуста.** Поэтому историческое развитие Церкви во всеобъемлющий космос в действительности есть не что иное, как все большее воплощение любви и жертвы во всех формах жизни. То, что Христос обосновал своей любовью и жертвою, христианский мир должен развить и осуществить во времени и пространстве.

Однако именно здесь и кроется та великая драма мира и единства, провозглашенных Христом, которую

антихрист использует для своей победы. **Любовь и жертва могут родиться только из свободы.** Всякое насилие здесь невозможно. Насильственная любовь есть разрушение человека, а принудительная жертва — государственный налог. Поэтому Христос и не принуждал людей любить Бога и ближнего. Он провозгласил этот новый завет как высшее начало своей религии, не указав способов, которые воплотили бы этот Его завет в исторической жизни. Воплощение должно было быть достигнуто свободным выбором человека. Христос не оставил и социального завета, следуя которому можно было бы распорядиться жертвой Его сторонников. Жертва должна была быть следствием свободной любви и потому — тоже свободной. Провозглашенные Христом мир и единство, наряду с любовью и жертвой, должны были быть порождены свободой.

Но именно здесь проявилась врожденная человеческая подлость. Свободная любовь и свободная жертва не только не распространились в истории, не только не завладели ее формами, но, кажется, еще больше замкнулись в границах малых общин и отдельных личностей, замкнулись сильнее, нежели это было во времена раннего христианства. Сегодня очень мало и истинной любви, и истинной жертвы. Уже не они открывают миру, кто есть ученик Христа, но документы письменности. Уже не они являются мерой дел христианских, но постоянный призыв — «Господи! Господи!» (Матф., 7, 21). Поэтому и может антихрист издеваться над Христом, что, мол, молитва того к Отцу Небесному не была услышана. Но жало антихристовых насмешек

в действительности вонзается не в Христа, но в **христиан**, которые не в силах выбрать свободную любовь и свободную жертву, а потому не в состоянии осуществить так желаемого Христом единства. Двухтысячная история — это постоянная резня между христианами именно потому, что в них нет любви к ближнему, ибо «**Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца**» (1-е Иоанна, 3, 15). Потому история и наполнена человекоубийством, восстаниями, раздорами, ибо она наполнена ненавистью к брату своему. Будучи свободным, человек может выбрать либо любовь и жертву, либо ненависть и человекоубийство. Первый путь ведет в Христово единство, второй — к разладу. Идя по первому пути, человек, как и Христос, **жизнь свою кладет за братьев своих**: свернув на второй путь, он **требует жизни другого за себя**. В первом случае он жертва, во втором палач. Однако здесь сам человек свободно определяется и свободно выбирает либо состояние жертвы, либо состояние палача. И если все-таки в истории большинство выбирает состояние палача, то это указывает не на слабость Христова единства, но является знаком уважения к свободе человека, ибо Господь почитает свободу даже тогда, когда она оборачивается против него самого. Вне сомнения, это горькая драма. Христос оплакивает не только Иерусалим, убивающий пророков и камнями побивающий посланников Господа (ср.: Матф., 23, 37), но Он оплакивает и все раздробленное и воюющее человечество; Он скорбит из-за раздора в Своей Церкви, скорбит о том, что нет любви и жертвы в Его сторонниках. Но человеческая свобода настолько великий и сущностный дар

Бога, что она достойна слез Христа. Оплакивая на гибель свою вступающий Иерусалим, Христос на самом деле оплакивал человеческую свободу, а с ней и всю построенную на той свободе мировую историю.

Антихрист не знает слез: дьявол не любит и потому не плачет; он не плачет в самом глубоком смысле. Видя, что свобода, данная Христом, открывает перед человеком два пути — к единству и к разладу, и видя, что люди обычно выбирают разлад, антихрист одним ударом уничтожает свободу человека, принуждает человека любить и жертвовать и таким образом создает свое единство. Единство Христа основывается на свободе, единство антихриста — на насилии. Слова воззвания антихриста-императора: «Мир мой даю вам» взяты из Евангелия (ср.: Иоанн, 14, 27). Однако Автор этих слов Евангелия не создал никакой сборной армии из иудеев, греков, римлян и не прошел с ней через культурные и недостаточно культурные народы. Мир и единство Христа должны были зародиться внутри. Их появление должно было вызвать воплощение Его самого на всех жизненных пространствах. Между тем антихрист свое единство навязал миру сверху. Его мир и его единство были насильственными. В своем манифесте он ясно сказал: «И отныне никакая держава не осмелится сказать: "Война", когда я говорю: "Мир"». Объединение мира в царстве антихриста происходит не через любовь и жертву, но через силу. Любовь здесь насилуется, а вымогание жертвы сегодня стало настолько всеобщим, что в нем мы не замечаем никакого противоречия. Таким образом, если Христово единство основывается на свободе, которая

проявляется в любви и жертве, то антихристово единство основано на насилии, которое проявляется в угрозе и смерти.

Таким образом, успех такого единства всегда обеспечен. Кто владеет силой, тот владеет миром; кто владеет миром, тот держит в своих руках и его единство. Антихрист, возрожденный в силе и воплотивший свою демоническую твердость в армии Европейских Соединенных Штатов, мог радоваться объединенному миру. Он вынудил людей отречься от своей индивидуальности, сойтись, став в ряд один подле другого, подчиниться его власти и даже полюбить его. Его единство по существу было **политическим**, поэтому и средства достижения этого единства тоже были политическими, следовательно, **насильственными**. Христово единство — **религиозное**, поэтому и средства его достижения тоже религиозные: свободная любовь и свободная жертва. В том, что политика может скорее объединить мир, нежели религия, то, что насилие успешнее может гарантировать мир, нежели свобода, сегодня никто не сомневается. Остается только спросить, чем же в сущности является это насильственное единство: подлинным единством или маской? Что связывает этих согнанных в одно общество людей и какие отношения между ними развиваются? Действительно ли в царстве антихриста господствуют **мир и единство**? Если смотреть поверхностно, может показаться, что антихрист действительно может похвастаться своими успехами перед Христом. Он может похвастаться тем, что объединил мир и даже Христианство. Но как все это выглядит изнутри? Бесспорно, что человек в глубинах

своей природы всегда стремится к миру и единству. Но находит ли он их в антихристовом царстве? Дает ли антихрист человеку то, чего тот ищет? Может быть, своим миром и согласием он как раз насмехается над этими надеждами и поисками человека? Ответ на эти вопросы как раз и раскроет подлинное лицо антихристового единства.

Единство в своей сущности есть не что другое, как зримое выражение существования вместе. Выбор человеческой природы — быть вместе, — воплотившийся во внешних формах жизни, как раз и создает единство. Мы едины тогда, когда мы не только **хотим** быть вместе, но когда действительно бываем вместе. Но быть вместе означает сделать свое существование общим до самого его основания, до самой его сущности. Быть вместе означает принять на себя существование **другого** и **ему** передать свое. Антихрист это существование вместе пытается осуществить не по свободному выбору человека, не по свободной любви и добровольной жертве, но путем насилия. **Антихристово единство** — **насильственное существование вместе**. Иначе говоря, антихрист **принуждает** жителей своего царства передавать свое существование другому и принимать на себя чужое. Он **принуждает** жить жизнью другого и даже умирать чужой смертью. То, что Христос осуществил свободной своей любовью, в антихристовом царстве каждый должен осуществить насильем. Каждый должен нести на себе грехи других, каждый должен за них страдать и даже умереть; но не по своей свободной готовности к этому, а по принуждению, по угрозе и по своей запуганности. **В царстве**

антихриста человек умирает чужой смертью из страха, чтобы ему не пришлось умирать своею.

Однако кем же становится в этом насильственном существовании вместе тот другой, чью жизнь человек вынужден принять на себя? Как человек переживает этого навязанного ему собрата? Когда человек по своей свободной любви и жертве делает общим свое существование с другим, он этого другого переживает как **ближнего** в прямом и первоначальном смысле этого слова. Он переживает его как того, кто находится бесконечно **близко** к нему, кто является его частью, его воплостителем, осуществителем его бытия. Но когда человек свое существование передает другому по принуждению, он видит в этом **другом** нападающего и захватчика. В этом случае этот **другой** уже не является ни ближним, ни братом, но бесконечно чужим и далеким. Он откуда-то приходит и где-то остается. Он не бывает вместе с нами, но только берет на себя наше существование и уходит **прочь**. Он уходит прочь не в смысле пространства. Пространственно он может жить с нами даже в одной комнате. Но он уходит прочь **онтологически**. Он не становится частью нас самих, осуществителем и исполнителем наших надежд, нашим ближним и братом. Он остается **около** нас. Поэтому он не осуществляет нашего бытия, но только обворовывает его. И не имеет никакого значения то, что он приходит к нам, возможно, и не от своего имени, возможно, даже не по своей воле, как и мы сами. Не имеет значения, что он чей-то посланник и кем-то уполномочен. В каждом случае он — **захватчик нашего существования**. В каждом случае

он нас грабит и обедняет, ибо мы отдаем ему свое существование не по свободной любви и жертве, но вынужденно. Нас присваивают под давлением чужой силы. Мы не переступаем через себя, но нас изгоняют из себя.

В антихристовом существовании «едино» так поступают **все**. В насильственном единстве все должны взять на себя чужое существование, а свое отдать другому. Таким образом, все должны грабить и быть ограбленными. Все должны изгонять друг друга из своего собственного бытия и вместе сами должны быть из него изгнаны. В этом отношении единство антихриста — постоянный и всеобщий грабеж и изгнание. **В этом смысле царство антихриста — шайка грабителей и изгнанников; однако грабителей и изгнанников не в социальном, но в онтологическом смысле.** Человек становится грабителем в самом бытии, ибо насильно захватывает существование другого; он тоже становится изгнанником в самом своем бытии, ибо другой изгоняет его из его собственного существования. Судьба Каина повторяется в каждом жителе антихристового царства, в каждом участнике антихристового единства. Каин был грабителем, ибо насильно захватил жизнь своего брата. Авель умер по вине Каина, но не свободно принесся жертву, а от удара этого человекоубийцы. Именно поэтому Каин и стал изгнанником, его удар отнял у него возделанную им почву и сделал его «изгнанником и скитальцем на земле» (Быт., 4, 14). Таким образом, Каинова печать лежит на всем антихристовом царстве. **Царство антихриста в действительности есть не что иное, как распространение Каинова**

поступка в истории. Быть грабителем и изгнанником на земле — удел царства антихриста.

Но разве не удивительно, что **ненависть** является тем основным чувством, которое жители этого царства испытывают друг к другу? Будучи вынуждены уйти из себя и переживая другого как захватчика их бытия, они защищаются от этого ограбления глубокой ненавистью к каждому, с которым согнаны в это насильственное единство. Не будучи в состоянии жить своей жизнью, они берут на себя чужую, однако берут ее, не испытывая любовь и не добровольно принося жертву, но испытывая ненависть и отвращение. Они ненавидят эту общность бытия. Они ненавидят того, кто их существование берет на себя. Они ненавидят и того, кто им навязывает свое существование. **Ненависть в антихристовом царстве становится главным отношением людей между собой.** Антихристово единство — это единство в ненависти. Ненависть — это общее чувство, охватывающее каждого, ибо каждый здесь грабит и каждый ограблен. Поэтому каждый ненавидит и ненавидим. Но ненависть в своей сущности есть закрытие своего бытия. Это серьезное опровержение существования вместе. Ненавидящий человек — это тот, кто не отдает себя другому и другого в себя не выпускает. В антихристовом царстве такая закрытость невозможна. Человек здесь вынуждается отдать себя другому и другого впустить в себя.

Однако никто не может заставить человека **признать** это раскрытие себя и принятие в себя другого. Участники антихристового единства берут на себя существование другого, но **в глубине** своей они этого

принятия другого не признают, они этого другого не считают своим и потому ненавидят его. Их ненависть, безусловно, глубоко скрыта. Она не может прорваться на поверхность. Она не может определять форм их жизни. Более того, **она должна быть скрывается под маской любви**. Внешне все жители антихристового царства должны считать друг друга братьями, друзьями, ближними. Они должны оказывать друг другу знаки любви. Они должны быть радостны и веселы. Но в глубине своей они навечно остаются наполненными ненавистью. Не будучи в состоянии прорваться на поверхность, эта ненависть становится еще более страшной и еще более гнетущей, нежели в том случае, если бы она нашла выход и вырвалась на свободу. Закрытость в себе здесь становится поразительно глубокой и прочной. Не имея возможности владеть своими мыслями, своими чувствами, своими радостями и своими печалью, иметь свою семью и свое общество, свою жизнь и даже свою смерть, человек опутывает ненавистью свое глубочайшее Я, к которому уже никто не может подойти, даже упоминаемая Дж. Оруэллом «полиция мыслей», которая при помощи автожиров и телевизионных камер следит за тем, что происходит в душах жителей этого царства. **Ненависть в антихристовом царстве — единственный способ сохранить от захвата глубочайшую человеческую сущность.**

Антихристу прекрасно известно, какую роль играет ненависть, и поэтому он старается пробить и эту последнюю скорлупу. Он пытается принудить людей любить его, следовательно, открыть перед ним ворота своей последней крепости, предать само свое Я и благодаря

этому стать **не-личностью**. Это слово используется Оруэллом для характеристики тех людей, которые провинились перед тотальной диктатурой и поэтому должны были превратиться в пар и исчезнуть. От них ничего не осталось — даже имени в списках. Они считаются **никогда не существовавшими**. Они превратились в **не-личностей**. Но это слово в своем глубинном смысле подходит к каждому участнику антихристового единства, которого ломает насилие, который уже не может даже ненавидеть и потому готов отдать на разграбление саму свою сущность, свое Я со всеми его глубинами. Но именно эта последняя работа антихриста, это превращение человека в не-личность бывает успешной только в отношении отдельных жителей его царства, только по отношению к **избранным**. Только избранные, такие, как Уинстон Оруэлл, начинают ощущать в себе любовь к Старшему Брату, между тем толпа ведет жизнь, полную глубокой ненависти. Под этой ненавистью толпа скрывает свое Я. Если взглянуть поверхностно, эта толпа кажется единой. Однако внутри себя она живет необычайно одинокой жизнью, ибо ненависть все превращает в холодную чуждость. **Нигде человек не бывает так сильно отделен от других, как в антихристовом единстве, и нигде человек человеку не бывает так чужд, как в антихристовом царстве**. Поэтому созданное антихристом мировое единство в своей сущности является только издевательством над подлинным единством, только его маской. Согнав людей в общность, антихрист еще больше отдаляет их друг от друга. Принудив внешне выказывать любовь и готовность к жертве, он зажигает в их

душах глубочайшую ненависть. Уничтожив войну в истории, он переносит ее в сердца людей. Царство антихриста превращается в борьбу всех против всех; в тайную войну, но эта война более глубокая и более страшная, чем любая открытая война. Таким образом, не напрасно Христос считает эту всеобщую внутреннюю междуособную борьбу знамением того, что на земле воцарился дьявол и потому конец света уже близок: «Предает же брат брата на смерть, и отец детей; и восстанут дети на родителей, и умертвят их» (Марк, 13, 12). Разве по такому единству тоскует человек, делая выбор быть едино? Но именно к такому единству он неизбежно приходит, если свой выбор отдает в руки антихриста.

5. БЛАГОДЕНСТВИЕ

Мысль о благоденствии, так же как и мысль о единстве, антихристу достаточно близка. Она возникает у него и при сравнении себя с Христом. Христос, по его мнению, «проповедуя и в жизни своей проявляя нравственное добро, был **исправителем** человечества». Между тем антихрист «призван быть **благодетелем** этого отчасти исправленного, отчасти неисправимого человечества». Он должен дать «всем людям все, что нужно». Социальный вопрос, невзирая на всевозможные усилия и попытки, остался неразрешенным даже до самих апокалиптических времен истории. Соловьев

рассказывает, что во времена монгольского ига социально-экономические проблемы стали особенно острыми. Правящие сословия пытались их решать, но всегда весьма поверхностно. Окаменелость духа любви и жертвы в христианском мире превратила в сон о прошлом ту первую иерусалимскую общину, в которой «никто ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее» (Деян., 4, 32). Поэтому объявившийся антихрист нашел в этой области значительную брешь и на ней сосредоточил свою деятельность. Во второй год своего господства он издал новый манифест, в котором провозгласил: «Народы Земли! Я обещал вам мир, и я дал вам его. Но мир красен только благодеянием. Кому при мире грозят бедствия нищеты, тому и мир не в радость. Придите же ко мне теперь все голодные и холодные, чтобы я насытил и согрел вас».

Для осуществления задуманного император объявил широкую социальную реформу. И поскольку в его руках были сосредоточены всемирные финансы, а кроме этого он владел колоссальными земными пространствами, то объявленную реформу он мог осуществить весьма своеобразным способом — «по желанию бедных и без ощутительной обиды для богатых». Каждый получал по способностям, а эти способности измерялись трудом и заслугами каждого. Основным стремлением императора в социальной сфере «было прочное установление во всем человечестве самого основного равенства — **равенства всеобщей сытости**». И этого равенства он достиг. Нищета в мире была уничтожена. Все были **одинаково сыты**. Социально-экономическая

демократия была осуществлена, и социальный вопрос окончательно решен. То, из-за чего человечество страдало тысячи лет, антихрист устранил одним росчерком своего императорского пера. Это свершилось во второй год его господства.

Каков же смысл этого его свершения? Почему благоденствие является одной из главных целей антихриста? Какое место занимает это благоденствующее начало жизни в царстве антихриста? Ответ на эти вопросы поможет нам глубже понять сущность благоденствия и его значение в человеческом существовании.

Благоденствие — это всестороннее удовлетворение плотского начала человека. Это то, к чему антихрист стремился и чего достиг — **равенство сытости**, но сытости, понимаемой в самом широком смысле. Все наше плотское начало постоянно голодно, ибо оно сущностно предопределено для рядом с ним находящегося объекта. Мы жаждем не только пищи, но и одежды, и квартиры, и тепла, и отдыха, и противоположного пола. Благоденствие как раз и есть удовлетворение этого разнообразного голода. Человеку хорошо быть только тогда, когда его плотское начало сыто: сыто пищей, сыто теплом, сыто отдыхом, сыто в своих страстях. Когда человек вбирает в себя определенную часть находящегося рядом с ним мира, он говорит: **«Сейчас я сыт»**. И это высказывание имеет удивительно глубокий смысл. Сознательно подчеркиваем слово **сейчас**, ибо оно, говоря о благоденствии, имеет необычайно важное значение. Человеку хорошо быть не тогда, когда он был сыт вчера, и не тогда, когда он будет сыт завтра, но только тогда, когда он сыт **сейчас**. Благо-

денствие — это сытое настоящее. И это самое полное его определение. Если смотреть Поверхностно, это само собой разумеющаяся вещь. Но в свете человеческого существования это «сытое настоящее» становится огромной и даже трагической проблемой. Ведь сытость — это удовлетворенность, а удовлетворенность это сохранность. **Удовлетворенный человек всегда бывает в настоящем.** Все его бытие сосредоточивается вокруг этого сытого его настоящего. Настоящее становится основной формой его экзистенции. Он не переживает прошлого и не стремится к будущему. Он размещается в настоящем и держится за него как за важнейшую опору своего существования. Существование сытого человека сужается до его «сейчас». Он бывает только **сейчас**, ибо **сейчас** он сыт и удовлетворен. Но если мыслить о человеке по-христиански, мы должны признать, что **в христианской концепции человека именно настоящее и есть преходящая форма времени.** Человек-христианин — *viator* — путник, то есть человек, который всегда находится в пути и никогда — дома. Иначе говоря, **христианин всегда в будущем и никогда — в настоящем.** Это человек, который постоянно перешагивает через себя и никогда не остается по сю сторону. Быть в пути — сущностный выбор человека.

В этом отношении **сытое настоящее** по существу антихристово понятие. Сытое настоящее, не позволяя человеку смотреть в будущее, принуждая его оставаться здесь, не позволяя ему перешагнуть через себя, удерживая его в этой действительности и заставляя его воспринимать эту действительность как свой дом,

сталкивается с присущим человеку свойством — странничеством — и извращает саму его природу. Делая настоящее основной формой времени, оно отвергает будущее и вступает в борьбу с **надеждой** человека: человек сытого настоящего — человек без надежды, но не в смысле отчаяния, но в смысле удовлетворенности. Он ни на что не надеется и ничего не ожидает, ибо ему хорошо быть в настоящем. Между тем надежда — одно из составных и сущностных начал христианского существования. Поэтому Христианство с самого начала своего существования недоверчиво относится к слишком возросшему благосостоянию и его роли в человеческой жизни. Правда, человек, будучи не только духом, но и плотью, требует определенного благосостояния, дабы смочь сохраниться на земле и что-то сделать. Но Христианство не согласно с тем, чтобы человек был чрезмерно обеспечен благами, чтобы его благосостояние превратилось бы в выражение сытого настоящего. Христианство пытается свести его благосостояние до минимума, до степени его необходимости, и оставить человека всегда **жаждущим**. Голод в Христианстве благословен, ибо он всегда есть символ высшей действительности. Плотский голод в христианстве есть выражение духовного голода, которым отмечено само бытие человека и объект которого сам Бог.

Таким образом, последовательно — вместо благоденствия Христианство провозглашает нищету, понимаемую тоже в широком смысле. Плотское начало, как говорит Христианство, никогда не должно быть совершенно сытым: ни пищей, ни помещением, ни одеждой, ни отдыхом, ни в своих страстях. В нем всегда

должно оставаться определенное **томление**, как указание на самую глубокую нашу тоску, которая направлена к Богу. Это и есть подлинный смысл нищеты. Нищий — это не тот, кто мало имеет, но тот, кто пользуется малым и малым удовлетворяется. Нищета, или всесторонний голод нашей плоти, согласуется с сущностным голодом нашего духа, с его надеждой и тревогой и потому становится верным его спутником. **Нищета устанавливает для нашего плотского начала такое же направление существования, какое имеет христианская душа. Нищета — это плотская тревога, устремленная к Богу.** Поэтому она и является самым лучшим способом для преодоления нашей двойственности и обуздания того живущего в нас закона греха, о котором упоминает св. апостол Павел (ср.: Рим., 7, 21). И поэтому Христианство всегда настаивало на неимущности. Поэтому и Христос в Назаретской проповеди благославлял нищих, плачущих, жаждущих, милостивых, гонимых (ср.: Матф., 5-11), следовательно, всех тех, кто не сыт — ни богатством, ни радостью, ни хлебом, ни противоположным полом, ни покоем, тех, кто всегда жаждет, тех, кто всегда неимущ. Все восемь Христовых благословений в действительности есть одно величайшее **благословение нищеты** как всесторонней жажды в нашей психофизической жизни. Благосостояния Христос не благословил. Напротив, Он заметил, что «трудно богатому войти в Царство Небесное» (Матф., 19, 23); трудно потому, что богатство постоянно влечет его в сытое настоящее, постоянно опровергает его страннический характер и манит оставаться по сю сторону. «Ибо, где

сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Матф., 6, 21), — сказал Христос. **Богатство всегда по сю сторону и сейчас.** Таким образом, оно и сердце человеческое делает сюсторонним и настоящим. Сытое настоящее — это выражение богатства, в него погруженное сердце трудно находит путь на ту сторону, в будущее, в надежду, которой мы живем и исполнения которой терпеливо ждем.

В свете этих рассуждений становится понятным, почему антихрист благословляет благоденствие и почему осуществляет его в своем царстве; почему он хочет быть не исправителем человечества, как Христос, но его **благодетелем**, его благотворителем в широком смысле слова. **Человек сытого настоящего не является христианином.** Таким образом, достаточно только распространить это сытое настоящее по всей земле, достаточно только сделать всех людей обеспеченными и удовлетворенными, и тогда царство антихриста возобладает само по себе. **Путь благоденствия один из успешнейших путей антихриста в историю.** Поэтому уже во второй год своего господства он и призвал все народы земли в свои закрома. Создание благоденствия, этого сытого равенства, было одной из первостепенных задач антихриста. Не любовь к людям подвигнула его на это дело, ибо антихрист любит только себя. Не сочувствие к нищете и горю людей сделало его благодетелем человечества. **Создание благоденствия руками антихриста никогда не есть социальное действие, но всегда — религиозное и метафизическое.** Это действие направлено на изменение направления человеческого бытия. Вместо направленности по ту сторону

бытие, обеспеченное антихристом, должно клониться к этой действительности и оставаться по сю сторону. Все царство антихриста — это голая фактичность. Оставить человека в этой фактичности самое сильное стремление антихриста. И благоденствие прекрасно служит этой цели. Если насильственная любовь и насильственное единство вызывают в человеке ненависть и поэтому всегда опасны даже в руках антихриста, то благоденствие всегда вызывает чувство благодарности и уважения и поэтому лучше всего укрепляет и поддерживает власть антихриста. Порабощенные иногда могут и восстать против своих поработителей. Но против благодателей никто и никогда не восстает. Поэтому благоденствие значительно лучше, нежели единство, средство для утверждения и упрочения антихриста в мире. Прикрывшись социальной любовью, антихрист создает на земле благоденствие для того, чтобы закрепить человека в его фактичности, чтобы заставить его забыть о том, что тот в пути. При помощи благоденствия антихрист пытается сделать человека не путником на этой земле, но ее постоянным жителем. Он хочет создать для него хорошую жизнь по сю сторону для того, чтобы он не думал о потустороннем, чтобы ему было жаль земли, чтобы она для него была не долиной слез — *vallis lacrimarum*, как говорится в молитве, но восстановленным раем. Ту действительность подменить этой действительностью — задача благоденствия в царстве антихриста.

Должно признать, что эта задача в истории осуществлялась не раз. Земным благоденствием или хотя бы надеждой на негр антихрист приманивает толпы

и таким образом расширяет границы своего царства. Вдохновленный евангелием благоденствия, антихрист высмеивает призыв Христа прийти к Нему и насытиться Им, «Ибо хлеб Божий есть Тот, Который сходит с небес и дает жизнь миру» (Иоанн, 6, 33). И люди слушают этого **благодетеля**. Они идут за ним. Земля, которой коснулся антихрист, представляется людям **Фавором**, где все сияет и сверкает, где **хорошо быть** и где толпа делает кущи себе и своим детям. Поэтому никогда еще не существовало ни одного более или менее значительного антихристового движения, которое не провозглашало бы и не осуществляло бы широкой социальной программы. Благоденствие — любимое прикрытие антихриста, которым он успешно пользуется в своей исторической деятельности. И чем больше расширяет антихрист свое царство в мире, тем более сытыми чувствуют себя толпы, находящиеся у него на службе. Апокалиптическое общество зверя в действительности есть общество **сытого настоящего**. Поэтому оно остается верным земле и не слушает тех, кто говорит ему о неземных надеждах.

Но это общество не замечает, что такое благоденствие является величайшим обманом человеческого бытия. Соловьев безошибочно замечает, что осуществление социальных реформ антихристом было весьма странным: **антихрист насыщал бедных, не затрагивая интересов богатых**. Он брал из своей императорской казны, от своих императорских земель и каждого наделял по его трудам и заслугам. Что это означает? Что хотел сказать Соловьев, используя этот символ? Не что иное, как то, что **благоденствие антихрист**

осуществлял не изменяя нашу действительность, но только прикрывая ее своими дарами. Нищета и беды появляются на нашей земле потому, что число материальных благ ограничено. Поэтому у одних, награбивших — их в избытке, у других же или нет совсем, или очень мало. Таким образом, всякая социальная реформа, проводимая в данное **настоящее время** старается уравнить количество материальных благ в руках их имеющих. Однако это невозможно сделать, не затрагивая интересов богатых. Но поскольку они не отказываются от своих благ и не жертвуют, ведомые свободной любовью, то их обычно вынуждают отдавать какую-то часть этих благ бедным, используя при этом законодательный порядок. Всякая крупная социальная реформа — это болезненный удар по одной части общества. Но этот удар неизбежен. Не изменив нашей действительности, нельзя изменить и распределения благ, без чего никакое социальное благоденствие невозможно. Но антихрист как раз и не изменял действительности. Богатым он оставил то, что они имели, и потому завоевал их благосклонность. Бедным он дал достаточно для того, чтобы они были удовлетворены, потому и обеспечил себе их уважение и благодарность. Вся общественность склонилась перед антихристом, ибо он, как казалось, разрешил никогда не разрешимую социальную загадку.

И все же лживость такого решения проблемы может не заметить только тот, кто ослеплен даром антихриста. Говорим — **дар, ибо вся социальная реформа антихриста основывается на даре**. Она не является осуществлением справедливого распределения на

земле, но — императорской милостью. Согласимся, что эта милость была достаточно щедрой, ибо она смогла обеспечить бедных на достаточно долгий срок. Однако в какой-то день все это должно было прекратиться. Антихрист не был **творцом** земных благ из ничего. Он должен был их откуда-то брать. Он должен был получать их, чтобы делить. И если в начале своего господства он нашел эти блага накопленными, то позже при разделении они должны были постепенно растаять. Неумолимо приближался тот день, когда антихрист должен был явиться к толпе с пустыми руками. **Всякая основанная на даре социальная реформа всего лишь сон.** Сон проходит, и непретворенная действительность предстает перед нами во всей своей нищете. Однако антихрист нисколько не колеблясь предлагает этот сон человечеству, ибо для него важно не столько обеспечить толпу, сколько отторгнуть ее от Христа и привлечь к себе. Он прекрасно знает, «что не много ему остается времени!» (Откр., 12, 12), поэтому создаст свое царство всего лишь ненадолго, на короткий срок, строя его на проходящих реформах. Для него неважно, что принесенное им благоденствие вскоре закончится. Его заботит только одно, чтобы люди, опьяненные его дарами, признали его своим вождем, преклонились бы перед ним, отпали бы от Христа и забыли сверхприродную действительность. Задача антихриста — **казаться, вместо того чтобы быть, высмеять, вместо того чтобы осуществить.** Поэтому он и провозглашает, поэтому он и высмеивает, поэтому он и играет роль величайшего шута на сцене мировой истории. **Антихристово благоденствие только маска подлинного**

благоденствия. Под ней скрывается социальная фактичность, не преображенная ни духом, ни буквой закона. Сама же маска сплетена из кончающихся земных даров. Толпа снова начнет нищенствовать и даже больше, нежели прежде. Разве не так это было при коммунистических социальных реформах? **Социальное благоденствие может возникнуть только на основе свободной любви и свободной жертвы.** Но оно может быть только очень условным, как условна и вся наша земная жизнь. Антихристова мечта — **равенство сытости,** жестоко мстит всем своим осуществителям.

6. ВЕСЕЛЬЕ

Насильственное единство слишком сурово и земное благоденствие слишком серо, если им не сопутствует **игра** в виде разнообразнейших увеселений. «Но если сытость есть первый интерес для голодных, — говорит Соловьев, — то сытым хочется чего-нибудь другого. Даже сытые животные хотят обыкновенно не только спать, но и играть. Тем более человечество, которое всегда *post rapem* требовало *circenses* ⁸». Поэтому третий год господства антихриста и стал годом обеспечения людей всевозможными увеселениями. Для того чтобы успешно решить эту задачу, император использовал чудадея Аполлония, который мог «притягивать и направлять по своей воле атмосферное электричество», поэтому люди стали думать, что он может

даже «сводить огонь с небес». Он действительно поразил «воображение толпы разными несслыханными диковинками». Поэтому император сразу распознал в нем своего помощника, принял его с распростертыми объятиями и поручил ему осуществить третью ценность своего царства, именно — веселье, которое должно было окончательно довершить создаваемое им земное счастье. «И вот народы земли, — рассказывает Соловьев, — облагодетельствованные своим владыкой, кроме всеобщего мира, кроме всеобщей сытости, получают еще возможность постоянного наслаждения самыми разнообразными и неожиданными чудесами и знаменьями». И действительно, Аполлоний повсюду сопровождал императора и везде являл свою чудодейственную силу. Где только собиралась толпа, там появлялся и Аполлоний со своими забавами. Основным способом его чудес была игра света, ракет, фейерверков в виде разноцветных цветов. Однако по случаю воссоединения Церквей в храме всех культов были слышны «восхитительные, прямо в душу идущие и хватающие за сердце звуки несслыханных дотоле музыкальных инструментов, и ангельские голоса незримых певцов славили новых владык неба и земли». Таким образом антихрист заглушил вопль толпы, звучащий еще со времен Рима — «panem et circenses». Хлеб он дал, произведя свои социальные реформы, зрелища — использовав чудеса Аполлония.

И здесь мы вновь сталкиваемся с вопросом: каков смысл этих антихристовых забав? Почему антихрист вводит в своем царстве игру? Что означает это увеселение толпы при помощи магии? Увеселение поставлено

на один уровень с единством и благосостоянием. И это не случайно. Это связано со всей направленностью жизни антихриста. Увеселение придает завершенность этой жизни и возлагает на нее своеобразный венец. Уже упоминалось о том, что царство антихриста — это голая фактичность, которая оставляет человека в этой действительности и привязывает его к ней. И единство и благоденствие служат средствами для выражения этой фактичности и ее утверждения в сознании человека. Но ни единство, ни благоденствие не придают этой фактичности зримого блеска. Ни одна из этих антихристовых ценностей не накладывает на нашу тяжелую действительность маску **преобразенной действительности**. Поэтому даже и соединенные в антихристовом единстве и погруженные в антихристово благоденствие люди всегда могут себе представить еще и другой мир, в котором не только хорошо, но и **красиво**. Красота — необычайно привлекательное начало. Ее исключительность вызывает в человеке тоску и заставляет его искать это начало. Между тем ни единство, ни благоденствие красоты не дают. Красота появляется только тогда, когда начинают **сиять** зримые формы действительности. Поэтому антихрист, зная склонность человеческой природы к красоте, и вводит ее в свое царство. Этим он придает зримый блеск формам этой действительности, делает их привлекательными для человеческого восприятия и этим сдерживает стремление человека в область потусторонней красоты. Для чего нужна какая-то другая действительность, если по эту сторону все преобразено и сияет? Кому это нужно — взбираться вместе

с Христом на Фавор? Не для того ли, чтобы увидеть лик Его, засиявший как солнце и сверкающие как снег Его одежды? Зачем это нужно, если здесь, по велению Аполлония, все возгорается удивительным сиянием? **Увеселения антихриста — средство затмить притягательность преображенного бытия.** Вместо сверхприродного света антихрист подсовывает человеку игру «атмосферического электричества». Вместо сияния сущности бытия он предлагает человеку радоваться земным вещам, которые освещены бенгальскими огнями. Агнец Откровения как светильник преображенной действительности здесь уступает место слуге антихриста Аполлонию. В царстве антихриста все так устроено, чтобы ничто не могло напомнить человеку о жизни по ту сторону, чтобы никто не вел его в ту жизнь, чтобы никто ее не указывал и не являл бы ее. Источник красоты в царстве антихриста является частью этой действительности, могущество красоты — техника, а проявления красоты всем хорошо известны. Красота, как могучий призыв в высоту, в царстве антихриста становится чисто сюросторонней вещью.

Но именно здесь проявляется, становясь понятной, обманчивость антихристовой красоты. Игра и увеселения в человеческом существовании имеют значительно более глубокий смысл, нежели это может показаться с первого взгляда, значительно более глубокий, нежели тот, который им придается в антихристовом царстве. В нашем омраченном существовании игра кажется нам выражением какой-то несерьезности. Правда, человек часто играет и веселится, но видит в этом занятии всего лишь один смысл — **снятие напряжения**

после работы. Он включает игру в ряд обычных дел своего повседневного существования, таких как сон, еда, удовлетворение страсти... Высшего смысла в увеселениях человек обычно не видит. Игра служит только для плоти, она служит всего лишь средством укрепления здоровья, дабы не износились до времени мускулы и нервы. Между тем духовная и божественная сторона веселья в понимании человека совсем стерлась. Поэтому когда на землю явился Христос и принес нам **Радостную Весть**, мы ее восприняли только как **весть**, ибо такого учения до сих пор не слыхивали; но мы никак не могли понять, почему эта весть должна быть **радостной** и что мы должны делать, чтобы выразить эту **радостную** сторону Евангелия.

А если бы все-таки поняли? И если бы все-таки эта **радостная** его сторона предстала бы перед нашими глазами во всей своей значимости? И если бы мы ее глубоко пережили бы и попытались бы эти свои переживания выразить внешне? Что мы тогда делали бы? Не что другое, как то, что перед лицом пришествия Господа возвещал пророк: «Восклицайте Господу, вся земля; торжествуйте, веселитесь и пойте. Пойте Господу с гуслиями и с гласом псалмопения. При звуке труб и рога торжествуйте перед царем Господом. Да шумит море и что наполняет его, вселенная и живущие в ней; да рукоплещут реки; да ликуют вместе горы пред лицом Господа; ибо Он идет судить землю» (Пс., 97); земля с живущими на ней, вся природа, весь космос веселился бы пред лицом грядущего Господа. Всеобщая радость, выраженная во всеобщем веселье, стояла перед глазами пророка как ответ на приход

царя Господа на землю. О чем бы это всеобщее веселье говорило? О всеобщей несерьезности? **Напротив, оно свидетельствовало бы о всеобщем освобождении и о переходе человека и мира в новое бытие.** Псалмы и песнопения, гусли и арфы, трубы и рога, шумящие моря и реки стали бы знаменами этого нового бытия. **Освобожденный человек начал бы новое бытие, играя и веселясь.** Но так было бы не только тогда, когда бы мы приняли и осуществили Евангелие. Так было и **в начале бытия.** В книге Премудрости есть одно место, которое читается в костелах как эпистола на праздничном Богослужении Непорочного Зачатия Девы Марии и Рождества Пресвятой Богородицы. Там речь идет о Божественной Премудрости, которая существовала прежде, нежели появилась земля, возникли горы, забили водные источники. Но эта Вечная Премудрость не была всего лишь пассивным наблюдателем творческих деяний Господа. **Она была их воплощающим началом.** Она «имеет сожитие с Богом» (Книга Премудр. Соломона, 8, 3)* и знает дела Бога и «присуца была», когда Бог творил мир (Книга Премудр. Соломона, 9, 9). Она все направляет и упорядочивает. Но как? Как проявляется эта устроительная деятельность Божественной Премудрости? Ответ дает она сама: «Тогда я была при Нем художницей... веселясь пред лицом Его во все время, веселясь на земном кругу Его» (Прит., 8, 30-31)**.

* Цит. по: Священные книги Ветхаго Завета. Санкт-Петербург. 1875.

** Цит. по: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Напечатано в Финляндии. 1993.

Веселье было способом действия Божественной Премудрости. Она играла водами источников, играя устанавливала границы морей, играючи укрепляла основание земли.

Так что же это такое — веселье в своей глубинной божественной сущности? Не что иное, как **состояние божественного и обоженного бытия.** Божественная жизнь есть совершенное непрерывное веселье. И когда человек включается в эту жизнь, когда он освобождается от тяжести греха, он тоже начинает существовать играючи. Те звучащие гусли, те рукоплещущие реки и шумящие море, о которых повествуется в Псалме (97), есть не что иное, как только легкий отблеск бесконечного веселья Божественной Премудрости. Искушенный мир включается в божественное состояние и тем самым выявляет свое новое бытие в виде веселья. И хотя в трудном и омраченном нашем существовании мы такого всеобщего веселья не наблюдаем и даже не понимаем его, все-таки оно вспыхивает перед нашими глазами в наших храмах во время коротких литургий. **Литургия — это веселье пред ликом Царя Господа и вместе с тем знак состояния искупленного человека.** В нашем культе проявляются крупинцы этой всеобщей радости, о которой говорит псалмопевец, который должен сопровождать грядущего Господа. В наших церквах сегодня происходит то, что должно было происходить на всей земле и что будет

В переводе используются разные издания Библии, ибо иначе невозможно было бы точно перевести авторский текст и те цитаты, которые А. М. приводит в своей книге.

происходить извечно в Новом Иерусалиме. Веселиться в глубинном смысле означает быть по-божески. **Веселье — это состояние святых.** Вот почему мы в этой действительности веселимся только во время литургии, ибо вся наша повседневность управляема грехом, **а грешники не веселятся.**

Но во что превращается веселье у Аполлония? Ни во что другое, как во внешний блеск, радующий глаз. Веселье антихриста не есть состояние непорочного и обоженного бытия, но только детское развлечение с бенгальскими огнями. Их свет это не внутреннее сияние бытия, освобожденного от всех несовершенств, но только искусственный свет, исходящий от поверхности предмета, который на этой поверхности и остается. **Фейерверки Аполлония — это маска преображенного бытия: это его сокрытие и осмеяние.** Поэтому кроме поверхностного удовольствия, которое они доставляют, они не несут в себе никакого более глубокого смысла. Здесь, как и везде, антихрист издевается не только над Христом, но и над самим человеком, плененным его знаменами и чудесами. Ведь разве не издевательством наполнена сцена, когда Аполлоний, этот новый папа антихристовой церкви, вместо того чтобы с балкона благословлять мир, берет из корзины ракеты и бросает их на головы толпы? Разве не за детей принимается эта от радости вопиющая толпа, которой вполне достаточно игры вспыхивающих в воздухе огней, чтобы забыть о своем непреобразованном мире и думать, что она уже попала в Новый Иерусалим, где «каждые ворота были из одной жемчужины» (Откр., 21, 21).

Глубокое презрение к человеку и ко всему бытию чувствуется в аполлониевских фейерверках. При их помощи антихрист пытается отереть каждую слезу с глаз толпы, подавить всякий стон и жалобу, предать забвению любую печаль и боль. Все это он пытается сделать, не преображая бытие, не очищая его, но только отвлекая внимание людей от их слез, стонов и от их боли. **Веселье** антихриста — это не **прорыв** совершенства **бытия**, но **лишь** средство забыть о несовершенстве **бытия**. Это своеобразное опьянение. Это чисто психологическое, но не подлинное впечатление, впечатление, не соответствующее действительности, а потому **ложное** в своем существе. Антихрист лжет в своем веселье, как лжет он и в своем единстве и в своем благоденствии.

Однако Соловьев обращает наше внимание еще на одну вещь, раскрывающую характер антихристовых знамений и чудес. Он рассказывает, что люди считали Аполлония **чудодеем**, что он действительно поражал воображение толпы невиданными диковинками, что его разнообразные знамения были постоянным источником радости народов земли. Этим Соловьев определенно хочет сказать, что **антихрист не просто обыкновенный обманщик в обычном смысле, но что он действительно делает удивительные вещи и потому прельщает толпу**. Христос уже в своей великой речи о конце мира предупреждал, что «восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса» (Матф., 24, 24). Св. Иоанн в своих прозрениях тоже упоминает о земном звере, который «творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на

землю перед людьми» (Откр., 13, 13). Связь антихриста с этими необыкновенными знамениями живет и в христианской традиции, и в повседневном сознании людей. Поэтому Соловьев своего Аполлония, которого считает зверем, вышедшим из земли, изображенным в Откровении, и делает чудодеем, позволяя ему своими великими знамениями увлекать толпы и привлекать их на свою сторону.

Но именно здесь возникает вопрос: что же представляют собой эти антихристовы знамения? Почему Откровение называет их **великими**? Свойственно думать, что антихристовы чудеса не настоящие, следовательно, настоящего чуда антихрист совершить не может, что он только обманывает людей своими трюками, в которых нет ничего сверхъестественного. И что это только толпе представляется, что он творит великие знамения, а в действительности он только одурачивает людей и больше ничего. Такое понимание антихристовых знамений включает зверя, вышедшего из земли, о котором говорит Откровение, в ряды «рыночных обманщиков», превращая его, возможно, в самого хитрого из них, но в сущности ничем от них не отличающегося шутника. И все же такое толкование некоторых мест Священного Писания, о которых идет речь, как кажется, противоречит той глубокой серьезности, с которой Откровение говорит о знамениях лжехристов и лжепророков. И Христос и св. Иоанн подчеркивают, что это будут **великие** знамения и чудеса. **В чем** же будет заключаться эта их великость? В их особенных свойствах или в том впечатлении, которое они вызовут в душах людей? Приведенное выше

толкование антихристовых знамений предполагает, что они будут велики по производимому на людей впечатлению. Но если это так, то почему производимое ими впечатление будет настолько сильным, что ими будут обольщены живущие на земле (ср.: Откр., 13, 14) и что они будут направлены на то, чтобы привлечь на сторону антихриста «если возможно, и избранных» (Матф., 24, 24)? Разве такое всеобщее обольщение и даже возникшая для самих избранных опасность быть обольщенными возможны при использовании обычных, пусть даже и непонятных и невиданных трюков?

Трюки и всевозможные проделки существовали в мире всегда. И всегда находились люди, которые им радовались и даже платили деньги, чтобы увидеть их. Однако особого значения трюкачи никогда не имели. И чем культурнее становится мир, тем менее значительной становится роль этих шутников. Согласимся, что проделки антихриста будут **особенными**, но все-таки они будут только проделками. А если это так, то живущие на земле, веря в них и находясь под их страшным влиянием, о котором говорит нам Откровение, должны быть весьма невзыскательны. Однако при возрастании культуры их взыскательность тоже возрастает. Поэтому трудно предположить, что мир, который не очень верит в истинные чудеса Христа и Его святых, легко поддастся на проделки антихриста и признает их **сверхъестественное** могущество. Подчеркиваем — **сверхъестественное**, ибо и проделка и чудо тут же теряют свою ценность, если только человек понимает, что в них действуют всего лишь **природные**

силы. Ведь антихрист обольстит людей не тем, что продемонстрирует перед ними могущество природы, но тем, что он убедит людей принять его знамения как **сверхъестественные**, возникающие из потустороннего мира и, таким образом, свидетельствующие о миссии, данной ему свыше. Он предстанет перед миром как мессия, как избранный и призванный, и будет совершать великие знамения для того, чтобы убедить людей принять его и преклониться перед ним. Поэтому все его знамения должны будут переживаться людьми как **сверхъестественные**. Иначе они не будут чудесами, тем более великими и значимыми. Все это заставляет предположить, что в понимании антихристовых знамений как проделок и трюков, о чем говорилось выше, отсутствует разгадка той серьезности, которую придает им Откровение, и поэтому такое понимание не раскрывает их подлинного характера.

Если, как обычно считают, **чудо есть событие в природе, не имеющее в ней причины**, то так понимаемое чудо может совершить и дьявол. Разве не было чудом, когда дьявол взял Христа из пустыни, перенес Его в святой город и поставил на крыле храма? Или когда он вознес Его на очень высокую гору и показал все царства мира и их великолепие? Это было действительно **событие в природе**: все это Христос видел не во сне, но Он действительно был вознесен на крыло храма и на вершину горы; Он действительно видел царства мира с их славой и богатством. Однако это событие в природе не имело **в ней причины**: Христос сам не взбирался ни на крыло храма, ни на гору; у Него не было ни телескопа, ни особо острого зрения, чтобы

объять мир. Причина этого события была **сверхъестественная**. Правда, не божеская, но дьявольская. Однако это ее свойство нисколько не уничтожает ее сверхъестественности, ибо дьявол тоже существо сверхъестественное. И разве не было чудом обращение дьявола к Еве в раю? Змей не приснился Еве, она **действительно** видела и **действительно** слышала его речи. Но в природе нет причины, которая позволила бы змею заговорить на человеческом языке. Змей в раю говорил не по причине собственного могущества, но — **сверхъестественного**, находящегося над его природой. Оно тоже было не божеским, но **дьявольским**, но от этого его сверхъестественность ничуть не уменьшилась. Повсюду, где только дьявол включается в человеческое бытие, он включается не естественным, но **сверхъестественным способом**. Он не сливается с какой-нибудь силой природы, но превышает и подчиняет ее. Даже сама одержимость бесом, или бесноватость, о которой так много говорит Новый Завет, есть чудо. В сущности, она есть не что другое, как насылание на человека болезни. Однако эта болезнь возникает не по какой-то естественной причине, но благодаря сверхъестественному влиянию дьявола на организм человека.

Так разве все эти действия дьявола, о которых так много рассказывает Священное Писание, можно называть не настоящими? Разве все эти демонические дела были только трюками и шутками? Ничуть! Все они были действительностью, сверхъестественной действительностью, которая несводима и невыводима из природных сил. Причиной их всех было могущество дьявола, стоящее над природой и потому способное

управлять природой и поставить ее себе на службу. Поэтому дела дьявола тоже есть чудеса, следовательно, события в природе, однако вызванные сверхъестественной силой. Согласимся, что все эти чудеса злы, вредны, что они совершаются на погибель человека, однако их дыхание ужасающе серьезно и исходит из сверхприродной действительности. Ведь сверхприродная действительность не только божеская, она и дьявольская. Об этом часто забывают и потому на сверхъестественные демонические силы не обращают должного внимания. Дьявольская сверхприродная действительность тоже может прорваться в природную действительность; дьявольская потусторонность может снизойти в человеческую сиюсторонность и здесь развить свою деятельность. Вне сомнения, все это возможно только с согласия Промысла Господня и только в им дозволенных границах. Но разве Откровение не говорит, что «сатана будет освобожден из темницы своей» (Откр., 20, 7)? И разве время его свободы не будет вместе временем его чудес и знамений?

Поэтому и антихристом совершаемые великие знамения мы склонны считать подлинными знамениями. Ведь антихрист действует не своей собственной силой, но силой дьявола. Он — посланник дьявола и его князь. Правда, он не действует именем дьявола. Дьявол никогда не показывается человеку в своем подлинном облике. Но от этого его могущество не исчезает. Часто он действует руками человека, но эти руки были возрождены в демонической силе. Истинным автором антихристовых знамений и чудес является дьявол. И все эти лжехристы и лжепророки, совершающие великие

знамения и чудеса, являются только орудием в руках дьявола. Поэтому в сущности эти знамения и чудеса надо связывать не с ними, но с самим дьяволом, который их совершает при помощи своих посланников. Вне сомнения, если бы все эти знамения и чудеса были **чисто человеческими**, тогда они неизбежно оставались бы в рамках проделок и трюков, ибо человек не может превзойти природу и поэтому никакого чуда совершить не в состоянии. Однако поскольку все антихристовы знамения в действительности и по своему существу есть работа дьявола и его проявления в истории, то поэтому все они **сверхъестественны** и именно этой своей **сверхъестественностью** могут прельстить людей и ввести их в заблуждение. Таким образом, здесь, как представляется, и заключается причина того, почему Христос называет их великими и почему предостерегает человечество от веры в них.

Так в чем же заключается различие божественных чудес Христа и дьявольских знамений антихриста, если те и другие **сверхъестественны**? Где та мера, которая помогла бы чудо Христа отличить от чуда антихриста и этому последнему не верить? Ни в чем другом, как только в **назначении** этих чудес. Антихрист Соловьева справедливо назвал Христа **исправителем** человечества. Спасти человека, выпрямить его, высвободить его от последствий греха было главной задачей Христа. Христос есть Спаситель и по своей сущности, и по своим деяниям. Поэтому и Его чудеса включены в эту Его спасительную, освободительную задачу и становятся одной из частей Его искупления. Они **освобождают** человека. Между тем антихрист —

и тоже справедливо — называет себя **благодетелем** человечества. Исправлять и освобождать человечество он не хочет. Он только хочет сделать так, чтобы этому человечеству было **хорошо** жить в этой действительности, чтобы оно не помышляло ни о каком высшем бытии. Задача антихриста не спасти человека, но закрыть его в этой действительности. Поэтому и его знамения подключены к этой работе по закрытию человека. **Чудеса антихриста потопляют человека в его фактичности.** В этом и заключается их сущностное отличие от чудес Христа. **Отношения с земной действительностью есть мера, руководствуясь которой можно отличить чудо Христа от чуда антихриста.** Если какое-нибудь сверхъестественное событие высвобождает человека из его фактичности, поднимает его к другой действительности и указывает ему цель — потустороннее, такое событие принадлежит божественной области. Но если какое-нибудь удивительное знамение оставляет человека по сю сторону, если оно привязывает его к ее фактичности, не позволяя его взгляду обратиться к потустороннему, оно принадлежит дьявольской области. Это знамение антихриста.

Поэтому чудеса Христа обычно имеют отношение к бытию **человека**, изменяя его и освобождая, знамения же антихриста обычно происходят **в мире**, следовательно, **около** человека, удивляя самого человека всего лишь своей необычайностью. И это весьма последовательно. Христос человека спасает. Поэтому чудо Он осуществляет **в нем самом**, дабы помочь и освободить человека: от болезни, от несчастья, от беды, от смерти. Между тем антихрист оставляет человека

таким, каким тот и был. Поэтому чудо он совершает для того, чтобы им удивить человека, заставить его поверить в мессианство чудодея, но не для того, чтобы помочь человеку преодолеть свою фактичность и вызвать в нем жажду высшей действительности. Вот почему Соловьев знамения антихриста сводит к задаче **увеселять** людей. Этим он как раз и выражает глубочайший демонический характер этих знамений. Сам Соловьев, как кажется, не склонен считать дела Аполлония действием сверхъестественной силы, поэтому их происхождение он и объяснял умением управлять атмосферным электричеством, следовательно, выводил из чисто природной естественной силы, подчиненной и управляемой человеком. В этом отношении Соловьев, как кажется, не распознал истинной основы антихристовых чудес. Но, отнеся их к области **увеселений**, Соловьев действительно понял, что **чудеса антихриста не затрагивают природы человека и не** изменяют **ее**. Они всего лишь радуют глаз, доставляют всего лишь поверхностное удовольствие, однако самого человека они оставляют в его неочищенной действительности.

В этом отношении знамения антихриста действительно **обман**, но не в том смысле, что они якобы **не настоящие**, но в том, что человек надеется с их помощью перешагнуть через самого себя и войти в высшую действительность, однако на самом деле они оставляют его в глубочайшей его фактичности. Своими знамениями антихрист хочет убедить людей в том, что **он**, а не Христос, является спасителем. Между тем в действительности он всего лишь **благодетель**, следовательно, распределитель внешних даров, не затрагивающий

самого бытия. И этот обман значительно глубже обмана всякого любителя пускать дым в глаза. Это обман в самом бытии. Это осмеяние спасения человека, ибо антихрист приходит в мир только увеселять, а живущие на земле встречают его как спасителя. «Чудеса» антихриста обманывают людей не тем, что они якобы являются проделками и трюками, но тем, что **они на благодетеля накладывают маску спасителя.**

Введением веселья антихрист завершает созидание своего царства. Главной задачей этого веселья, как мы могли понять из предложенного выше анализа, было: оставить человека в этой действительности, перекрыть перед ним все пути, ведущие по ту сторону, и убедить его быть верным земле. Обещанием единства, благоденствия и веселья и их осуществлением антихрист пытается прикрыть непреображенное стороннее бытие и уничтожить всякую надежду на высшую жизнь. Царство антихриста — это ответ дьявола на призыв Христа не собирать себе богатств на этой земле. Но удивительно то, что в ходе истории этот демонический ответ находит все больше сторонников и успешно распространяется в мире. История человечества становится воплощением царства антихриста.

V. ЦЕРКОВЬ ПОД ГНЕТОМ АНТИХРИСТА

1. ИЗГНАНИЕ В ПУСТЫНЮ

В действительности вся борьба антихриста направлена не столько против Христа, который сидит одесную Бога, сколько против Христа, который распространяется в истории, иначе говоря, **против Церкви**. Христос как Вечный Логос, как вторая ипостась Св. Троицы дьяволу совершенно недоступен. Дьявол борется с Богом не открыто, но через Его творения, их высмеивая, искажая и уничтожая. Открытая борьба с Христом для него невозможна. Будучи тварью, дьявол не имеет пространства, на котором смог бы начать борьбу. Тварь не имеет крепости, в которой она могла бы укрыться, дабы избежать ударов Творца. Она полностью открыта Богу и потому доступна для уничтожения в каждый момент своего существования. Поэтому открытой борьбы между Богом и дьяволом нет и не может быть.

Однако существует весьма острая борьба при посредничестве тварей Господних. Дьявол, заброшенный на землю и знающий, что у него не много времени, старается как можно прочнее на ней утвердиться и увести ее с пути, ведущего к Богу. Он пытается сделать так, чтобы все сотворенное Господом отпало от Него, как и он сам. **Борьба дьявола с Богом в сущности есть борьба за судьбу сотворенного.** Дьявол стремится уничтожить не Бога, но творение Божие. Он — враг творчества. Существование, как замечает Мефистофель Гёте, не имеет ценности, поэтому было бы лучше, если бы вообще ничего не возникло, а то, что существует, погибло. Поэтому все удары дьявола в действительности направлены на сотворенное Господом бытие. И чем выше творение, тем больше оно интересует дьявола и тем отважнее он на него нападает. А поскольку человек стоит на самой вершине сотворенного, поскольку он образ и подобие Господа, то он и есть **подлинный** объект ударов дьявола и **самая главная** его мишень. Бог борется с дьяволом в сердце человека. Это изречение Достоевского выражает всю сущность и цель той борьбы, о которой идет речь. Разрушить в человеке образ Божий, сделать его смешным подобием Бога — первоочередная задача дьявола. Борьба дьявола с Богом в действительности есть борьба за человечество.

Воплотившись в природе человека и приняв на себя весь трагизм человеческого существования, Вечный Логос тоже сделался доступным для нападков дьявола. Поэтому, не будучи в состоянии напасть на Христа в Его божественности, дьявол нападает на Него в Его

человечности. Как только Богочеловек появился на земле как Мессия, дьявол приблизился к Нему и начал Его искушать. Он искушал его плотским голодом; он искушал Его сверхъестественным могуществом; он искушал Его властью; следовательно, всем тем, чем он искушает, и зачастую успешно, человеческое бытие. Христос отверг все эти искушения и прогнал сатану. Однако Евангелие многозначительно замечает, что **«окончив все искушения, дьявол отошел от Него до времени»** (Лука, 4, 13). Иначе говоря, он отошел от Него, чтобы вновь вернуться. Вне сомнения, дьявол никогда больше не приблизится к Христу, который воскрес и взшел на небеса. То, что он воссел одесную Отца, избавило даже и человеческое начало Христа от любых умыслов дьявола.

Но дьявол вернулся к Христу, оставшемуся в истории: он вернулся к Его Церкви, которая есть Его Мистическое Тело, Его преображенный космос, Его искупленное человечество. Не будучи в состоянии погубить Богочеловека в Его индивидуальной природе, дьявол пытается преградить путь Его богочеловеческому распространению в истории. Церковь, как освобожденное человечество, становится центром и самым важным объектом нападок дьявола в мировой истории после Христа. Поэтому всякий антихрист, как помазанник дьявола и его посланник, во все века борется против Церкви. Прежде всего он — враг Церкви, препятствующий ее деятельности, ее гонитель, убийца ее святых. Создавая свое царство в мире, он сталкивается с Церковью как с царством Христа и потому начинает ее опровергать. Церковь становится самым большим

препятствием на его пути к цели. Поэтому он и начинает ее опровергать и нападать на нее.

В каких же основных формах проявляются эти нападки антихриста? Каково их значение для самой Церкви? Христос обещал, что Его Церковь «и врата ада не одолеют» (Матф., 16, 18). Поэтому в сущности Церковь погубить нельзя, ибо погубить Церковь означало бы превратить в ничто все искупление Христа. Однако удары антихриста все же могут нанести Церкви тяжелые раны. Какие раны? С другой стороны, антихристовы нападки заставляют Церковь укрепляться изнутри. Церковь защищается от нападков дьявола. В чем же проявляется это укрепление Церкви и ее защита? Вот целый ряд вопросов, которые возникают в связи с деятельностью антихриста в истории и на которые мы попытаемся ответить в этом разделе.

Первое, что пытается сделать антихрист, столкнувшись с Церковью, это **изгнать** ее **в пустыню**. Выказывание, конечно, символическое, но оно выражает сущность этого антихристового замысла. О нем упоминает не только Соловьев. О нем упоминает и Откровение. Св. Иоанн рассказывает, что «дракон сей стал перед женой, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца» (Откр., 12, 4). Однако «и даны были жене два крыла большого орла, чтоб она летела в пустыню» (Откр., 12, 14). Когда она родила, «восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его. А жена убежала в пустыню, где приготовлено было для нее место от Бога» (Откр., 12, 5—6). Пустыня здесь символ ухода из мира, в котором утверждается антихрист. Как следует из Откровения, сам Бог уводит

Церковь в пустыню, дабы спасти ее от нападок дракона. Соловьев также рассказывает о том, что его антихристов император, убив папу Петра и епископа Иоанна, издал приказ, в котором запретил сторонникам Христа «обитать в городах и других населенных местах». Тогда христиане направились в пустыню и остановились «на пустынных холмах у Иерихона». Таким образом, антихрист осуществил то, о чем говорится в Откровении, что зверь, вышедший из земли, отметит своих сторонников начертанием на правой руке и челе и сделает так, «что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его» (Откр., 13, 17).

Все эти символы имеют одинаковый смысл: **антихрист прежде всего пытается вытеснить Церковь из жизни**. Она должна уйти из семьи, из школы, из государства, из искусства, из науки, из философии и закрыться в стенах храмов. Она должна отказаться от задачи изменять жизнь по Христу и оставить себе только узкое поле деятельности — провозглашение и осуществление внутренней религиозности. **Настоящее место Церкви в пустыне, в которой никто не живет**: таково мнение и желание антихриста. Поэтому изгнание в пустыню продолжается на протяжении всей истории Церкви. Начиная с изгнания апостолов из городов Малой Азии и кончая лайцизмом и вызванным коммунизмом изгнанием монахов и священников из школ, больниц, приютов, даже из отдельных краев, антихрист все время пытается помешать Церкви утвердиться в жизни и подчинить саму жизнь духу

Христа. Он все время встает на ее пути, не позволяя ей окончательно вернуться из пустыни и «обитать в городах и других населенных местах».

Какой смысл имеет это изгнание Церкви из жизни? С одной стороны, оно значительно вредит Церкви. Церковь не является всего лишь общиной субъективной религиозности, кроющейся в душе человека. Она есть в истории раскрывающийся Христос. Она есть искупленный космос, несущий это искупление во все сферы. Если бы Церковь замкнулась только в стенах храма и имела бы дело только с субъективным настроением человека, она предала бы свое предназначение — продолжать подвиг Христа в исторической нашей действительности. **Искупление есть новое бытие.** «Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое» (2-е Кор., 5, 17). Искуплением мы «созданы во Христе Иисусе» (Еф., 2, 10), «сограждане святым и свои Богу» (2, 19): более того, мы «дети Божии» (Рим., 8, 16) и перенесены «от власти тьмы» и введены «в Царство возлюбленного Сына Своего» (Кол., 1, 13). Таким образом, если Церковь призвана распространять в истории искупление Христа, то она должна его распространять так, чтобы строить это новое бытие на всем жизненном пространстве, чтобы все делать новым, чтобы в Иисуса Христа облечь все сферы и все формы.

Правда, искупление прежде всего относится к **человеку**, ибо ведь человек — творец жизни. Христос крестит духом и огнем прежде всего **личность**. Но эта принявшая крещение и укрепленная личность создает **новую жизнь**, также отмеченную огнем Святого

Духа. Она создает новую семью, новую школу, новое общество, новую науку, новое искусство, новую философию. Формы внешней жизни исходят от человека и на нем держатся. **Поэтому изгнать Церковь из этих форм означает запретить человеку жить и действовать по-христиански;** иначе говоря, запретить вере распространяться на дела человека. Само собой разумеется, что такое ограничение веры только душой отдельного человека препятствует воплощению Духа Христа во всей его полноте. Это ограничение раздваивает человека и требует верить так, а делать иначе. Неудивительно, что во все века Церковь отрицательно относилась к такому раздвоению человека. Во все века Церковь во имя человеческой совести требовала, чтобы за человеком было признано право не только верить, но и жить в соответствии со своей верой. Во все века Церковь требовала, чтобы жизнь человека во всем ее содержании и во всех ее проявлениях была не чем другим, как зримым воплощением его веры.

Поэтому она всегда противилась изгнанию в пустыню: отделению ее от жизни, вытеснению из внешних институций, ибо в этом она видела не только искажение личности человека, но и отрицание искупления Христа. **Церковь есть совокупность.** В нее вмещаются вера и дела, личность и жизнь, — эти пары неразделимы: дела это не что другое, как воплощенная вера, и жизнь не что другое, как распространение личности. «Вера без дел мертва» (Иаков, 2, 20), и личность без жизни обеднена. Не позволять вере проявляться в делах означает убить саму веру. Не позволять личности распространяться в жизни означает подавлять

саму личность. Антихрист это прекрасно знает и именно таким способом пытается разрушить веру и погубить христианина. **Изгнание Церкви в пустыню есть в сущности покушение на искупление Христа.** Антихрист надеется, что изгнанная из жизни Церковь будет в конце концов вытеснена и из самого человека. «Обесхристианить» душу человека — конечная цель антихриста, к которой он идет через «обесхристианивание» жизни. На этом пути он достигает значительных результатов. В тех странах, где антихристу удалось «обесхристианить» жизнь, по прохождении некоторого времени увядала сама душа, ибо она не находила опоры во внешних своих делах. В жизни «обесхристианированных» стран появляются признаки апокалиптического отпада. Поэтому изгнание Церкви в пустыню всегда болезненный удар и глубокая рана на Мистическом Телe Христа.

Но с другой стороны, это изгнание имеет и провиденциальный смысл. **Пустыня — это символ не только отделения, но и обновления.** Это такая сфера существования, куда после крещения Христос «возведен был духом» (Матф., 4, 1) и где драконом преследуемая жена нашла «место от Бога» (Откр., 12, 6). Пустыня есть символ возвышения человека к Богу, его встречи один на один со своим Господом, его удаления от всех отягощающих его и мешающих ему земных форм. Поэтому всегда, когда христианин слишком погружается в жизнь и слишком ревностно отдается ее делам, у него возникает потребность удалиться в пустыню, поститься и молиться, дабы вернуться в себя, дабы окрепла его личность и его вера, которые должны

проявляться и в его жизни, и в его делах. **Пустыня** — **составное начало христианской жизни**. Христианин, если только он не хочет причинить своей душе ущерб, никогда не может **совершенно** покинуть пустыню. Это общий закон всякого христианского существования, который применим как к отдельным личностям, так и к целым обществам.

Этот закон применим и к Церкви в ее совокупности. Правда, Церковь должна идти в жизнь и изменять ее, осуществляя в ней новое, завоеванное искуплением Христа, бытие. Она должна воплотиться во всех ее формах и во всех ее сферах. Но именно здесь ее подстерегает глубокая и постоянная опасность. Дьявол, искушавший Христа и потом отступивший от Него, возвращается к Церкви и искушает ее теми же самыми посулами, что и ее учредителя. **Он искушает ее хлебом:** представители Церкви не раз пытались камни превратить в хлебы; следовательно, вместо того чтобы быть живым словом Божиим и уверовать в Его Провидение, они начинают устраиваться во дворцах мира и обеспечивать себя материальными благами. **Он искушает ее сверхъестественным могуществом:** представители Церкви не раз пытались спрыгнуть с крыла храма; следовательно, вместо того чтобы своей святостью и внутренним богатством расширять свою деятельность и влияние, они полагались только на данную им Христом сакраментальную силу и только при ее помощи пытались завоевать души. **Он искушает ее властью:** представители Церкви пытаются взять предлагаемые им царства с их гордыней; следовательно, вместо того чтобы со всем рвением распространять

искушение Христа, они передоверяют это государственным институциям, используют политические средства и часто сами надевают на себя венцы земных властелинов. В истории Церковь не раз поддавалась то одному, то другому искушению. Отдельные Церкви не раз были обольщены то одним, то другим предложением. Но **в своей совокупности Церковь никогда не была и не будет искушена**, ибо она есть сам Христос. Однако в отдельных проявлениях, в отдельных периоды своей жизни, в отдельных странах она может поддаться соблазну и не раз ему поддавалась и **поддается**. Иногда она забывает о том, что она — борющаяся Церковь, и чувствует себя так, словно она уже Церковь иной действительности, празднующая свой триумф, словно она — Новый Иерусалим, священный город Бога, в котором антихрист уже обездолен. Такие моменты забывтья в истории Церкви были и будут до конца ее шествия по истории.

Изгоняя Церковь в пустыню, антихрист с позволения божественного Промысла сокрушает этот не подлинный и невозможный на земле триумф. Удары антихриста разбивают все эти вымученные надежды и все эти искусственные основы. Они указывают, что **Церковь никогда не сможет слиться с жизнью**, что она всегда должна стоять над жизнью, что формы жизни никогда не смогут стать ее формами. Изгнанная в пустыню Церковь задумывается перед лицом своих разбитых надежд и поэтому приходит в себя. В своем одиночестве она очищается от всего земного, наносного, сожалеет о том, что поддалась искушениям, и заново готовится к своей миссии, нарушенной на пространствах жизни.

В своей повести Соловьев интересно сопоставляет истинную Церковь Христа и антихристову церковь императора. Верные Христу «христиане у пустынных высот Иерихона предавались посту и молитве». Между тем сторонники антихриста, развлекаемые знаменами и чудесами Аполлония, справляли большой радостный праздник. Эти «народные празднества продолжались еще несколько дней». Церковь Христа молилась и постилась, церковь антихриста праздновала свой триумф. Этим сопоставлением Соловьев выражает вечную вражду Церкви и мира, высказанную словами самого Христа: «Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется» (Иоанн, 16, 20). **Судьба Церкви в мире** — молиться, поститься и рыдать. А как только она захочет радоваться вместе с миром, она тут же попадет под власть антихриста. Разве те трое отпавших от Христа представителя трех конфессий, о которых рассказывает Соловьев, те, которые перешли на сторону антихриста, не были обольщены земным триумфом? Разве им не казалось, что дары императора гарантируют Церкви полный успех в мире? Разве это не было ошибочным желанием видеть Церковь воплотившейся в жизнь благодаря не своей деятельности, возникающей из Святого Духа, но благодаря поддержке и воле земных властелинов? Церковь, как и каждый христианин, изгнанница и странница в мировой истории. А как только она делает попытку «обитать в городах и других населенных местах», она принимает формы мира и усаживается у подножья антихристового трона.

Таким образом, постоянно осуществляемое антихристом изгнание Церкви в пустыню в действительности имеет провиденческий смысл. Оно не позволяет человеческому началу слишком отяжелить и омрачить божественное начало. Оно не позволяет земным формам занять место божественных. Сам Христос устанавливает нарастание своего Мистического Тела в истории так, чтобы оно никогда бы не стало слишком человеческим и никогда не пропало бы в мире. Поэтому Он и позволяет антихристу очищать свое Тело от ненужных наростов, дабы еще ярче засияла его внутренняя непорочность. **Драма Иова — постоянная драма Церкви.** Дьявол, этот вечный «клеветник братьев наших» (Откр., 12, 10), постоянно появляется перед лицом Господа и упрекает Церковь в том, что будто бы она любит Христа только потому, что Его Евангелие гарантирует ее провозглашающим хорошую жизнь, большие почести и земную власть. Но если только они утратят эти блага, они тут же начнут злословить прямо пред глазами Христа. Дьявол говорит об этом, имея большой опыт, он прекрасно знает, что такие люди действительно есть в Церкви. Ведь Церковь это то поле, где рядом с пшеницей произрастают плевелы, и та сеть, в которой рядом с хорошей рыбой плавает и худая. Поэтому Бог и отдает в руки антихриста **земные** проявления Церкви: ее богатства, ее славу и ее власть. И это орудие Провидения очищает Тело Христа от всякого земного загрязнения, как некогда очистило и Иова. Это орудие уничтожает все, чему представители Церкви не раз радовались и чем гордились, забывая о том, что они сильны не колесницами и конями,

но «именем Господа, Бога нашего» (Пс., 19, 8). Тогда приходит время давления на Церковь. Тогда действительно не один начинает злословить Христа. Плевелы отделяются от пшеницы, и плохие рыбы покидают хороших, выплывая в воды мира.

Вне сомнения, это тяжелое время божественного испытания. Но вместе оно и время обновления и очищения. Изгнание Церкви в пустыню — это одновременно и призыв ее, ибо Бог всегда призывает из пустыни святых и пророков, которые выпрямляют искривления прошлого и каются за его ошибки. Возвращающаяся из пустыни Церковь идет как Невеста Христова, украшенная и омытая в слезах и молитвах своих детей. Божественное Провидение превращает внешнюю победу антихриста в тяжелое его поражение, ибо пустыня, вместо того чтобы погубить Церковь, ее укрепляет и готовит к новой деятельности и к новой борьбе.

2. ГОНЕНИЯ

Изгнание Церкви в пустыню очень часто связано с кровавыми преследованиями, которые представляют собой вторую форму антихристовой борьбы. Если вытеснение из жизни в основном относится к Церкви в целом, то преследования постигают уже отдельных ее членов и требуют от них кровавой жертвы. Перед лицом законов гонителей не один христианин повторяет слова Петра, произнесенные им перед синедрионом,

который хотел запретить апостолам благовествовать об Иисусе: «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян., 5, 29). Но мир так же, как и иудеи, которые, видя отвагу апостолов, «разрывались от гнева и умышляли умертвить их» (5, 33), во все времена «разрывается от гнева», видя непреклонность сторонников Христа. **Гонения на Церковь — постоянная отличительная черта ее истории.** С самых первых дней существования Церкви, с самого рождения Христа в Вифлееме и до наших времен, когда провозглашаются и защищаются права и свободы человека, христиане презираемы и убиваемы не потому, что они преступники, но только за то, что они своей жизнью исповедуют и осуществляют Христа. Правда, в разные времена антихрист пытается замаскировать, прикрыть эти гонения какой-нибудь вуалью — политической, социальной, культурной. Во все времена убийство христиан объявляется службой, направленной на достижение политического единства, социального порядка или культурного прогресса. «Наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он **тем** служит Богу», — говорил Христос апостолам во время Последней Вечери (Иоанн, 16, 2). Всякое преследование Церкви идет под прикрытием служебной деятельности.

И все же через все эти прозрачные прикрытия просматривается истинная цель гонителей — уничтожить сторонников Христа в мире. **В глазах мира быть христианином уже преступление,** преступление, которое заслуживает смерти. Преследования Церкви никогда не бывают чисто **человеческим** недоразумением. Они

всегда скрывают в себе антихристовы умыслы; они всегда основаны на стремлении антихриста погубить Церковь Христову. И это действительно так, даже и в том случае, когда отдельные преследователи не понимают ни этих замыслов, ни этих стремлений, предполагая, что, убивая, они служат высшей цели. **Гонения на Церковь всегда носят религиозный характер.** Это проявление той работы дьявола, а именно — убийства, которая сопровождает его всегда и везде, ибо дьявол, как сказал о нем Сам Христос, «был человекоубийца от начала» (Иоанн, 8, 44).

Вот почему и соловьевский антихрист сразу же изгоняет верных Христу христиан в пустыню, а несколько позже издает указ, «приговаривавший к смерти всех непокорных евреев и христиан». Свои гонения он тоже прикрыл политическим флером: мол, иудеи подняли против него восстание и что он вынужден был издать такой жестокий приказ, исходя из соображений государственной безопасности. Но в действительности этот указ был не чем иным, как продолжением убийств, которые произошли в храме всех культов и жертвами которых стали папа Петр и старец Иоанн. Восстание иудеев здесь послужило антихристу только **поводом** для выплеска своей мести на тех, кто остался верен Христу и не уселся у подножья его трона. **Борьба дьявола против распространяющегося в истории Христа главного и самого глубокого основание для гонений на Церковь.** Дьявол, будучи не в состоянии вторично убить Личность Христа, убивает отдельных членов Его Мистического Тела, надеясь таким образом уничтожить само Тело, и изгнать Христа из мировой истории.

Таким образом, этот сущностно религиозный характер гонений на Церковь объясняет нам их происхождение, которое кроется в непримиримом противоречии между Церковью и миром. **Церковь есть в мире, но она не от мира.** Она не от мира взята и не от его начал развита. Она не есть продолжение мира. Церковь дана сверху. Она надприродна. Она миру чужда. Поэтому мир и принимает ее **как чужую.** Сам Христос указал на это различие и этим различием объяснял ожидаемые гонения. На Последней Вечере Он говорил своим апостолам: «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Иоанн, 15, 18-19). И мир выплескивает эту свою ненависть даже с кровью. Церковь примирилась бы с миром только в том случае, если бы она стала Церковью от мира, если бы она приняла его дух, его формы и влилась бы в его жизнь.

В повести Соловьева такое слияние Церкви и мира как раз и происходит тогда, когда Аполлония избирают папой. Государственный канцлер берет в свои руки руль Церкви. Поэтому император, поздравляя его с новой должностью, долго держит его в своих объятиях, выражая таким образом осуществленное единство «церкви» и мира. Но именно поэтому церковь Аполлония и стала антихристовой. **Примирение с миром отдаляет Церковь от Христа.** Правда, властелины мира осыпают такую «церковь» своими милостями. Они гарантируют ей хорошую жизнь, великие почести и сильную власть. Но именно поэтому эта церковь от мира

и перестает быть носительницей и распространительницей искупительного подвига Христа в истории человечества. Она становится отступницей, отпавшей. Она вновь повторяет грех первых людей — не идет по пути, открытому Богом. Она выбирает земные дары и, поднявшись со своего места, идет к трону антихриста, отвергнув Христа. **Слияние Церкви с миром возможно только за счет Святого Духа.** Но пока Церковь не слилась с миром, она преследуется, гонится и умерщвляется. Избежать гонений можно только ценой отречения от Христа.

Если бы нам был задан вопрос, почему мир ненавидит Церковь, мы вынуждены были бы ответить: это происходит потому, что **Церковь препятствует ему оставаться в его фактичности.** В жизни Церкви повторяется то, что произошло и в жизни Христа. Главное обвинение, выдвинутое иудеями Христу перед Пилатом, было: «мы нашли, что Он развращает народ наш» (Лука, 23, 2). Вне сомнения, иудеи здесь имели в виду **политическое** развращение, поэтому и объяснили Пилату, что будто бы Христос «запрещает давать подать кесарю, называя Себя Христом Царем» (там же). Однако в своем обвинении они выразили самую сущность деятельности Христа и Его Церкви в мире. **Христос** именно для того и пришел на землю, чтобы «развращать». Христос, призывая человека перешагнуть через себя самого, подняться над своей фактичностью, почувствовать себя странником в этой действительности, возмущил покой мира. Своей Нагорной проповедью Он разрушил все доселе существовавшие отношения людей — со своими врагами, со своими друзьями,

с женщинами, с богатством, обеспеченностью, даже с Богом. «Вы слышали, что сказано древним — а Я говорю вам» — на этом противопоставлении построена не только Нагорная проповедь, им переплетена и вся Его жизнь и Его учение. В нем и заключался тот великий переворот, который произошел не только в иудейском народе, но и во всем человечестве. Этот переворот не был каким-то политическим переворотом. Это был переворот в самом бытии человека. **Подвиг Христа в сущности своей онтологический.** Он есть глубинное преображение человеческой природы. Он — сотворение нового человека.

Но именно поэтому он для мира чрезвычайно опасен. Он взрывает повседневный покой мира, он раздробляет мир, разрушает его единство, разделяя «человека с отцом его, и дочь с матерью ее» (Матф., 10, 35). Христос принес на землю меч и разделил жизнь на две части, на две несоединяемые части; Он настолько глубоко ее разделил, что даже домашние человека сделались его врагами (ср.: Матф., 10, 36). **Христос — самый великий Революционер в мировой истории.** Поэтому мир и обрушился на Него, жалуюсь, что будто бы Он внес «развращение». Варавва тоже вызывал в народе «возмущение» своими грабежами и убийствами (Лука, 23, 19). Но что такое «возмущение», вызванное Вараввой, по сравнению с тем великим смятением, которое вызвал Христос! Когда Пилат предложил толпе выбрать, которого из них отпустить — Христа или Варавву, толпа, нисколько не колеблясь, вскричала: «смерть Ему! а отпусти нам Варавву» (Лука, 23, 18). Этим своим криком она выразила всю установку

мира по отношению к Христу. Мир может стерпеть грабителей, обманщиков, но он не может вынести Христа. Все эти преступники тоже омрачают спокойную жизнь граждан. Но они омрачают только ее поверхность. Они не затрагивают самого бытия и не сеют в нем неугасимой тревоги. Поэтому они и могут быть выпущены из тюрем мира. Поэтому мир может и пожалеть их по случаю своих радостных праздников.

Между тем Христос вызывает глубочайшую внутреннюю тревогу. Его меч ранит само сердце. Человек, которого коснулся перст Его, не находит покоя ни в богатстве, ни в веселье, ни во власти. Так как же можно отпустить этого Преступника? Ведь он пришел препятствовать людям **быть** в мире. Все другие преступники нарушают только какую-то одну функцию существования в мире. Между тем **Христос нарушает само это существование**. Он сотрясает его фактичность. Он разрушает его, указывая на его неистинность и обманчивость. Так разве этот Революционер может быть оставлен в живых? Для Него не может быть никакой амнистии, ибо Он **Возмутитель бытия**. Поэтому толпа во дворе у Пилата и кричала: «распи, распи Его!» (Лука, 23, 21). **Миссия Христа—это отрицание состояния мира и тем самым восстание мира как против себя самого, так и против Церкви**. Его смерть на кресте была последовательным завершением Его миссии **в мире**. Мир распинает каждого, кто только пытается вызвать в нем смятение.

То же самое происходит и с Церковью, которая являет собой Христа, раскрывающегося в истории. Церковь продолжает начатый Христом переворот. Она

несет меч во все народы. Она вызывает тревогу в бытии мира. Она раздробляет его, поднимая народ против народа, сословие против сословия, род против рода. Затронутый духом Церкви мир ощущает себя лишенным покоя, выбитым из фактичности своей жизни и приведенным в постоянное состояние странника. Своим учением Церковь разрушает прежние взгляды мира на бытие. Своей властью она склоняет мир к Богу. Своими таинствами она изменяет формы жизни мира. Все старое должно исчезнуть. Из Церкви должны происходить новая жизнь и новый человек. Вздуродженный Церковью мир должен «пробудиться от сна», ибо «ночь прошла, а день приблизился». Мир должен отвергнуть «дела тьмы», «вести себя благочинно», не поддаваясь прежним порокам и грехам. Он должен облечься «в Господа (нашего) Иисуса Христа» (Рим., 13, 11-14). Это постоянный призыв Церкви, постоянное ее требование, постоянный стук в двери мира.

Неудивительно, что миру надоедает эта возмутительница спокойствия. Он начинает ненавидеть ее, отталкивать ее от себя, преследовать и умерщвлять ее детей. Но в сущности преследования Церкви не открывают ничего нового. Они всего лишь продолжение преследований Христа и их историческое раскрытие. «Если Меня гнали, будут гнать и вас» (Иоанн, 15, 20), — сказал Христос и таким образом указал на сущностную связь гонений на Церковь с гонениями Его Самого. Церковь, будучи Христовой, не может избежать этих гонений по той же причине, по какой не избежал их и Христос. Посылая своих апостолов в мир, Христос так обрисовал их судьбу: «Вот, Я посылаю

вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби. Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас. И поведут вас к правителям и царям за Меня для свидетельства перед ними и язычниками... И будете нелюбимы всеми за имя Мое» (Матф., 19, 16-22). Это образ не только судьбы апостолов. Это образ судьбы всей исторической Церкви. Во все века мир терпит распространение Вараввы, но не переносит распространения Христа. Поэтому все, что только выражает Христа, становится чужим миру, и мир пытается избавиться от этого для него чужого, вплоть до человеческого его уничтожения.

Таким образом, гонения на Церковь не случайны. Они вызваны ее основным отношением с миром, поэтому связаны с ее миссией. Христианин не должен удивляться этим гонениям. Напротив, он должен задуматься, если эти гонения прекратились, ибо это может означать то, что Церковь уже настолько приспособилась к миру, что мир стал считать ее **своей** и потому любить. Опека и любовь мира к Церкви всегда опасны. И чем больше Церковь окружается этой любовью, тем больше она сближается с земными князьями: она сидит с ними за одним столом, ибо она уже не только в мире, но и от мира. И тогда, вне сомнения, мир ее не преследует. Но то, что он ее не преследует,— беда для Церкви! Вступление в родственную связь с миром покоя ради губит апостольское рвение Церкви. Церковь начинает чувствовать себя так, словно она уже навсегда завоевала человечество, словно Евангелие можно было провозгласить только один раз, а не провозглашать вечно.

Но именно такой Церкви Откровение грозит гневом Господним: «И Ангелу Сардийской Церкви напиши: так говорит имеющий семь духов Божиих и семь звезд: знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв. Бодрствуй и утверждай прочее близкое к смерти; ибо Я не нахожу, чтобы дела твои были совершенны перед Богом Моим. Вспомни, что ты принял и слышал, и храни и покайся. Если же не будешь бодрствовать, то Я найду на тебя, как тать, и ты не узнаешь, в который час найду на тебя» (Откр., 3, 1-3). **Покой, даваемый миром, — смерть для Церкви.** Такая соединившаяся с миром Церковь внешне может казаться весьма привлекательной, она может похваляться тем, что жива, однако в действительности она мертва. Ее дела не полны пред лицом Бога, ибо она поддалась миру и за это купила себе покой. Она забыла первое предупреждение Христа, что ее апостолы всегда будут овцами среди волков. Поэтому Откровение и велит такой Церкви покаяться, следовательно, подумать о покое, купленном у мира, осознать губительное его значение и отказаться от союза с антихристом.

Вне сомнения, гонения — это время тяжкого гнета. Но вместе это время есть время радости для Церкви. Гонимая Церковь может быть уверена, что она не поддалась искушениям мира. «Потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» (Матф., 10, 39). Во времена гонений эти слова Христа осуществляются полностью. **Дни гонений — это время полноты Церкви.** Поэтому св. Петр в своем послании, нисколько не колеблясь, ободрил Церковь и это его ободрение применимо ко всему процессу истории Церкви: «Если злословят вас

за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух славы, Дух Божий почивает на вас: теми Он хулится, а вами прославляется. Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; а если как христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь» (1-е Пет., 4, 14-16).

Но что такое гонения, если рассматривать их с христианской точки зрения? Каков их смысл в христианском существовании как отдельного человека, так и всего человечества? Что означает быть убитым ради Христа? Что осуществляет этим актом и убиваемый и убийца? Здесь мы называем гонениями не только изгнание Церкви в пустыню, следовательно, исключение ее влияния из жизни, но **пролитие крови христиан за Христа**. Так какой же смысл имеет эта кровь мучеников? Какое место она занимает в христианской экзистенции?

Если Церковь есть в истории раскрывающийся Христос, то каждый ее член — участник этого раскрытия Христа. Иначе говоря, он является действительным носителем и выразителем Христа в жизни. Ведь Христос раскрывается в членах своего Мистического Тела. Он проявляется через них. Через них он изменяет жизнь. Через них Он расширяет и завершает свою миссию. Поэтому отдельный член Церкви есть **малый Христос**. Это Христос, который воплотился и проявился в узкой жизни отдельной личности. Таким образом, невзирая на всю незначительность своих масштабов, всякий христианин выражает Христа в Его сущности. Всякий христианин жив не сам по себе, но жив во Христе. Поэтому во всяком христианине

Христос живет своим искупительным подвигом. Всякий христианин своеобразно повторяет судьбу Христа, ибо только повторяя эту судьбу он становится носителем раскрывающегося в истории Христа. Таким образом, если кому-то приходится не только жить, но и умереть ради Христа, то эта его смерть становится выражением смерти Христа. Через свою смерть христианин участвует **в кровавой Жертве Христа**, ибо бескровную жертву он приносит каждый день во время святой Обедни. Бескровно Христос умирает на наших алтарях. Кровавая Его смерть продлевается смертью мучеников. **Кровь мучеников есть не что иное, как распространение крови Христа в истории.** Это продолжение Его креста. Это распространение Его муки.

Через Церковь Христос раскрывается **весь**. Церковь — это не только Христос, восседающий одесную Бога, но и Христос, не имеющий где преклонить головы; и Христос, борющийся с фарисеями; и Христос, торжественно вступающий в Иерусалим; и Христос, облившийся потом на Елеонской горе; и Христос на суде иудеев и Пилата; и Христос на Голгофе; и Христос в утро Воскресения. **Церковь есть полный Христос:** страдающий и торжествующий, признаваемый и отвергаемый, умирающий и воскресший. В истории полнота жизни и деяний Христа раскрывается в Церкви. Но отдельный член Церкви всей этой полноты выразить не в состоянии. Он выражает Христа в Его сущности и потому становится малым Христом, однако богочеловеческая полнота не вмещается в узкие рамки личности и потому не может быть выражена. **Всего**

Христа выражает только вся Церковь во всей своей истории. Отдельный ее член может выразить и раскрыть только какую-то одну сторону жизни и деятельности Христа. Как говорит святой апостол Павел, «Дух один и тот же», но «служения различны» (1-е Кор., 12, 4-5), ибо Дух оделяет каждого «как Ему угодно» (1-е Кор., 12, 11). Одних он призывает в Церковь как учителей, других как служителей, третьих как управляющих, четвертых как пророков, пятых как чудотворцев: одни своей жизнью выражают постничество Христа в пустыне, другие — Его апостольские хождения по Палестинской земле, третьи — Его молитву и Его сокрытую жизнь, четвертые — Его мучения и смерть на кресте.

Эти последние и есть **мученики** Церкви. Быть мучеником означает быть носителем мучения и смерти Христа в мировой истории. Это удивительный дар и милость Святого Духа. Но никто не может выразить благословляющего Христа или Христа — Учителя, никто не может по собственному желанию выразить страдающего и умирающего Христа. Для того чтобы быть христианином и носителем хоть какой-то частицы Христа, необходимо божественное призвание. «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас» (Иоанн, 15, 16) — эти слова Христа относятся не только к апостолам, но и к каждому члену Церкви, ибо каждая религиозная обязанность, которую они выполняют своей жизнью и деятельностью, дана и назначена самим Христом. **Быть носителем крови Христа в истории есть милость, данная Им самим.** Поэтому мученики тоже призваны и избраны Христом. Они

назначены быть носителями и выразителями страданий и смерти Христа через кровь. **Гонения в жизни Церкви есть историческое отражение великой драмы Христа на Голгофе.** Они органически включаются в христианскую экзистенцию, которая в своей сущности есть не что иное, как распространение и осуществление существования Христа в жизни человечества. Кровавый путь Церкви в мировой истории — это распространение кровавого пути Христа на Голгофу.

Однако этим смысл гонений еще не исчерпывается. Гонимые за Имя Христа являются носителями Его страданий и смерти. Своей кровью они распространяют по истории искупительную кровь Христа. Но чем являются эти гонения с точки зрения самих гонителей? Какое значение для истории имеют убийства, происходящие в жизни Церкви? Какую явную роль играют палачи христиан?

На это можно ответить следующее: **кровь мучеников восполняет число и таким образом приближает конец истории.** Грех человекоубийства — это **особенное** поднятие руки на Божий порядок, и поэтому оно всегда сопровождается Божьим гневом. Когда Каин убил Авеля, явился Господь и сказал: «Что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли» (Быт., 4, 10). Это был проклинающий и осуждающий голос. Это было призыванием мести неба, дабы была выпрямлена совершенная рукой человекоубийцы несправедливость. И Каин был проклят, а с ним вместе была еще раз проклята и сама земля, в которую впиталась невинная кровь. То же самое Бог повторил и Ною после потопа. Позволяя употреблять

в пищу все, кроме крови, Господь сказал: «Я взыщу и вашу кровь, в которой жизнь ваша, взыщу ее от всякого зверя, взыщу также душу человека от руки человека, от руки брата его» (Быт., 9, 5). И здесь же Господь объясняет, как это требование выразится в действительности: «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукой человека: ибо человек создан по образу Божию» (Быт., 9, 6).

Но самое поразительное здесь — это обоснование этого требования, на котором Бог строит свою готовность: «ибо человек создан по образу Божию». Иначе говоря, **человекоубийство разрушает в человеке образ Божий**. Человекоубийца поднимает руку не на предмет, но на личность, следовательно, на то, что в сотворенном Богом является самым святым, что выражает и отражает Его самого. Человекоубийца покушается на образ Божий и своей злою рукой разрушает его. Поэтому он сам утрачивает право быть носителем этого образа. Он тоже должен умереть, он должен быть отделен из существования вместе, ибо он этого существования не только не сохранил, но своим человеческим движением даже отнял его у другого. И если Каин не был убит, то он все-таки стал скитальцем на земле, не имеющим родины; его отделение от существования вместе было осуществлено иным, но достаточно болезненным для него способом. Провозглашенное Богом требование крови человекоубийцы за пролитую кровь стало основой карательного закона Моисея: «Кто ударит человека, так что умрет, да будет предан смерти» (Исх., 21, 12). Этот закон был настолько строг и настолько для всех обязателен, что даже и безвинно

пролитая кровь отмщалась. Неумышленное убийство наказывалось родственниками убитого, совершившие такого рода убийство должны были бежать в назначаемые Моисеем города, ибо в этих городах закон мести не действовал. Там они должны были оставаться до смерти «великого священника» и только после его смерти имели право возвратиться на родину и жить там в неприкосновенности (ср.: Числ., 35, 11—28). Проклятие за пролитую кровь было страшным и сопровождало убийцу всю жизнь.

Правда, Христос отказался от закона мести и велел любить врагов своих и молиться за гонителей (ср.: Матф., 5, 43-44). Однако это нисколько не означает, что Он снял некогда возложенное Богом проклятие за пролитую кровь. **Христос отказался не от наказания за человекоубийство, но только от древних исполнителей этого наказания: по Новому Завету проклятие за пролитую кровь должно исходить не от человека, но от Бога.** В Ветхом Завете Бог требовал умерщвленной **людьми** жизни. В Новом Завете Он Сам открыто требует этой жизни. В Ветхом Завете человекоубийцы должны были бояться мести человека. В Новом Завете человекоубийцы должны трепетать перед местью Бога. Искупив человечество своей кровью и заново соединив человека с Богом, Христос стал верховным распорядителем и судьей. Теперь пролитая кровь вызывает к Нему. Покушение на образ Христа сегодня есть покушение на религию Христа, ибо она основана на этом образе. Каждый человекоубийца — отрицатель не только брата своего, но и Христа, как посредника между Богом и человеком. **Человекоубийство по**

Новому Завету — это прямое оскорбление Христа, ибо каждый член искупленного человечества есть член Его Тела, Его выразитель и распространитель в истории. Поэтому Христос сам наказывает за преступление, не отдавая наказания в руки людей, как это было в Ветхом Завете. Христос сам взял на себя право мстить за пролитую кровь, искупленную Его кровью.

Именно здесь и проявляется то огромное значение гонений, которое они имеют для мировой истории. Кровь мучеников, взывающая к небесам, всякий раз умоляет Христа прекратить разгул святотатства, прекратить покушения на членов Его Мистического Тела, на Его распространение в истории. **Гонения на Церковь укорачивают историю.** В своей повести Соловьев рассказывает о том, что во время великих торжеств, когда новый папа Аполлоний демонстрировал свое могущество, производя удивительные знамения в храме всех культов, «раздался страшный подземный гул в северо-западном углу Срединного дворца под куббетель-аруах, т. е. куполом душ». Бесчисленные тонкие голоса восклицали: «Пришла пора, пустите нас, спасители, спасители!» Это не фантазия Соловьева. Это мысль Откровения, которую Соловьев выразил в образе. Однако сама суть этого образа взята из Откровения. Святой Иоанн Богослов в своих видениях рассказывает о снятии семи печатей. «И когда он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возпили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка, святой и истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?» (Откр., 6, 9-10).

Описанный Соловьевым подземный гул — это символ: кровь мучеников взывает к Агнцу. Это не просто вопль. На вопрос: «Доколе?» души убиенных получают ответ, «чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их, и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число» (Откр., 6, II).

Следовательно, **суд и мщение за пролитую кровь действительно настанут**. Господь подождет только «малое время», пока число будет полным. Каждая смерть мученика постоянно восполняет это число, но никто, разумеется, не знает, чья смерть будет последней. Таким образом, **чем дольше длятся гонения на Церковь и чем они суровее, тем быстрее история приближается к своему концу**. Каждая капля крови мучеников приближает суд Господа. В свете гонений на Церковь конец истории как раз и вызывается кровью мучеников. Это и есть требование Господа жизни тех членов своего Тела, которые Его убили. История, которая убила Христа и которая переполнила кровью Его святых меру, отмеченную Богом, прерывается гневом и судом Господа. Здесь происходит осуществление древнего, прежнего, Богом высказанного: «Я взыщу и вашу кровь» (Быт., 9, 5). Конец истории и есть это требование. Только здесь Бог требует пролитой крови не от отдельного человека, но от всей истории; не за одного какого-то мученика, но за все века страдающую Церковь. Поэтому тяжкое проклятие страшным бременем лежит на плечах каждого народа, который увеличивает число душ умерщвленных за Слово Божие и за свидетельство его. Умерщвляя сторонников Христа, такой народ тем самым умерщвляет и свою

историю. Она становится историей убийц. Но ведь Церковь есть в истории раскрывающийся Христос. Поэтому каждая рана на Его Теле кровавым воплем разносится по всей истории. Антихрист охотно убивает членов Христа. И это его действие имеет намного более глубокий апокалиптический смысл и значение, нежели все его злополучные дела.

3. ОТПАД ОТ БОГА

Не все члены Церкви могут вынести постоянное изгнание Церкви из жизни, убийство отдельных ее членов, и поэтому не один начинает отвергать Христа. Не один выбирает покой мира, обменивая на него меч Христа. Не один устает в этой борьбе и взбирается на помост, чтобы отдохнуть в тени антихристовых тронов. Поэтому **отступничество постоянно сопровождает Церковь на ее историческом пути**. Более того, чем чудовищнее и неукротимее становятся неистовства антихриста, тем более массовым становится отступничество. Чем безжалостнее притеснения, тем больше людей поддается искушениям и отворачивается от Бога. Однако поскольку при приближении конца истории борьба Бога и дьявола становится особенно напряженной, то тем самым и отпад от Бога становится весьма выразительным знамением этого приближающегося конца. Поэтому Откровение отступничество считает настолько значительным и полным смысла событием,

что по нему, как и по побелевшим яровым на полях, можно определить, «что пришло время жатвы» (Откр., 14, 15). Когда среди фессалоникийцев появились лже-пророки, возвещающие приближающийся конец мира и утверждающие «будто уже наступает день Христов», св. Павел предупредил, чтоб не верили им, «ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление» (2-е Фесс., 2, 2-3). Правда, отступники были и в самом начале Христианства. Но вряд ли в те времена можно было говорить об **апокалиптическом** отпаде. А без него провозглашение конца истории было не чем иным, как только «смущением» и «обольщением» христиан (ср.: 2-е Фесс., 2, 1-3). Для того чтобы предупредить такие преждевременные возвещения, св. Павел указывает на отступление как на одно из вернейших знамений приближающегося конца. При появлении такого знамения христианин должен вспомнить слова Христа, которые Он произнес в своей великой Проповеди о конце мира: «О дне же том и часе никто не знает» (Матф., 24, 36). Но «От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знайте, что близко лето; так, когда вы увидите все сие, знайте, что близко, при дверях» (Матф., 24, 32-33).

В чем же заключается сущность этого отпада и какое значение он имеет для Церкви? — это главный вопрос. Отречься от Бога можно двояко: Его **отвергая** и Его **забывая**. Эти два способа отпада уводят человека далеко от Бога. Они оба делают человека безбожником. Но во внешних своих проявлениях они весьма различны. Так какой же из этих способов проявится

в апокалиптическом отпаде человечества, какой из них приведет историю к концу и на суд?

Богоборец всегда борется с Богом и в самом себе, и во внешней жизни. Он хочет уничтожить Бога. Он хочет вырвать Его из своего бытия и из всех форм жизни. Но Бог для такого человека **реальность**. Более того, человек, который объявляет войну Богу, признает Его полностью, ибо бороться можно только с тем, кто **есть**. Бороться можно только с тем, кто особенно уязвил человека, кто вторгся в его бытие, став величайшей его заботой. Поэтому борец с Богом, как и дьявол, никогда не бывает **атеистом** в подлинном смысле этого слова. Борец с Богом — это **Прометей**, отвергающий божественный порядок, Богом указанный путь и избирающий свой собственный. Эсхилловский Прометей, тяжелыми цепями прикованный к скале, резко обрывает посланника Зевса Гермеса, когда тот советует ему стать разумным, научившись на своих страданиях: «Напрасно докучаешь разговором: я, как волна морская, глух к тебе. Не думай, что из страха перед Зевсом я стану бабой, буду умолять, как женщина, заламывая руки, чтоб тот, кого я ненавижу, снял с меня оковы. Не бывать тому!»*. Эти слова может повторить каждый борец с Богом. Прометеевский человек чувствует свое величие, свою мощь, свои силы и поэтому осмеливается встать на борьбу с Богом, разрушая Его порядок, преследуя и убивая Его сторонников, стараясь даже саму мысль о Боге погасить в сознании человечества.

* Античная литература. Греция. Антология. М., 1989. Ч. 1. С. 257.

Между тем тот, **кто забыл** Бога, поступает совершенно по-другому. Это незаинтересованный человек. Ему все равно, есть ли Бог или Его нет. Он об этом не думает, и сама мысль о Боге не имеет значения ни для него самого, ни для его жизни. Бог для него **не** есть **реальность**. Поэтому в своем бытии он не борется ни с самим Богом, ни с теми, кто в своей жизни верит в Него. Он просто этим не интересуется. Он проходит мимо Бога, о Боге не говорит, этой проблемы не обсуждает и, говоря словами Лапласа — эти гипотезы ему не нужны. Ему вполне достаточно этой действительности, в которой он помещается весь и в которую постоянно вживается. Это человек **буржуазной** настроенности. Равнодушие ко всему, что есть божеское, улыбка сожаления в адрес верующих — зримые знаки отпада от Бога. И если борец с Богом, словно ураган, набрасывается на все проявления божественного мира, то человек, забывший Бога, не обращает на них никакого внимания и идет дальше, даже не остановившись хотя бы на мгновение. В каком же из этих двух видов отпада кроется **апокалиптический** смысл? О каком из них говорит св. апостол Павел, предупреждая фессалоникийцев и указывая на отступление как на беспспорное знамение конца?

Верное направление для разрешения этого вопроса указывает Соловьев, рассказывая в своей повести о положении Христианства в канун конца истории. Уже в самом начале Соловьев отмечает, что, невзирая на «решительное падение теоретического материализма», «огромное множество мыслящих людей остается вовсе неверующими». Позже, рассказывая о том,

как обстояли дела с тремя христианскими конфессиями во времена антихриста, он замечает, что «на всем земном шаре оставалось не более сорока пяти миллионов христиан». Эти слова Соловьева свидетельствуют о том, что **отпад от Бога был массовым**. Основание для таких мыслей дает само Откровение. Рассказывая о звере, выходящем из моря, которому дракон дал «силу свою и престол свой и великую власть» (Откр., 13, 2), св. Иоанн Богослов замечает, что «дивилась вся земля, следя за зверем; и поклонились дракону, который дал власть зверю» (Откр., 13, 3), и что «дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем» (Откр., 13, 7). В другом месте тот же св. Иоанн, рассказывая о том, как «сатана будет освобожден из темницы своей» (Откр., 20, 7) и как он будет «обольщать народы» и «собирать их на брань», предвидит, что «число их — как песок морской. И вышли на широту земли и окружили стан святых и город возлюбленный» (Откр., 20, 7-8). Это образ **великого множества**. Воинство зверя, которое он выводит, «чтобы сразиться с Сидящим на коне и с воинством Его» (Откр., 19, 19), — **огромная толпа**. Но если это так, если вся земля воздает почести дракону, если он владеет всяким народом и языком, если его сторонники заслонили собой всю широту земли, то отступление от Бога это уже не выбор отдельных личностей, но **массовое** определение человечества. Упоминаемое Соловьевым сравнительно небольшое число христиан, если иметь в виду число всех жителей земли, которые еще оставались на земле, представляется весьма обоснованным. **Отпад, или отступление, о котором**

говорит Откровение, — это грандиозный отпад толпы от Христа и поворот к антихристу.

Здесь, как представляется, и кроется ключ для понимания сущности этого отпада. Если отступление, о котором говорит Откровение, **массовое**, тогда оно не есть прометеевское отрицание Бога, но **буржуазное забывание Бога**. Вне сомнения, отрицание Бога через борьбу с Ним также постоянно в истории человечества. Всегда находятся дерзновенные личности типа Савла, которые заковывают в цепи сторонников Христа и бросают их в темницы. Но эти борцы всегда сильные личности. Они никогда не сливаются с толпой и никогда не поддаются настроениям толпы. Ведь борьба с Богом в сущности ведется в глубинах души. Это трудная борьба внутри человека. Это постоянная, вызывающая тревогу, забота об Абсолютном Бытии, от которой человек пытается освободиться. Прорыв этой борьбы на поверхность в виде гонений, уничтожения, убийств только внешняя безысходная сторона этой борьбы, всего лишь попытка отомстить за свое внутреннее бессилие уничтожить Бога в самом Его бытии. Борьба с Богом всегда означает болезненный трагизм человека, который отмечен сильными переживаниями, глубокими размышлениями и огромным напряжением чувств. Конрад из «Дзядов» Адама Мицкевича как раз и представляет собой такого, весьма типичного борца против Бога. Однако основные черты его характера не присущи толпе. Конрад, как и всякий другой опровергатель Бога, — Прометей. Однако Прометеем может быть только отдельная личность, но не толпа. У толпы никогда не бывает прометеевской настроенности.

Поэтому толпа никогда не отвергает Бога в том смысле, о котором говорилось выше. И если иногда прометеевские вожди увлекают толпу на разрушение проявлений Бога на земле, то эта толпа участвует в разрушении, ведомая совершенно другими мотивами, нежели ее вожди. Вожди уничтожают божественность в мире для того, чтобы уничтожить действительность Бога, чтобы не позволить Богу явиться и заговорить. Между тем толпа убивает священников, сжигает монастыри, совершает надругательства над монахинями, делая все это только для того, чтобы насытить свою жажду мести и крови, чтобы удовлетворить свои страсти. **Толпа движима не метафизикой.** Она идет, подталкиваемая только инстинктами. Та же самая толпа, которая сегодня разграбила монастырь и умертвила всех монахов, наутро уже сожалеет о содеянном и просит прощения за свои неистовства. Поэтому путь опровержения и борьбы для толпы не по силам, не этот путь ведет ее к отпаду от Бога. Богоборческий путь для нее слишком труден, слишком метафизичен, слишком глубок. Этот путь требует не общей одинаковой настроенности, не общего исступления или общей моды, но глубокой сосредоточенности, обдуманности и постоянства. **Прометей — это всегда одинокий человек.** Конрад Мицкевича борется с Богом в одиночке Вильнюсской тюрьмы — это весьма красноречивый символ одиночества прометеевского человека. **Прежде всего человек борется с Богом в одинокой камере своей души.** Однако в толпе он утрачивает эту одиночную камеру, утрачивая таким образом и черты истинного борца. Толпа вытаскивает его из метафизических

глубин и переносит на социальную поверхность, где личность утрачивает силы и независимость. В толпе человек становится только **одним из многих**. Поэтому путь борьбы и отрицания для такого человека толпы становится слишком сложным. Толпа не в силах идти по этому пути.

Однако у толпы вполне достаточно сил, чтобы идти по пути **забывания и незаинтересованности**. Этот путь не требует никаких мыслей, никакого глубокого переживания, никакого напряжения чувств. Напротив, он требует не мыслить, не переживать, не напрягаться. Он требует оставаться в повседневной плоскости, где все ровно и серо, где **другие** мыслят и чувствуют, где **другие** борются и живут. И что больше может соответствовать склонностям толпы, если не эта буржуазная настроенность? Именно эта настроенность, перенесенная на взаимоотношения человека с Богом, и порождает массовый отпад людей от Бога. Прометеевское богоборчество не может быть массовым уже только потому, что прометеев всегда очень мало. Они могут наносить Церкви весьма болезненные удары, но их борьба с Богом не приводит к массовому отпаду. Между тем буржуазное забывание Бога как раз и тянет за собой целые толпы.

Таким образом, если этот апокалиптический отпад есть отпад не отдельных личностей, но целых толп, то он не может быть не чем другим, как только забыванием Бога, отсутствием к Нему интереса, равнодушием ко всему тому, что есть божеское и к тому, в чем Бог проявляется в мире. Апокалиптический отпад — это те Достоевским упоминаемые геологические перевороты,

когда идея Бога выкорчевывается из сердца человека, выкорчевывается не борьбой, ибо борьба не может убить идею, но ее забыванием, неинтересом к ней, вытеснением ее из сферы человеческих забот. Черт, который излагает Ивану мысль о геологических переворотках, под давлением Ивана просто вынужден ответить на вопрос, существует ли Бог или не существует. И черт как отрубает: «Голубушка, не знаю!», но здесь же добавляет: «Смотри, я произнес великое слово»*. Действительно, слово это велико. Представитель буржуазного начала человеческого бытия, жаждущий воплотиться в толстой купчихе, не может знать, есть ли Бог или нет, ибо **это ему все равно**. Бог для него не есть забота его экзистенции. Бог для него не есть основа его бытия. Бог для него не есть смысл его жизни. Поэтому ему совершенно все равно, есть ли Бог или Его нет. Буржуа об этом не думает, он не болен Богом, поэтому он и **не знает**. Данный чертом ответ является формулой массового отпада. Прометей знает, что Бог есть, поэтому и борется с Ним, пытаясь Его победить и уничтожить. Между тем буржуа не знает, есть ли Он или Его нет, потому он не борется с Ним и не поклоняется Ему. Он равнодушен к Богу. Он забывает задать этот вопрос и самому себе и своей жизненной среде.

Антихрист, строя свое царство на фактичности этой действительности, именно **этим** путем и пытается отторгнуть людей от Бога. Правда, он не отказывается

* *Ф. М. Достоевский*. Собрание сочинений в двенадцати томах. М., 1982. Т. 12. С. 156.

и от борьбы. Гонения на Церковь, как уже отмечалось, и являются попытками отторгнуть людей от Бога — это и есть одна из форм нападения антихриста. Но как откровенно нападающий антихрист обычно в толпу не идет. Он знает, что **идея, породившая мучеников за нее, становится бессмертной**. И чем больше в Церкви мучеников, тем Церковь становится сильнее. Поэтому умерщвлению антихрист подвергает только избранников Бога, только тех, кого он не в состоянии к себе приманить. Для подхода ко всем остальным он избирает другой путь. К ним он несет равнодушие по отношению к Богу. Здесь он пытается идею Бога вырвать с корнем, предлагая забыть о ней. И здесь как раз и раскрывается подлинный апокалиптический замысел антихриста. **Дьявол со своими соратниками пытается заставить человечество забыть Бога**. Если бы это произошло, тогда действительно начался бы новый период в мировой истории. Человек, этот образ и подобие Бога, Богом сотворенный, Им ведомый и Им поддерживаемый, забывает, что Бог есть! Он начинает не знать, есть ли Бог или Его нет. Тем самым он забывает свою сущность, забывает свою основу, на которой он держится. Ему остается только фактичность этой действительности, только поверхность бытия в самой грубой ее форме. Забывание Бога означает глубочайшее погружение человека в свою фактичность.

Но именно это и является главной целью антихриста. Желая навечно закрыть человека в его фактичности, антихрист пытается заставить его забыть Бога. Отпад человека от Бога путем Его забывания оказыва-

ется тем самым верным средством, которое использует антихрист, дабы подчинить себе мир. На месте забытого Бога антихрист воздвигает свой алтарь. В греческом ареопаге был воздвигнут алтарь неведомому Богу. Но в ареопаге мировой истории никто не возведет алтарь Забытому Богу. Почитателей Забытого Бога вообще нет. Поэтому забывание Бога есть самое страшное безбожество. Не тот истинный атеист, кто борется с Богом и убивает Его сторонников: он скорее всего антитеист. **Подлинный атеист тот, кто не знает, есть ли Бог или Его нет.** Забывание Бога, неинтерес к Нему, равнодушие к Нему — самый строгий и самый глубокий атеизм. Таким образом в этом атеизме и содержится апокалиптический смысл. Когда такой атеизм объявится в мире и охватит толпы, христиане действительно смогут вполне обоснованно предполагать, что поля мировой истории уже созрели для апокалиптической жатвы и что второе пришествие Христа уже не за горами.

И все-таки отпад толп от Церкви имеет и очистительный смысл. Правда, сам по себе этот отпад болезненен. Он наносит великие раны на Мистическое Тело Христа. Но с другой стороны, он и спасителен, ибо освобождает Церковь от тех тяжелых наростов, которые она, мучаясь, должна нести по дороге своей истории. Провозглашение Евангелия миру — постоянная задача Церкви. Но чем шире осуществляет она эту задачу, чем больше народов приводит в овчарню Пастыря Доброго, тем больше худых рыб попадает в ее сети и тем больше плевел начинает произрастать на ее полях. Когда члены Церкви насчитываются в сотнях

миллионов, нет никакого сомнения в том, что очень многие из них связаны с Христианством весьма поверхностно, только тем, что называются христианами; таким образом не приходится сомневаться в том, что крещение не состоялось и не преобразило ни их сердца, ни их души. Поэтому именно эти члены Церкви под давлением антихриста и отпадают. Но до тех пор пока они остаются в Церкви, пусть даже только потому, что называются христианами, они пользуются в ней определенными правами и даже выдвигают перед ней определенные требования. Они хотят, чтобы Церковь услышала их голос и свою жизнь и свою деятельность упорядочила бы в соответствии с их требованиями.

Но эти требования нисколько не приближают их к Евангелию. Напротив, толпа всегда остается чужой Евангелию. Она никогда не восхищается ни его духом, ни его принципами, ни его безусловной верой в Провидение божественного Отца. Нагорная проповедь для толпы непонятна вовеки. Толпа может понять того Христа, который превращал воду в вино в Кане Галилейской, который умножал хлеб и рыбу на берегу Геннисаретского озера, который усмирял бури, исцелял больных и бесноватых. Но она не может понять Христа, провозглашающего сравнение с полевыми лилиями, требующего отречься от своих отца и матери, призывающего продать свое имущество, разделить деньги среди нуждающихся и следовать за Ним. Евангелие толпы всегда всего лишь осколок подлинного Евангелия. Во все времена и среди всех народов толпа пытается приспособить Евангелие к своим делам, к своей

фактичности: она пытается расширить упоминаемые Христом узкие врата, ведущие в Царство Небесное. Инквизиторское «исправление» учения Христа кроется во всяком религиозном порыве толпы.

Поэтому как только толпа достигает значительно-го влияния или даже перевеса в Церкви, она перенасыщает массовым принципом все проявления церковной жизни, склоняя их к буржуазному направлению. **Присутствие массы в Церкви делает массовой и саму Церковь.** В драме отношений человека с природой и в отношениях его с Богом толпа отталкивает некоторых действующих лиц в сторону, а центр уступает хору, который сразу же начинает заявлять свою волю. И чем большим становится число членов Церкви, тем большее значение и влияние приобретает этот хор. Его голос становится настолько громким, что только он и слышен, только его возгласы привлекают к себе внимание. Появление массы в религии значительно более опасно, нежели ее появление в культуре, ибо погубление личности означает разрушение религии. Масса убивает личность, а ведь «не мертвые восхвалят Господа» (Пс., 114, 25).

Влияние толпы на церковную жизнь проявляется в трех видах. **Прежде всего толпа делает относительным само Евангелие.** Заканчивая свою великую Проповедь о конце мира, Христос сказал: «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут» (Матф., 24, 35). Это изречение относится не только к пророчеству Спасителя о конце истории. Оно относится и ко всему Евангелию в целом. **Евангелие есть раскрытие Бога человеку.** Поэтому все, что есть земное, может пройти, но

Евангелие «не прейдет», ибо оно есть выражение в человеческом слове самого Бога. Евангельские принципы вечны, они всегда те же на все века и для всех народов. Их абсолютность — абсолютность самого Бога. Как не меняется сам Бог, так не меняется и не развивается Его Евангелие, ибо оно живет в вечности, где все есть едино. Но толпа, эта вечно колеблющаяся и непостоянная тварь, не может понять абсолютности Евангелия и потому втягивает его во время, тянет на землю и делает его таким же относительным, как и все наше существование «сейчас». Когда Евангелие дается толпе для осуществления его на практике, толпа делает его формальным, придерживаясь его буквы, но искажая и даже умерщвляя его дух. Толпа пытается жить так, чтобы, говоря примитивно, и Евангелие было не нарушено, и людские слабости были бы удовлетворены. **Преимущество внешних форм перед внутренним содержанием** становится постоянным в массовой церковной жизни. Вне сомнения, религиозный акт овладевает всем человеком. Религия — это полное отражение отношений Бога и человека. Поэтому она живет не только в глубинах духа личности, но и объективируется в зримых общественных формах. Внешние формы почитания Бога, почитание Его учения и Его Царства сущностно связаны с религиозным отношением. Но они всегда всего лишь **отражение** этого отношения. Они всегда всего лишь **указание** на живой религиозный дух. Оторванные от этого живого духа или утратившие его, эти формы ценности не имеют. Более того, превратившись в пустые гильзы, они начинают подавлять религиозное отношение и даже искажать

его. Поэтому Церковь постоянно прикладывает усилия для того, чтобы не дать умереть внешним формам своей жизни, постоянно оживотворяя их и наполняя живым творческим духом. Но толпа не может вынести этого духа, она даже не понимает его. Окружив себя внешними знаками, исполнив внешние действия, она верит в то, что внутренне религиозна. Внешние формы религии заменяют толпе внутреннее отношение с Богом. Поэтому толпа долго молится, но поедает дома вдов; она дает десятину с мяты, аниса и тмина, но забывает о справедливости, милости и вере; она отцеживает комара, а поглощает верблюда; она очищается внешне, а внутри полна хищений и неправды; она строит гробницы пророкам и украшает памятники праведников, и вместе с тем она гонит их из города в город. Вся эта резкая речь Христа, направленная против фарисеев, есть не что иное, как осуждение сделавшейся массовой религиозной жизни, осуждение преобладания внешних форм, угнетающих христианский дух (ср.: Матф., 23). И чем больше обновляются эти внешние формы, тем больше они привлекают толпу. Поэтому **подчинение моде** есть знак того, что религиозная жизнь сделалась массовой.

Вне всякого сомнения, прогресс в Церкви необходим, как необходим он и во всей человеческой жизни. Закон прогресса — один из главных законов, управляющих историей Церкви. Но он не имеет ничего общего с законом моды, весьма жизнеспособным на жизненных пространствах мира. **Мода — это отрицание прошлого.** Она всегда кризис, но не органическое развитие. Между тем в Церкви таких кризисов не должно

быть. Церковь — горчичное зерно, проросшее в сотрудничестве Святого Духа и человечества. Она распространяет и свое учение, и свою организацию, и свой культ. Сегодня она другая, чем две тысячи лет тому назад. Но она и все та же. Она только возросла и раскрылась. Поэтому принцип моды, разрушающий прошлое, ломающий то, что было, сущностно не согласуется с природой Церкви и, следовательно, не должен проявляться в ее жизни. Но толпа без этого принципа обойтись не может. Будучи по своему духу профанической, толпа и в церковную жизнь вносит свою жажду моды и здесь тоже пытается удовлетворить ее. Поэтому и возникают странные видения и пророчества, странные движения и объединения, странные молитвы и даже литургии. Разумеется, они вскоре исчезают, как и все прочие, основанные на моде вещи. Но у Церкви все это не раз вызывало озабоченность и беспокойство, ибо эти вещи несли с собой угрозу искажения ее подлинного лица. Придание относительности Евангелию, возобладание внешних форм и принципа моды суть проявления толпы в церковной жизни. И чем большего влияния достигает толпа, тем ярче становятся эти проявления. Борьба с преобладанием массы в Церкви — вечная задача Церкви.

Поразительно то, что божественное Провидение позволяет решить эту задачу самому антихристу. Но, отторгнув толпы от Церкви, он тем самым высвобождает ее от их влияния и сам уничтожает все опасные проявления, о которых речь шла выше и которые увеличились и разрослись, словно сорняки, дабы омрачить первоначальный и подлинный облик Церкви.

Утратив массы, Церковь начинает возвращать всю свою чистоту. Абсолютность Евангелия предстает во всей своей значимости. Внутреннее отношение и внутренняя взаимосвязь человека с Богом начинают проявляться во всей своей силе. Органический рост Мистического Тела Христова становится делом всех. Церковь, освободившаяся от необходимости принимать во внимание толпу, может свободнее и плодотворнее проявлять себя во всех областях своей деятельности, проявлять так, как указывает ей ее вечная сущность, а не так, как ее к этому принуждают исторические отношения. Таким образом, отпад толпы, рассуждая чисто по-человечески, болезненен и достоин сожаления, ибо он означает победу антихриста в этой действительности. Но в свете теологического аспекта истории этот отпад в действительности есть победа **Христа**.

В Откровении не указано число сторонников Христа. Но мы можем предположить, что это число невелико. Ведь если отпад от Бога становится массовым, если зверь завладевает всей землей, если на свободу выпущенный сатана собирает свое воинство, в котором воинов, что в море песка морского, то само по себе понятно, что у Христа остаются всего лишь незначительные отряды, только изгнанные в пустыню. Однако Церковь по этому поводу как раз и не огорчается, ибо она знает, что Христос борется и побеждает не столько природным количеством, сколько сверхприродной ценностью. Магия числа — принадлежность антихристового царства. Для Христа число имеет второстепенное значение. Когда Христос был на земле, Он избрал не двенадцать тысяч, но **двенадцать**, и с этими

двенадцатью вышел на исторические широты, дабы обновить лицо земли. Так было в начале, так было во все времена жизни Церкви, так будет и в конце истории. **Евангелие Христа владычествует не количеством, но качеством.** И один святой здесь значит больше, чем тысячи ни теплых ни холодных, которых Господь извергает из уст своих (ср.: Откр., 3, 16). Поэтому великая апокалиптическая апостазия² христиан не пугает. Напротив, она как раз высвечивает ценность и силу верности. Она очищает Церковь от количества, дабы засияло ее качество. Она уничтожает искушение числом, которым не раз увлекались и были обольщены христиане. В преддверии великого отпада христиане понимают, что Церковь, если говорить словами псалма, могущественна не колесницами и конями, но «именем Господа, Бога нашего» (Пс., 19, 8) и что вся ее история есть не что иное, как одна великая и вечная песнь этому божественному могуществу.

ОКОНЧАНИЕ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В НАЧАЛО

Церковь, лишившаяся своего внешнего блеска и большинства своих детей, меняется не только в своем историческом развитии, но и в своей внутренней жизни. Если бы возникла необходимость дать какое-нибудь название этому изменению, то мы могли бы сказать: **Церковь возвращается к своему началу.** Разумеется, это возвращение надо понимать не в пространственном и не во временном смысле. В преддверии конца истории Церковь уже превратилась в большое дерево, на ветвях которого земные народы и культуры нашли для себя пристанище. Поэтому она уже не может умалиться — стать малым горчичным зерном и вновь принять незаметный первоначальный облик. Органическую вещь невозможно повернуть назад, а Церковь органична. Она может заново ощутить в себе жизненные весенние силы, исходящие из горчичных семян; силы, которые отбрасывают все древнее,

а все имеющееся обновляют. Обратимся к Деяниям Апостолов: «И они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах. Был же страх на всякой душе; и много чудес и знаменый совершилось через Апостолов в Иерусалиме. Все же верующие были вместе и имели все общее... Хвала Бога и находясь в любви у всего народа... У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа: ... и великая благодать была на всех их» (Деян., 2, 42-47; 4, 32-33). Читая эти слова, мы чувствуем могущественное дыхание Святого Духа, который малое горчичное семя, самое малое из всех других семян, вызывает к росту, увеличивает его силы и формирует его. Именно в этом смысле мы можем говорить о возвращении в начало: о святом энтузиазме общины верующих, о духе любви и жертвы, о доверии к Богу, об отвращении от мира и погружении в таинства и молитвы. И тогда божественность Церкви зримо освещает и преображает не только отдельную душу, как это происходит со святыми, но и всю общину, превращая ее в живое святилище Святого Духа. Возвращение к своему началу в жизни Церкви есть не что иное, как зримая явленность первоначальной божественной силы.

Но эта явленность возможна только тогда, когда человеческое начало Церкви отступает. Церковь, как уже говорилось, есть **богочеловечность**, то есть соединение Бога и человека в Иисусе Христе, а через Него и соединение Бога со всем человечеством, даже со всем космосом. Церковь в своей сущности космическая: всеобъемлющая, **католическая** в самом глубоком и первоначальном смысле этого слова. Поэтому она не может

быть ни чисто пневматической общиной, в которой господствует Бог вне связи с человеческими формами, ни чисто **культурной институцией**, в которой человек единственный властелин. Церковь есть Христос, поэтому она вместе и божеская и человеческая, пневматическая и культурная, небесная и земная. Она не только непорочная нареченная Агнца, но также и порочное порождение народов. Человеческое начало Церкви стареет и искажается: оно находится под угрозой опасности всех пороков, ошибок и слабостей. Величественное дерево в ходе веков опутывается вьющимися растениями, обрастает мохом. **Человеческое** лицо Тела Христа изборождено морщинами. Церковь, как творение человека в своем человеческом начале, принимает на себя судьбу преходящности, как и все другие творения сюсторонней действительности. Но божественность в ней остается вечно юной и сильной. Она остается все **той же**, как и в первый день Троицы. И вот как раз перед концом истории божественная юность Церкви преодолевает свое человеческое старение. Божественная сила, которая вывела Церковь из тесных Иерусалимских подземелий в широкий мир, зримо проявляется в завершении своего долгого исторического пути, дабы укрепить верующих для решительной борьбы с драконом.

Возвращение Церкви в начало Соловьев отображает в двух символических образах: в красноречивом использовании имен Петра, Иоанна и Павла и в соединении Церквей в Иерихонской пустыне.

Как уже известно, во вселенском соборе в Иерусалиме, который был созван властителем мира, участво-

вали: папа **Петр**, стоящий во главе католиков, старец **Иоанн** — вождь православных и профессор **Паули** — руководитель протестантов. Все три руководителя остались верны Христу и отвергли искушающие дары императора. Папа Петр и старец Иоанн заплатили жизнью за свою смелость, а профессор Паули был изгнан в пустыню. Итак, последним руководителям христианского мира и борцам против антихриста Соловьев дает имена трех апостолов Христа.

Не вызывает никакого сомнения то, что Соловьев сознательно выбрал эти имена, ибо в действительности они не только представляют трех учеников Христа, три человеческие личности, но и три принципа, которые управляют всей жизнью Церкви и направляют ее по историческому пути. И если эти принципы в истории еще недостаточно проявлены, то в конце истории они предстанут во всем своем свете.

Что значит для Церкви Петр? Понятно, что это камень, на котором Христос возводит свою Церковь, то есть это развитие Его самого в пространстве и времени (ср.: Матф., 16, 18). Но был ли Петр камнем? Обладал ли он по своей природе свойствами камня и означает ли намерение Христа только развитие этих природных качеств Петра? Отнюдь, нет! Ни один из апостолов Христа не был таким непостоянным, как Петр. Когда Христос впервые увидел его у Галилейского моря и пригласил идти за собой, пообещав сделать его ловцом душ, Петр, оставив свои сети, нисколько не колеблясь, последовал за Ним (ср.: Марк, 16-17). Однако по прохождении какого-то времени Петр стал вопрошать своего Господа: «вот, мы оставили все

и последовали за Тобой; что же будет нам?» (Матф., 19, 27). Когда Петр в канун муки Христа услышал от Господа, что Он будет всеми оставлен, он стал смело возражать Ему: «Господи! С Тобой я готов и в темницу и на смерть идти» (Лука, 22, 33). Но через час, когда во дворе Каиафы одна служанка сказала ему, что и он вместе с другими был с Иисусом Галилеянином, Петр несколько раз отрекся от Него, сказав «что не знает Сего Человека» (Матф., 26. 72).

Мы сознательно выбрали только несколько примеров, ибо они, возможно, наиболее яркие. Однако их ряд можно продолжить. Достаточно вспомнить поведение Петра во время хождения по водам, во время преобразования Христа на горе, омовения ног, и мы признаем, что Петр по своей природе не был героем, что он не обладал твердостью характера. И все-таки Христос призвал его быть во главе апостолов — быть Кифой, «что значит: "камень" (Петр)» (Иоанн, 1, 42); на нем Он возвел свою Церковь; ему доверил пасти своих овец и агнцев; и, наконец, ему отдал ключи от Царства Небесного (ср.: Матф., 16, 19). Противоположность человеческой природы Петра и его божественного призвания настолько очевидна, что мы должны сделать следующий вывод: **камень, на котором стоит Церковь, не разрушается не в силу своей природы, но в силу благодати Божией.** Петр означает победу божественной благодати над человеческой природой. Он есть зримое выражение преображающей силы Святого Духа, силы, которая сгибает то, что затвердело, согревает то, что сделалось холодным, выпрямляет то, что искривлено (секвенция Троицы). И если Соловьев

последнему папе дает имя **Петра**, то этим он совершенно определенно хочет сказать, что Церковь выдержит все испытания и победит в борьбе с антихристом благодаря не своей человеческой гениальности, но именно благодаря этой *superna gratia* — высшей благодати, которая сомневающегося Симона сделала Камнем (Kerhas) и которую мы призываем всем своим бытием. В завершении истории эта постоянно действующая благодать примет даже имя того человека, которого она сделала краеугольным камнем своего строения. Отмеченность последнего папы именем **Петра** в повести Соловьева означает примат Святого Духа в исторической экзистенции Церкви.

Благодаря силе божественной благодати, которая в личности Петра проявляется как **принцип авторитета и непогрешимости** Церкви, последний папа навек извергнул антихриста как «гносного пса из ограды Божией» и предал отцу его — сатане. Трижды произнесенное — анафема, прозвучавшее в храме смело и торжественно, означает твердый как камень характер Церкви, который она сохраняет до последнего периода своего долгого пути.

Однако этому наполненному глубоким смыслом действию в повести предшествует другое действие, а именно — **снятие маски с антихриста**; это сделать Соловьев предназначает второму руководителю преданных Христу верующих — старцу Иоанну. После того когда он потребовал у антихриста: «исповедуй здесь теперь перед нами Иисуса Христа, Сына Божия, во плоти пришедшего, воскресшего и паки грядущего», он «не сводил изумленных и испуганных глаз с лица

безмолвного императора, и вдруг он в ужасе отпрянул и, обернувшись назад, сдавленным голосом крикнул: "Детушки, антихрист!". Эта сцена наполнена необычайно глубоким смыслом. Она является поэтическим отображением того дара Святого Духа, который св. Павел называет «различением духов» (1-е Кор., 12, 10) и выразителем которого является старец **Иоанн**. В своем первом Соборном Послании апостол Иоанн писал: «Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они» (1-е Иоанна, 4, 1). Испытание духов и их различение тоже вечная задача Церкви, «потому что много лжепророков появилось в мире» (там же). Они дают «великие знамения и чудеса» (Матф., 24, 24), они предлагают показать нам Христа: «вот, Он в пустыне»; «вот, Он в потаенных комнатах» (Матф., 24, 26). Сам Христос предостерегал не верить этим лжепророкам и не выказывать интереса к показанному Христу (ср. там же). Сила для различения духов — один из главных даров Святого Духа, дабы можно было сохранить и расширять в мире христианскую экзистенцию.

Зримое выражение этот дар получил в личности апостола Иоанна. Этот божественный провидец глубоко понимает не только самого Бога, называя Его **любовью** (ср.: 1-е Иоанна, 4, 8), не только Спасителя, давая Ему имя Logos (ср.: Иоанн, 1, 14), но и мир, представляя его как **противника** Христа. Иоанн был избранным сосудом, из которого Святой Дух вливал в Церковь силу различения духов. Примечательно, что первый предатель Иисуса прежде других был изобличен Иоанном. Петр подал знак, чтобы Иоанн спросил,

«кто это» (Иоанн, 13, 24). Иоанн был первым, кто от самого Господа узнал, кто Его предаст. Это призвание — срывать маски с предателей Христа — Иоанн осуществляет во всей жизни Церкви на протяжении всего ее земного пути. Чем же в действительности является его Откровение, если не великим разоблачением сил, которые в ходе истории противостоят Христу? Таким образом, Соловьев не случайно дает своему старцу имя Иоанн и именно ему предназначает окончательное разоблачение антихриста. В этом смысле Иоанн нечто большее, нежели только человеческая личность. Он принцип существования и деятельности Церкви, а именно — **принцип различения духов**. Он идет впереди Петра, ибо принцип авторитета успешно действует только тогда, когда принцип различения идей уже выполнил свое.

Но чтобы Церковь выполнила и осуществила свое божественное предназначение в мире, принципа авторитета и принципа различения духов еще недостаточно, ибо оба эти принципа по отношению к антихристу в большей или меньшей степени **пассивны**. Сорвать маску с противника Христа и формально отлучить его от церковной общины еще не значит устранить его из истории. Антихрист в ней остается и действует до конца. Он **активно** нападает на христиан, поэтому и те должны дать ему **действенный** ответ. Перед лицом антихристовых сил сторонники Христа должны не только их различить и отвергнуть, но они еще должны и **действовать**. К двум уже названным принципам мы должны присоединить еще и третий — **принцип действия**, который как раз воплощен в личности апостола

Павла. Рядом с Петром Павел выглядит как дуб рядом с тростником. Он ломается, но не гнется. Он преследовал первых христиан, «еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа» (Деян., 9, 1), ибо таким образом надеялся сохранить древнюю веру Израиля. Однако на пути в Дамаск Савл, которого коснулась высшая сила, пал на землю, и у него к этой силе было только два вопроса: «Кто Ты, Господи?» и «Господи! что повелишь мне сделать?» (Деян., 9, 5-6). Когда Павлу стало понятным его новое предназначение, он стал защищать Христианство так же горячо и смело, как некогда его преследовал. Благодать пришла в нем природе, пригодную для деятельности. Павел — символ человеческого сотрудничества в религии. Он вечно указывает на то, что божественное горчичное семя Церкви нуждается в человеческом уходе и заботе, дабы из него выросло дерево, о котором было пророчество.

Итак, Соловьев в своей повести наряду с Петром и Иоанном выводит еще и Павла в лице профессора Паули. Последние христиане, как и первые, не были пассивны по отношению к антихристу — они действовали. После сцены, в которой была сорвана маска с антихриста и он был изгнан из общины, идет сцена активного действия. Само собой разумеется, что после убийства папы Петра и старца Иоанна среди христиан поднялось необычайное волнение. Все они были полуживыми от страха. «Единственный, кто не растерялся, был профессор Паули. Общий ужас как будто возбудил в нем все силы духа... Решительными шагами взошел он на эстраду и, сев на одно из опустевших

статс-секретарских мест, взял лист бумаги и стал на нем что-то писать». Он написал документ, в котором объявил императора мира подлинным антихристом, который был провиден еще в Откровении, и указал, как дальше вести себя христианам: «прекратить всякое общение с отлученным и с мерзким сборищем его и, удалившись в пустыню, ожидать неминуемого пришествия истинного Владыки нашего Иисуса Христа». Профессор Паули сделал пригласительный знак собравшимся, и «все поспешно всходили на возвышение и подписывались». Вскоре тела убиенных были положены на носилки, а последние христиане ушли из города, они уходили «медленно, с пением латинских, немецких и церковнославянских гимнов». Позже, «вечером четвертого дня», профессор Паули «с девятью товарищами» из пустыни направились в Иерусалим; они пробрались в город, взяли оскверненные антихристом тела папы Петра и старца Иоанна и вернулись «теми же обходными дорогами» к своим. В том положении, в котором находилось тогда Христианство, это было необходимым человеческим действием.

Примечательно, что профессор Паули был **светским** человеком. Правда, он был «ученейшим немецким теологом». Но он не был ксендзом, ибо евангельская вера не признает такого священства. Этим Соловьев хотел открыто сказать, что принцип действия не ограничивается одной лишь иерархией, но относится ко **всем** христианам, и **они все обязаны действовать. Деятельность христиан в Церкви есть человеческий отклик на искупительный подвиг Христа.** В личности

апостола Павла этот отклик был особенно плодотворным. Поэтому Павел в христианском бытии стал символом посвященной деятельности. По этой причине последний деятельный руководитель христианской общины носит имя Павла как явное указание на то, что деятельность человека в истории Церкви остается животворна до конца истории.

Соловьев, проявляя принципы Петра, Иоанна и Павла в конце исторических времен, вызывает в нас глубокую убежденность в том, что эти принципы неотделимы друг от друга и что каждый в отдельности не в состоянии представить жизнь Церкви во всей ее полноте, а еще меньше способен ее защитить. Они способны на это только в своем органическом единстве. Только тогда, когда авторитет будет поддерживаться различением духов, а оба они будут объективированы в ревностной деятельности, Церковь сможет противостоять и выстоять перед угрозой и ударами антихриста в бурные времена своего земного пути. Петр, Иоанн и Павел — это три столпа Церкви и вместе великие символы деятельности Церкви на земле. Они произрастают из одних корней и потому не могут быть отделены друг от друга. Они органично и сущностно клонятся друг к другу как отдельные силы производящего их одного и того же Духа (ср.: 1-е Кор., 12, 11). И если только какая-то из них в ходе времени будет оставлена в тени или обойдена вниманием, или даже каким-то образом будет направлена против этой целостности, тогда они восстанут против всякого осуществленного человеком искажения и потребуют божественной полноты — в единстве. Поэтому единство Церкви не

случайная вещь, но сама ее сущность: **оно есть единство животворных сил в горчичном семени.**

Сцена соединения церквей — последняя сцена повести Соловьева. Когда профессор Паули вернулся с телами папы Петра и старца Иоанна и когда носилки были положены на землю, Дух Божий оживил убитых — «оба ожившие встали на ноги целыми и невредимыми». И заговорил старец Иоанн: «"Ну вот, детушки, мы и не расстались. И вот что я скажу вам теперь: пора исполнить последнюю молитву Христову об учениках Его, чтобы они были едино, как Он сам с Отцом — едино. Так для этого единства Христова пусть, детушки, возлюбленного брата нашего Петра. Пускай напоследях пасет овец Христовых. Так-то, брат!" И он обнял Петра. Тут подошел профессор Паули: "Ты есть камень! — обратился он к папе. — Это теперь вполне доказано, и не осталось никаких сомнений". И он крепко сжал его руку своей правой рукой, а левую подал старцу Иоанну со словами: "Итак, отцы, отныне мы едины во Христе". Так совершилось соединение церквей среди темной ночи на высоком и уединенном месте».

Если мы вспомним антихристово соединение конфессий под властью Аполлония в тронной палате, то обнаружим сущностное различие между этими двумя сценами. То, что происходило в тронной палате, было **политическим событием**, происходившим по воле императора. Поэтому происходящее превратилось в документ, который и был подписан. В сущности, это было не чем иным, как продолжением **единства мира**, к которому так стремился, будучи у власти, император.

Поэтому характер этого события был чисто светским. Соединение же церквей у пустынных высот Иерихона было, напротив, **глубоким религиозным актом**. Оба представителя отделившихся от католической Церкви конфессий — православия и протестантизма — признали примат папы и выразили ему уважение как бесспорному главе вселенской Церкви Христа. И для этого не нужно было никакого документа, никакой под ним подписи, а только братский поцелуй по любви и сердечное пожатие руки как знак верности. Это произошло не в зале собраний, но в отдаленном месте, которое может быть понято как символ особого внутреннего расположения духа.

Три вечных принципа Церкви, органическому единению которых все-таки препятствовали человеческие грехи и ошибки, соединились во Христе, Который есть основа их возникновения и их Помощник. Соединение церквей произошло не на бумаге, но признанием **в душе** слов Христа: «Ты — камень». Именно такое единство было вплетено в молитву Господа. Именно такое единство было осуществлено Святым Духом в конце времен. Всякое другое единство, которое осуществляется за круглым столом на конференциях полномочных представителей, носит политический характер и по своей природе оно светское. В этом отношении различие духов так же необходимо, как и во всяком другом.

Соединение церквей осуществляет первое пророчество Христа: «и будет одно стадо и один Пастырь» (Иоанн, 10, 16). И в то же время оно завершает земной процесс мира. Слова на кресте «Consummatum est»

(ср.: Иоанн, 19, 30) по своему смыслу вмещают в себя судьбу вселенной, и Великая драма Искупления, начавшаяся на Голгофе, приходит таким образом к своей заключительной фазе. Исторические времена еще раз становятся полными: **второе пришествие Христа уже** здесь.

Когда последние вожди христиан, как рассказывает Соловьев, констатировали, что они «едины во Христе», «темнота ночная вдруг озарилась ярким блеском, и явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце, под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Явление несколько времени оставалось на месте, а затем тихо двинулось в сторону юга. Папа Петр поднял свой посох и воскликнул: "Вот наша хоругвь! Идем за нею." И он пошел по направлению видения, сопровождаемый обоими старцами и всей толпой христиан, — к Божьей горе Синая...». Но это уже был не путь истории. Это был путь, который вел христиан по ту сторону, ибо когда они двинулись «от Синая к Сиону», «небо распахнулось великой молнией», «они увидели Христа, сходящего к ним в царском одеянии и с язвами от гвоздей на расprostертых руках». Единодушно и преданно встретила Церковь своего божественного Главу и соединилась с Ним навеки. Великое знамение унесло с собой весь христианский мир и весь искупленный космос.

Антихрист, который «с несметным войском разноплеменных язычников» выступил против восставших иудеев, был поглощен вместе со всеми своими полками и с неотлучно следовавшим за ним папой Аполлонием

огненными потоками, которые вырывались из открывшегося кратера огромного вулкана, находящегося под Мертвым морем.

Борьба за Царство Божие на земле была закончена. История подошла к концу своего долгого пути. К оставшимся в живых христианам, шедшим с пустынных холмов, присоединились «все казненные антихристом евреи и христиане. Они ожили и воцарились с Христом на тысячу лет».

Добро победило, но благодаря не естественному развитию и не творческому устройению, а прямым вмешательством Бога в исторический процесс. Временное существование уступило место надвременной жизни в Новом Иерусалиме.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

«Что заставило автора взяться за труд, посвященный повести Соловьева, и обратиться к специально выдвинутой им проблеме антихриста?» На этот вопрос, заданный издателями данного произведения, автор ответил еще 16 октября 1950 года.

«Пятидесятилетний юбилей смерти Владимира Соловьева (1853-1900) не мог пройти незамеченным не только в христианском мире, но даже и для нашего народа, невзирая на все сегодняшние притеснения. Ведь этот великий философ Восточной Европы имел основополагающее значение для зарождения и развития литовской мысли. **А. Дабраускас-Якштас**¹ и **Ст. Шалкаускис**² — эти два создателя нашей философии непосредственно выросли на Соловьеве. И многие другие, более молодые наши мыслители, которые обучались в университетах Западной Европы, свои первые научные труды тоже посвятили исследованию и оценке мировоззрения Соловьева: **К. Амброзайтис**³ — теории государства, **Л. Бистрас**⁴ — этике, **Л. Гронис**⁵ — апологетике, **К. Ланге**⁶ — педагогике, **В. Миколайтис-**

Путинас⁷ — эстетике, А. Сидаравичус⁸ — социологии, И. Тамошайтис⁹ — теории познания, Вл. Шилкарскис¹⁰, бывший профессор Каунасского университета, даже организовал издание всех сочинений Соловьева на немецком языке. Литовскую душу, которая по своей природе склонна к синтезу и избегает односторонности, Соловьев привлек совершенно естественно и оплодотворил ее. Поэтому автор этой книги, выросший на Ст. Шалкаускисе, а тем самым — пусть даже и не прямо — на Соловьеве, чувствовал благодарность и обязанность почтить смерть этого великого человека достаточно объемным трудом, который, не оставаясь на уровне только чистой истории, помог бы нашему обществу почувствовать гениальность Соловьева.

Для осуществления задуманного автору показали более подходящими последние страницы короткого, но весьма плодотворного творчества Соловьева, а именно — его "Повесть об антихристе". Это последнее его произведение, наполненное образами и символами, как и легенда "Великий инквизитор" Ф. Достоевского, поразительно глубоко. Достоевский и Соловьев — эти два представителя восточного мировоззрения исследуют одну и ту же тему, а именно — **отношения человека с Богом в процессе истории**. Однако Достоевский эту тему развивает преимущественно в свете философии истории, исследуя природу человека, в то время как Соловьев вступает уже в область теологии и эти отношения исследует с точки зрения выбора человечества. Поэтому легенда Достоевского становится философией истории, а повесть Соловьева — теологией истории. Однако своей проблематикой и решением

отдельных вопросов, а также их освещением они дополняют друг друга, а вместе дают яркую картину христианской истории. Поэтому автор рассматривает этот свой труд как продолжение своего "Великого инквизитора" (Weilheim-Teck, 1946), как теологическое его завершение. Он считает, что оба эти труда внутренне связаны между собой.

Исследуя исторические события в свете антихриста, Соловьев в своей повести рисует картину не только последнего века земной жизни, но вместе и всей истории, ибо антихрист — носитель тайны беззакония, а "тайна беззакония уже в действии" (2-е Фесс., 2, 7). Антихристовы проявления — их дух, используемые средства, создаваемое царство — опасность и работа не только конца времен, но и каждого исторического периода, в том числе и наших дней. Их опасность всегда актуальна, ибо всегда актуальна борьба между Христом и Его противником. Таким образом, автору хотелось бы, чтобы это его произведение было бы не только вкладом в празднование годовщины Соловьева, но и стало бы **книгой времени**. Автор хотел бы, чтобы эта книга стала разоблачением антихристовых замыслов, их выявлением в свете христианского сознания, их оценкой с религиозной точки зрения, ему хотелось бы, чтобы этот его труд сделал христианский взгляд более прозорливым.

Немало лет прошло с тех пор, как парижский кардинал Сухард заметил, что общины Агнца и зверя сцеплены, словно зубчатка, и что вся наша сегодняшняя жизнь проходит под напряжением этих двух сил.

Таким образом, всем нам нужна огромная осторожность, бдительность и трезвость взгляда, чтобы мы не приняли бы обличия зверя за добродетели Агнца и посулы антихриста не посчитали бы милостями Христа, ибо зверь уподобляется Агнцу, хотя и говорит как дракон (ср.: Откр., 18, 11). Раскрыть это лживое подобие в свете религии, разоблачить коварство антихриста и есть главная задача этой книги».

Прошло ровно тринадцать лет с тех пор, как было написано прочитанное выше. По вине различных, не упоминаемых здесь причин, автор не издал тогда своей «Тайны беззакония», а по прохождении некоторого времени, прочитав рукопись заново, почувствовал неудовлетворенность написанным и стал перерабатывать рукопись, на этот раз даже не на литовском, но на немецком языке. В новой редакции на немецком языке книга вышла в свет в 1955 году (*Das Geheimnis der Bosheit. Freiburg i. Br., Verlag Herder*). Тем временем литовская рукопись лежала в шкафу, ибо новые работы, обрушившиеся на автора, не позволяли ему подготовить такой литовский вариант, который удовлетворил бы его сердце.

В прошлом году один из моих приятелей нашел, что произведение актуально для понимания событий нашего времени и для ориентации в них. К проекту издания данного произведения благосклонно отнеслось и руководство Федерации Атейтиников¹¹, которое взяло на себя инициативу по самому изданию. Тогда автор выслал литовский текст, который инициаторы издания дополнили двумя разделами, взятыми из

немецкого издания и, кроме этого, техническими указателями имен и названий.

Автор преисполнен благодарности к Федерации Атейтининков, без инициативы которой эта книга не вышла бы в свет. Автор чувствует также и определенную внутреннюю сатисфакцию — написанное автором еще в 1950 году указывает, что книга была посвящена 50-летию юбилею со дня смерти Соловьева — тогда она не вышла; книга выходит в свет в 1963 году, в год празднования 110-й годовщины со дня рождения Соловьева. Таким образом, хотя и прошло немало времени, автор удовлетворен тем, что почтил своей незначительной работой этого великого гиганта мысли и вместе — всех тех ученых нашего народа, которые интересовались Соловьевым и распространяли его мысль в Западном мире.

Антанас Мацейна

Muenster-Wstf., 10 октября 1963 г.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

«Тайна беззакония» Антанаса Мацейны (1908-1987), известного литовского католического философа, представляет собой философскую интерпретацию «Краткой повести об антихристе» крупнейшего русского философа и публициста прошлого века Вл. С. Соловьева (1853-1900). «Тайна беззакония» впервые появилась в печати на немецком языке в Германии в 1955 году. На литовском языке это произведение вышло в свет только в 1964 году (подробности содержатся в заключительном слове самого автора). «Тайна беззакония» представляет второй том трилогии А. Мацейны, получившей название «Cor inquietum» («Беспокойное сердце»). Первый том трилогии составляет «Великий инквизитор» — философская интерпретация одноименной легенды Ф. М. Достоевского. Третий том трилогии носит название «Драма Иова».

Перевод с литовского языка осуществлялся с литовского издания: А. Мацейна. Собрание сочинений в 12 томах. Трилогия «Cor inquietum» составляет третий том Собрания сочинений литовского философа, которое издается Вильнюсским издательством «Минтис» («Мысль»). Третий том появился в печати

в 1990 году. В настоящее время к изданию готовится восьмой том сочинений философа.

Само название — «Тайна беззакония» — взято А. Мацейной из 2-го Послания св. апостола Павла к Фессалоникийцам (гл. 2, 7): «Ибо **тайна беззакония** уже в действии, только *не совершится* до тех пор, пока не будет *взят* от среды удерживающийся теперь». Перевод Евангелия на литовский язык не всегда соответствует русскому переводу. Так случилось и с текстом Послания св. апостола Павла. С литовского языка «тайна беззакония» переводится как «тайна подлости». Это послужило причиной того, что в антологии «Антихрист», изданной в 1995 году в Москве, опубликованный текст А. Мацейны назван «Тайна подлости». Дальнейшая работа над переводом книги А. Мацейны привела меня к мысли, что название «Тайна беззакония», вне векового сомнения, точнее и объемнее выражает и идею и смысл задуманного произведения.

Текст «Краткой повести об антихристе» цитируется по изданию: Вл. С. Соловьев. Избранное. Москва: Советская Россия. 1990.

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

ПЕРЕЛОМНЫЙ ПЕРИОД СОЛОВЬЕВА

¹ Как свидетельствует М. С. Соловьев: «Предисловие это было помещено в первоначальном виде в газете "Россия" под названием "О поддельном добре". Выпускная "Три разговора" отдельную книжку, В. С. Соловьев сделал в нем значительные поправки; но роковым образом одна из этих поправок оказалась ненужной, а именно, по совету друзей, были вычеркнуты слова, имевшие, казалось, чересчур личный характер: "...ощутителен и не так уж далекий образ бледной смерти, тихо советующий не откладывать" и проч. Слова эти, слишком скоро оправдавшиеся, должны остаться в исправленном тексте».

² Платон Афинский (427, Афины или о. Эгина, — 347 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, родоначальник одного из главных направлений в античной философии (платонизм). П. почти все свои произведения облекал в форму диалога. Корпус сочинений П., дошедший в рукописях, включает в себя 34 диалога.

³ Притча о злых виноградарях — см. Евангелие от Луки, гл. 20, 9-17; Евангелие от Матфея, 21, 28-45; Евангелие от Марка, 12, 1—11.

⁴ «Россия и Вселенская Церковь» («Russie et L'Eglise universelle») написана на французском языке и издана в Париже в 1888 году.

⁵ Шилкарскис Владимирас (1884-1960) — философ, историк литературы, профессор университетов в Тарту, Вильнюсе, Каунасе, Бонне. Исследователь философии Платона, Сократа, Б. Спинозы, Вл. Соловьева.

I. АНТИХРИСТОВ ДУХ В ИСТОРИИ

¹ Боссюэ (Bossuet) Жак Бенинь (1627-1704) — французский писатель, епископ, идеолог абсолютизма. Находился под сильным влиянием бл. Августина. Произведения Б. пронизаны идеей провиденциализма: Бог непосредственно управляет судьбами народов и налагает свою печать на каждую эпоху их развития.

² Дамбраускас-Якштас Александрас (1860-1938) — литовский философ, теолог, общественный деятель, поэт, литератор, критик. Философские воззрения Д.-Я. формировались под влиянием томистской философии, а также философии Вл. Соловьева, чьи лекции он слушал в Петербургском университете. Соловьев для Д.-Я. был большим авторитетом, нежели Ф. Аквинский. Д.-Я. был убежден, что томизм необходимо дополнить идеями Соловьева. Написал: «Проблема зла» (1935), «Наука и вера» (1930), «Потухшие

«светильники» — биографические очерки о Вл. Соловьеве, Л. Толстом и др.

³ Эсхил (ок. 525-456 гг. до н. э.) — древнегреческий драматург, «отец трагедии». Эсхилом написано более 90 трагедий, из которых сохранилось только семь, среди них единственная полная — трилогия «Орестея». Трагедия «Прикованный Прометей» занимает особое место в творчестве Э. Время ее написания неизвестно. Предполагается, что трагедия составляла часть трилогии.

⁴ Дуне Скот (Duns Scotus) Иоанн (ок. 1266-1308) — средневековый теолог и философ, представитель схоластики. Монах-францисканец. Противостоял томизму — официальной доктрине доминиканского ордена. Свобода воли — одно из центральных положений учения Д. С.: творение мира есть творение индивидов, которое не может определяться универсалиями, но только абсолютно свободная воля может создавать универсальное «это».

⁵ Литания (греч.) — в католическом культе — краткая молитва, которая читается или поется во время торжественных религиозных процессовий.

⁶ Ибн Хальдун (Ibn Chalduno) (1332-1406) — арабский государственный и общественный деятель, социальный философ и историк. Придерживаясь теории исторического круговорота, И. Х. при объяснении социальных и исторических процессов придавал особое значение географической среде и социально-экономическим факторам. Многие философы и социологи видят в нем мыслителя, предвосхитившего идеи просвещенного абсолютизма.

⁷ Вико (Vico) Джамбаттиста (1668-1744) — итальянский философ. В., в полемике с Декартом, противопоставляя общий разум индивидуальному, выдвинул идею объективного характера исторического процесса. Считал историческую науку знанием человечества о собственных деяниях. В своем главном сочинении «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) В. выдвинул теорию исторического круговорота — развития всех наций по циклам, состоящим из трех эпох: «века богов», «века героев» и «века людей». Каждый цикл завершается общим кризисом и распадом данного общества. В., придавая решающее значение исторической деятельности людей, отводил важную роль в осуществлении исторического процесса также и Провидению.

⁸ Шпенглер (Spengler) Освальд (1880-1936) — немецкий философ, представитель философии жизни, основатель современной философии культуры, историк. По Ш., единой общечеловеческой культуры нет и быть не может. Каждому культурному «организму» отмерен определенный срок, зависящий от внутреннего витального цикла. Умирая, культура перерождается в цивилизацию. Ш. предлагал отречься от культурных претензий и предаться чистому техницизму.

⁹ *civitas diaboli* (лат.) — царство дьявола.

¹⁰ Ньюмен (Newman) Джон Генри (1801-1890) — представитель католической теологии в Англии. Ректор католического университета в Дублине (1854-1858), с 1879 г. — кардинал. Н. отстаивал догмы римско-католической Церкви и апологетически разрабатывал психологию религиозной веры. Основная задача фило-

софии, по Н., — обоснование религиозной веры. Н. утверждал примат божественного Откровения как абсолютного источника истины.

¹¹ Ибсен (Ibsen) Генрик (1828-1906) — норвежский драматург. Драматургия И. оказала значительное влияние на все последующее развитие драматургии и передового театра.

II. ЗНАКИ АНТИХРИСТОВА ДУХА

¹ Тереза Авильская (1512-1582) — Тереза Санчес де Сепеда-и-Аумада — испанская монахиня ордена кармелитов, мистик. Учредила в Испании 32 монастыря (из них 15 мужских). В своих сочинениях пропагандировала свою мистическую доктрину, за что впала в немилость у церковного руководства, была преследуема инквизицией. Важнейшие произведения: «Путь к совершенству» (1565-1570), «Внутренний замок, или Обитель души» (1577). В 1622 году была канонизирована, позже причислена к учителям Церкви.

² Константин Великий (Флавий Валерий К.; ок. 285-337) — римский император с 306 г. С именем К. связан поворот со стороны императорской власти к признанию Христианства и последующему его превращению в государственную религию. Православной Церковью К. канонизирован как «равноапостольный». В католицизме к лику святых не причислен, однако в средневековой Западной Церкви считался образцом христианского правителя.

³ «Gratius agimus! Domine! Salvut fas magnum imperatorem!» (лат.) — «Премного благодарим! Господин! Да здравствует великий император!»

⁴ Ренан (Renan) Жозеф Эрнст (1823-1892) — французский философ, историк религии, член Французской Академии наук. «История происхождения христианства» принесла ему огромную известность в Европе. Р. изобразил Иисуса как только исторически существовавшего проповедника. Признавая нравственное значение религии, Р. видел в ней утешающую иллюзию и рассматривал ее в целом как выражение нравственных и духовных особенностей народа.

⁵ Штраус (Strauss) Давид Фридрих (1808-1874) — немецкий философ-младогегельянец. Его книга «Жизнь Иисуса, критически переработанная» (1835-1836) оказала влияние на развитие антирелигиозной мысли. Ш. проповедовал пантеизм. Отрицал историческую достоверность Евангелий. Христа рассматривал как историческую личность, евангелистов как писателей.

⁶ Ромул — по легенде, основатель Рима. Традиционная дата основания Рима — 753 г. до н. э.

⁷ Август (Октавиан) — римский император, политический и военный деятель. Умер в 14 г. н. э.

⁸ Гай Юлий Цезарь (102—44 гг. до н. э.) — выдающийся политический и военный деятель Древнего Рима, оратор, писатель.

⁹ Юлиан Флавий Клавдий (332-363 гг. н. э.) — римский император с 361 г. Философ-неоплатоник. Пытаясь восстановить язычество, безуспешно боролся с Христианством, поэтому от христианской Церкви

получил прозвище Юлиан Апостат, или Юлиан Отступник.

¹⁰ Тит — здесь, вероятно, имеется в виду Тит Лукреций Кар (Titus Lucretius Carus) (ок. 99-55 гг. до н. э.), римский поэт, философ и просветитель. Автор поэмы «О природе вещей», продолжающей по своему жанру традицию древнегреческого философского эпоса (произведения Парменида и Эмпедокла).

¹¹ Григорий и Пий — главы римско-католической Церкви.

¹² По всей видимости, здесь имеется в виду стихотворение Ф. И. Тютчева «Как океан объемлет шар земной...» (1830). Ср. у Тютчева: «Прилив растет и быстро нас уносит в неизмеримость темных волн» (Ф. И. Тютчев. Стихотворения. М., 1986. С. 82.)

¹³ Конфирмация (от лат. confirmatio — укрепление, упрочение) — миропомазание — христианское таинство, которое в католической Церкви совершается епископом над детьми и подростками 7-12 лет как средство укрепления веры. Через это таинство человек наделяется божественной благодатью. В христианских общинах конфирмация известна с IV века; она сложилась на основе «наложения рук», неоднократно упоминаемого в Ветхом и Новом Заветах.

¹⁴ Фома Аквинский (Thomas Aquinas) (1225-1274) — средневековый философ и богослов, систематизатор ортодоксальной схоластики, основатель томизма. Крупнейший авторитет католического мира, «ангельский доктор». Канонизирован в 1323 году, в 1567 году признан «пятым учителем Церкви» наряду с крупнейшими авторитетами.

Ш. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНТИХРИСТОВА ДУХА

¹ Мицкевич (Mickiewicz) Адам (1798-1855) — польский поэт, деятель польского освободительного движения. Основоположник польского революционного романтизма.

² Конрад — главный герой поэмы А. Мицкевича «Дзяды».

³ Лайцизм (лат. laicus, гр. laikos — принадлежащий народу) — антицерковная установка, целью которой является устранение всякого влияния Церкви на общественную жизнь. Представителями лайцизма являются атеисты, свободомыслящие люди, социалисты. Католическая Церковь не раз осуждала лайцизм, это осуждение нашло яркое отражение в энциклике папы Пия XI «Quas primas».

⁴ Рильке (Rilke) Райнер Мария (1875-1926) — австрийский поэт. Основа поэтических исканий Р. — глубинное, философское постижение сущности бытия. Поэт-новатор. Широкую известность приобрели его «Дуинезские элегии», «Сонеты к Орфею» и другие.

⁵ Католицизм — от греч. katholikos, что означает всеобщий, позже — вселенский. Именно это значение слова и подчеркивает А. Мацейна.

⁶ Церковь Лютера — тип религиозной организации, основанной на доктринах Лютера (1483-1546) — основоположника лютеранства. Лютеранство складывалось в XVI веке, открыв эпоху Реформации. Л. свойственно понимание веры как непосредственной связи человека с Богом, отсюда и учение об «оправдании верой», а не делами, в противовес католическому

учению о Церкви, благодати и вере. Учение об «оправдании верой», о предопределении составляет догматическую основу лютеранской Церкви. Разум может только подготавливать веру, но открывает человеку Бога только вера и Библия.

⁷ Здесь идет речь о разделении в Русской Православной Церкви, начало которому было положено в середине XVII века. Церковная реформа патриарха Никона была направлена на централизацию Церкви, на ликвидацию принципа соборности. Реформа вызвала резкий протест со стороны бывших членов «кружка ревнителей благочестия», которые выступили против нововведений. Противники реформы подвергались жестоким преследованиям.

IV. ЦАРСТВО АНТИХРИСТОВА ДУХА

¹ Марсель (Marcel) Габриэль Оноре (1889-1973) — французский философ, драматург, критик. Основоположник католического экзистенциализма. Считал невозможным какое-либо рациональное обоснование религии. В центре внимания М. — проблема бытия, преломленная через индивидуальный опыт, существование отдельного человека.

² «Pereant, pereant!» (лат.) — Да погибнут, да погибнут!

³ «ama et fac quod vis» — люби и делай, что хочешь.

⁴ Оруэлл (Orwell) Джордж (псевдоним; настоящие имя и фамилия Эрик Артур Блэр (Blair) (1903-1950)) —

английский писатель и публицист, представитель современной антиутопии, оказавший после 2-й мировой войны значительное влияние на западную общественную мысль. Роман-антиутопия «1984» был написан в 1949 году, русский перевод — 1989 год.

⁵ Ницше (Nietzsche) Фридрих (1844-1900) — немецкий философ, поэт. Родоначальник направления философии жизни. Жизнь по Ницше — истина и единственная реальность, которой должно быть подчинено духовное начало в человеке.

⁶ Пьеса Ибсена «Кесарь и галилеянин» была закончена в 1873 году. Главный герой пьесы Юлиан Апостат, или Юлиан Отступник — римский император с 361 года, который, борясь с христианством, пытался восстановить язычество.

⁷ «potentia oboedientialis» (лат.) — послушная сила.

⁸ «post patem... circenses» (лат.) — после хлеба... зрелищ.

V. ЦЕРКОВЬ ПОД ГНЕТОМ АНТИХРИСТА

французский ученый, сыгравший своими открытиями в области теоретической астрономии, математики и физики выдающуюся роль в развитии естественнонаучных взглядов на природу. Естественнонаучные взгляды Л. нашли отражение в его философских убеждениях, близких к воззрениям французских материалистов.

² Апостазия (греч. *apostasie* — отступление, отпад):

1. Полное, добровольное и сознательное отречение от веры, которое с самого начала Христианство считало тяжелейшим преступлением перед Церковью, а с IV века и перед государством. Апостаты до конца Средневековья изгонялись, их имущество конфисковывалось, в некоторых случаях они наказывались смертью. 2. Уход из духовного сословия. 3. Уход из монашества.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

¹ Дамбраускас-Якштас — о нем см. в разделе «Антихристов дух в истории».

² Шалкаускис Стасис (1886-1941) — литовский философ, педагог, идеолог. Философия Вл. Соловьева оказала значительное влияние на формирование этого виднейшего литовского философа, позднее Ш. не избежал влияния неотомизма. Своей миссией Ш. считал «национальное воспитание через философию». Стремился к синтезу природы, культуры и религии. Создал оригинальную философию культуры. Создатель литовской философской терминологии.

³ Амброзайтис Казимерас (1892-1957) — литовский философ, общественный деятель. В 1916-1918 годах изучал в Москве русскую литературу, однако под влиянием известного русского психолога и философа проф. Г. Челпанова заинтересовался философией. В 1925 году защитил диссертацию «Теория государства Вл. Со-

ловьева». Его философские интересы были обращены к социальной проблематике.

⁴ Бистрас Леонас (1890-1971) — литовский философ, общественный деятель. В 1921 году защитил диссертацию «Оправдание добра, или Философия морали Вл. Соловьева» и получил степень доктора философии. Преподавал в Каунасском университете философию природы, философию права, этику, логику, теодицею. Был одним из руководителей партии христианских демократов. Странник неотомизма.

⁵ Гронис Ладисловас (1896-?) — ксендз, доктор теологии. Профессор Вильнюсской духовной семинарии (1942-1944).

⁶ Ланге К. — сведений об этом почитателе творчества Вл. Соловьева нет даже в самой полной Бостонской литовской энциклопедии.

⁷ Миколайтис-Путинас Винцас (1893-1967) — писатель, поэт, исследователь литературы. В 1915-1917 годах учился в Петроградской духовной академии, в 1918-1921 годах в Фрибургском университете (Швейцария) изучал философию, литературу, историю искусства. В 1922 году получил степень доктора философии. Эстетические взгляды М.-П. формировались под влиянием Вл. Соловьева, Вяч. Иванова.

⁸ Сидаравичус Антанас (1902-1951) — преподаватель Каунасской семинарии. Преподавал историю философии, логику, этику. Диссертацию защитил на тему «Социальная философия Владимира Соловьева».

¹⁰ Тамошайтис Изидорюс (1889-1943) — литовский философ, публицист, общественный деятель. Закончил Каунасскую духовную семинарию и Петербург-

скую духовную академию. Диссертацию защитил по критериологии Вл. Соловьева. Преподавал философию в Каунасской духовной семинарии, позже в Каунаском университете преподавал онтологию, логику, этику, философию религии и др.

¹¹ Шилкарскис Владимирас — о нем см. в разделе «Введение. Переломный период Соловьева».

¹² Атейтиники (от литовского слова — *ateitis* — будущее) — будущники — католическая молодежная организация, основанная в 1911 году. Девиз атейтиников — «Служить Богу и Родине!» Идеологические основы атейтиников систематизировал Ст. Шалкаускис в книге «Идеология атейтиников» (1933). А. Мацейна также принимал активное участие в деятельности атейтиников; уехав в Германию, был одним из руководителей этой организации.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. Переломный период Соловьева	5
1. Утопический образ истории	5
2. Христианский образ истории	16
I. АНТИХРИСТОВ ДУХ В ИСТОРИИ	
1. Религиозный характер истории	27
2. Христос в центре истории	35
3. Понятие антихриста	53
II. ЗНАКИ АНТИХРИСТОВА ДУХА	
1. Себялюбие	64
2. Восприятие Христа предтечей	79
3. Отрицание воскресения	99
4. Конфирмация дьявола	111
5. Произшедший от блуда	122
III. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНТИХРИСТОВА ДУХА	
1. Маскировка как способ действия	141
2. Элиминация сверхприродного	156
3. Захват места Христа	182
4. Осквернение Бога	194
IV. ЦАРСТВО АНТИХРИСТОВА ДУХА	
1. Похожесть на царство Христа	205
2. Насильственная любовь	212
3. Евангелие антихриста	231
4. Единство	250
5. Благоденствие	266
6. Веселье	277

V. ЦЕРКОВЬ ПОД ГНЕТОМ АНТИХРИСТА	
1. Изгнание в пустыню.....	295
2. Гонения.....	307
3. Отпад от Бога.....	325
ОКОНЧАНИЕ. Возвращение в начало.....	343
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.....	358
<i>От переводчика.....</i>	<i>363</i>
<i>Комментарии и примечания.....</i>	<i>365</i>

Директор издательства:

Абышко О. Л.

Главный редактор:

Савкин И. А.

Художественный редактор:

Грызлова О. А.

Редакторы:

Абышко Л. А.

Дралова Н. П.

Корректор:

Румянцева Н. П.

Оригинал-макет:

Пащковская Н. И.

Антанас Мацейна «Тайна беззакония» (серия «Исследования по истории русской мысли»). Перевод с литовского и комментарии Т. Ф. Корнеевой-Мацейнене.

ИЛ № 064366 от 26. 12. 1995 г.

Издательство «Алетейя»:

193019, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской обороны, д. 13

Телефон:(812) 567-2239

Факс:(812) 567-2253

Сдано в набор 27.03.1998. Подписано в печать 10.11.1998.

Формат 70X100/32. Объем 12 п.л. Тираж 1500 экз.

Заказ №3862.

Отпечатано в Санкт-Петербургской типографии «Наука» РАН:

199034, Санкт-Петербург, ВО 9 линия, д-12

Printed in Russia

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЕТЕЙЯ»: НОВЫЕ КНИГИ О ГЛАВНОМ

Санкт-Петербургское издательство «Алетейя» существует с 1992 г. (первоначально как редакционно-издательская группа, с марта 1993 г. как самостоятельное предприятие). Его создатели — молодые философы, два выпускника философского факультета С.-Петербургского Университета. Это обстоятельство предопределило и выбор названия для издательства (в переводе с языка древнегреческих мыслителей на современный русский «алетейя» означает «истина», «справдивость», «открытость»), и выбор основного направления в деятельности нового издательства: издание и распространение классического наследия, т. е. сохранившихся первоисточников по мировой и отечественной истории, классической литературе, религии, философии, а также издание современных исследований по основным отраслям гуманитарного знания.

Визитная карточка издательства — быстро ставшие знаменитыми книжные серии: «Античная библиотека» (издается с 1993 г.), «Византийская библиотека» (изд. с 1996 г.); «Славянские древности» (изд. с 1995 г.); «Памятники религиозно-философской мысли» (изд. с 1993 г.); «Исследования по истории русской мысли» (изд. с 1996 г.), «Российские социологи» (издается с 1996 г.), «Античное христианство» (издается с 1998 г.) и некоторые другие. Всего, включая многочисленные внесерийные издания, «Алетейя» выпустила в свет уже более 150 названий книг.

Издательство «Алетейя» сегодня — это:

— высококачественные переводы классических и современных философских, научных и т. д. текстов на русский язык с основных древних и любых современных языков;

— академическая подготовка публикуемых текстов (научный комментарий, сопроводительные статьи, справочный аппарат), осуществляемая лучшими специалистами Москвы и С.-Петербурга;

— высокое качество полиграфического исполнения и художественного оформления изданий (лучшие материалы и лучшие типографии города) при сжатых сроках прохождения заказа;

— возможность размещения и сопровождения малотиражных полиграфических заказов (книги в твердых переплетах, тиснение фольгой) на самых льготных условиях;

— эффективная технология оптовой торговли специальной, научной литературой, удачный опыт представления лучших образцов отечественного научного книгоиздания на крупнейших книжных ярмарках России и Европы (во Франкфурте, Лондоне, Париже, Лейпциге, Барселоне, Варшаве и др.).

Наши книги знают, ценят, любят и ждут во многих уголках нашей необъятной России, откуда мы получаем сотни писем благодарных читателей с повторяющимся вопросом: «Где можно приобрести очередные книги издательства «Алетейя»? Отвечаем: это можно сделать, заказав их через отдел «Книга — почтой» Санкт-Петербургского Дома Книги, прикладывая заказы по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Невский проспект, дом 28, а также по каталогам агентства «Книга-сервис» (г. Москва) через «Роспечать». Книги нашего издательства продаются и в Москве: магазин «Библио-Глобус» (м. «Лубянка»), в Книжной лавке «У Сытина» (тел.: 230-89-00, 959-27-00; ул. Пятницкая, 73), Московский Дом Книги (м. «Арбатская»), магазин «Академкнига на Тверской» (м. «Тверская»), книжная ярмарка в «Олимпийском». В Петербурге весь ассортимент книг издательства «Алетейя» — в специализированных магазинах и отделах: Дом Книги (Невский пр., 28, отдел истории и общественно-политической литературы); в магазинах издательства Санкт-Петербургского университета (Университетская набережная, д. 7/9); магазин «Университетская книга» (В.О., Менделеевская линия, 5); Российская Национальная (б. Публичная) Библиотека (м. «Гостиный Двор», книжный киоск при входе в Научные Читальные Залы на площади Островского); в магазинах и киосках «Академкниги»; в магазинах издательско-торгового дома «Летний Сад»: Большой пр. П.С., 82 (тел. (факс) (812) 232-21-04), В. О., Менделеевская линия, 5 (тел. (812) 218-9438), Невский пр., 3 на еженедельной книжной ярмарке в ДК им. Крупской (м. «Елизаровская»),

Среди книжных новинок издательства особенно хочется отметить наши новые переводы, первые издания на русском языке:

- «Древнегреческая элегия»;
- Гигин «Мифы», «Об астрономии»;
- Нонн Панополитанский «Подвиги (Деяния) Диониса»;
- Дарет Фригийский «Повесть о разрушении Трои»;
- Н. Аббаньяно «Мудрость жизни», «Мудрость философии», «Введение в экзистенциализм»;
- Дж. Беркли «Алкифрон, или Мелкий философ»;
- Дитрих фон Гильдебранд «Что такое философия?», «Новая Вавилонская башня», «Сущность христианства»;
- К. Барт «Очерк догматики»;
- Ж.-П. Сартр «Идиот в семье»;
- Симона де Бовуар «Второй пол».

К бесспорным успехам издательства можно отнести трехтомную «Историю Византии» выдающегося русского историка-византиниста Юлиана Кулаковского, «Алексиаду» Анны Комниной, новое русское издание Павсания «Описание Эллады» (в 2-х томах), издание итоговой книги размышлений об истоках и судьбах русской литературы Дмитрия Лихачева «Историческая поэтика русской литературы», а также возвращение из небытия книги знаменитого русского мыслителя Алексея Лосева «Имя», собранной на основе материалов, переданных его семье из архивов ФСБ, авторскую версию «Основ средневековой религиозности» Л. П. Карсавина, сборник исторических свидетельств «Суд над Сократом», альманах «Древний мир и мь», сочинения в двух томах основателя русской социологии М. М. Ковалевского («Социология», «Современные социологи»), «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии» А. П. Рудакова, новое издание книги Иордана «О происхождении и деяниях гетов (Гетика)», книги Г. Г. Литаврина «Как жили византийцы» и «Византийский лечебник XIV в.», «Константинополь в VI в. Восстание Ника» А. А. Чекаловой и многие другие издания.

**Для получения книг почтой
заказы направляйте по адресу:**

199034: Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7/9.
Издательство Санкт-Петербургского университета,
отдел «Книга — почтой»
факс (812) 218-44-22, тел. 218-77-63,

а также заказав их через отдел «Книга — почтой»
Санкт-Петербургского Дома Книги,
прислав заказы по адресу:
191186, Санкт-Петербург, Невский пр., 28